8

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск восьмой

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1963

9(с1)
И 232

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Безносиков Я. Н. (ответственный редактор), Давыдов В. Н., Жеребцов Л. Н., Колегова Н. А. (зам. ответственного редактора), Сахарова М. А., Федорова А. Н. (ответственный секретарь).

235138
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук

Н. Д. ИВАНОВ

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УСТЬ-СЫСОЛЬСКОМ УЕЗДЕ В 1918—1920 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила в России власть помещиков и буржуазии, положила начало новой эпохи в истории человечества — эпохи социализма и коммунизма.

Одной из причин, обеспечивших победу революции, было правильное решение большевиками аграрного вопроса и вместе с тем вопроса о союзнике пролетариата — крестьянстве.

Коммунисты во главе с В. И. Лениным разработали стройную, научно обоснованную аграрную программу, которая последовательно защищала интересы крестьянства, развивалась и дополнялась на основе опыта революционного движения крестьянских масс.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции большевики выдвинули требование немедленной и полной конфискации помещичьих имений, национализации всех земель в государстве и передачи их «в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления»[1].

В обстановке, когда власть в стране находилась в руках контрреволюционной буржуазии, осуществление большевистской программы могло идти только через социалистическую революцию. В. И. Ленин, рассматривая национализацию земли как средство доведения до конца буржуазно-демократических преобразований и начало перехода к социалистическому переустрой-

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1954, стр. 341.

ству деревни, связывал ее с вопросом завоевания власти пролетариатом.

Требования большевиков имели огромное революционное значение. Они отвечали вековым мечтам крестьянства, подрывали экономическую основу господства помещиков в стране, наносили мощный удар по всей буржуазной собственности вообще.

Большевистская аграрная программа сплачивала вокруг революционного пролетариата широкие слои трудового крестьянства.

Рабочий класс России в тесном союзе с беднейшими массами деревни под руководством Коммунистической партии одержал победу 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Открывшийся в этот день II съезд Советов принял декрет «О земле», по которому частная собственность на землю раз и навсегда отменялась, что фактически означало ее национализацию. Помещичьи имения, церковные, монастырские, удельные земли вместе со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и т. д. переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Согласно декрету разрешалось свободно избирать формы землепользования: подворную, хуторскую, общинную, артельную, как будет решено в отдельных селениях. Но здесь же указывалось, что само «землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям по трудовой или потребительной норме».

Вместе с тем земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. не подлежали разделу, а превращались в показательные и передавались в исключительное пользование государства или общин. В общенародную собственность переходили также конские заводы, племенные рассадники и прочее. Таким образом, уже в декрете о земле содержалась идея создания в сельском хозяйстве государственных социалистических предприятий — совхозов [1].

В развитие декрета о земле 27 января 1918 г. ВЦИКом был принят декрет «О социализации земли». Он подтверждал отмену всякой собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы. Право пользования землей принадлежало лишь тем, кто ее обрабатывает собственным трудом. Подтверждался принцип уравнительного пользования земельными угодьями. Предлагалось выработать нормы наделения крестьян землей по районам применительно к исторически сложившейся системе землепользования. Норма не должна была превышать производственные возможности хозяйства и, в то же время, давать возможность безбедного существования семье земледельца [1].

[1] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам» (В дальнейшем «Директивы КПСС и Советского правительства...»), т. 1, М., 1957, стр. 15—17.

Коммунисты никогда не были сторонниками уравниловки. Единственно правильное решение вопроса они видели в переходе крестьян на общественную обработку земли. Однако в то время они приняли форму уравнительного землепользования, как временную, переходную меру, потому что этого требовало большинство крестьянства. Идя на уступки широким слоям крестьянства, партия укрепляла рабоче-крестьянский союз — основу диктатуры пролетариата — и в то же время давала крестьянам возможность почувствовать «собственным горбом, на собственной шкуре..., что уравнительная дележка — вздор»[2].

Программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в марте 1919 г., предусматривала ряд мер, направленных к поднятию производительности мелкого крестьянского хозяйства. Но важнейшее место в сфере сельскохозяйственного производства в будущем отводилось социалистическому земледелию.

Программа партии намечала устройство советских хозяйств, поддержку обществ и товариществ для общественной обработки земли и сельскохозяйственных коммун, организацию государственного засева земель и др.[3]

Коллективизация в СССР подтвердила правильность аграрной программы Коммунистической партии. В сельском хозяйстве нашей страны восторжествовал колхозный строй, зародыши которого лежали в первых аграрных преобразованиях еще на заре Советской власти.

В данной статье излагаются вопросы осуществления первых аграрных преобразований в Усть-Сысольском уезде[4] в 1918—1920 гг. Автор не претендует на исчерпывающее освещение затронутых вопросов и надеется, что исследования в этом направлении в дальнейшем будут продолжены.

Проведение первых аграрных законов Советской власти в жизнь имело в различных местах ряд особенностей, вытекающих из общеполитической обстановки, а также из форм землевладения и особенностей землепользования. Такие особенности имелись и в Усть-Сысольском уезде.

Во-первых, крупное помещичье землевладение здесь не было развито. Коми крестьяне до революции относились к числу государственных. Основным землевладельцем являлось помещичье

[1] «Директивы КПСС и Советского правительства...», стр. 37—38.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 156.
[3] «Директивы КПСС и Советского правительства...», стр. 124—125.
[4] Усть-Сысольский уезд являлся одной из окраинных территорий Российской империи и входил в состав Вологодской губернии. С середины 1918 г. он вошел во вновь образованную Северо-Двинскую губернию с центром в г. В.-Устюг.

государство — казна. Крестьяне получали от него надел земли не в собственность, а в пользование. В 1905 г. в Усть-Сысольском уезде 99,2% всей земельной площади были казенными и церковными, 0,5% — частновладельческими и только 0,3% составляли крестьянские наделы [1]. За клочки земли крестьяне выполняли различные государственные денежные и натуральные повинности. Без особой платы они не имели права расширять свои земельные угодья за пределами наделов.

Согласно декрету о земле вся земля в уезде стала всенародной собственностью, охраняемой социалистическим государством, и передавалась в бесплатное пользование крестьянам. Это привлекало трудящиеся массы коми деревни на сторону рабочего класса, Советской власти.

Малочисленность, экономическая и политическая слабость частновладельцев облегчали задачу конфискации их земельных угодий, уменьшали возможности сопротивления этой группы эксплуататоров.

Во-вторых, до революции в уезде существовала так называемая общинная, уравнительно-передельная система пользования надельными землями. Несмотря на это, лучшие земельные угодья сумели захватить в свои руки кулаки. Кроме того, в крестьянских хозяйствах уезда значительное место занимали так называемые подворные земли (купчие, расчистки и т. д.). Например, перед революцией в Усть-Немской, Помоздинской и Усть-Куломской волостях на каждые 100 дес. надельной земли приходилось соответственно подворной — 62 дес., 124 дес. и 223 дес.[2] Большая часть этих земель принадлежала кулакам и зажиточным крестьянам. При переделах надельных и подворных земель непосредственно сталкивались интересы сельской буржуазии и бедноты. Классовая борьба при этом достигала большого накала.

В-третьих, после победы Октябрьской революции в центре страны власть в уезде до середины 1918 года продолжала оставаться в руках эсеров и коми буржуазных националистов, захвативших ее в дни февральской буржуазно-демократической революции. Такое положение сложилось потому, что здесь из-за отсутствия крупных промышленных предприятий прослойка промышленного пролетариата среди населения была очень незначительной. До июня 1918 г. на территории уезда не было большевистских партийных организаций. Деревня находилась под сильным влиянием эсеров. В связи с этим земельные преобразования в уезде проходили значительно позже, чем в других местах Советской республики. Если в центральных губерниях конфискация частновладельческих земель была произведена

[1] «Очерки по истории Коми АССР», т. 1, Сыктывкар, 1955, стр. 290.
[2] Центральный государственный архив Коми АССР (В дальнейшем ЦГА Коми АССР), ф. 139, оп. 2, д. 14, лл. 45—46.

в основном осенью и зимой 1917—1918 гг., а уравнительные переделы земли закончены летом 1918 г., то в Усть-Сысольском уезде процесс конфискации частновладельческих земель продолжался еще и в конце 1918 г., а уравнительные переделы летом 1918 г. только начались.

В 1919 г. непосредственно на территории уезда развернулась гражданская война. Белогвардейцы разрушили первые совхозы и колхозы, уничтожили документацию по земельным переделам, землеустроительным работам. Значительную часть проведенных мероприятий приходилось выполнять заново после их изгнания.

В-четвертых, накануне революции в уезде наблюдалось острое малоземелье. В 1917 г. на 21 773 хозяйства имелось всего 20 279, 1 дес. посева [1], т. е. меньше, чем по одной десятине в среднем на хозяйство. Вследствие малого фонда освоенных земельных площадей, в уезде путем уравнительного передела даже всех сельскохозяйственных угодий, земельную нужду широких масс крестьянства удовлетворить было невозможно. А освоение под угодья лесных площадей требовало большой затраты сил, средств и времени. В условиях гражданской войны возможности для этого были весьма ограниченными.

Аграрная проблема в Усть-Сысольском уезде, как и в целом в СССР, полностью была решена только в результате сплошной коллективизации. Однако первые шаги в ее разрешении были сделаны уже в 1918—1920 гг.

Эсеровское руководство сначала земской управы, а с марта 1918 г. уездного Исполкома Советов выступило против проведения в жизнь советских законов. Еще в дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде вожак эсеров в уезде — правый эсер С. О. Латкин заявил, что «Усть-Сысольская земская управа всеми мерами будет препятствовать захвату власти большевиками» и уничтожил телеграмму Совета Народных Комиссаров с декретом «О земле»[2]. Но народ узнал правду. Под нажимом снизу, в марте 1918 г. уездный земельный комитет принял решение о передаче в пользу земельных обществ причтовых и церковных земель. Также была принята резолюция о частновладельческих землях, которые подлежали конфискации и передавались в ведение земельных комитетов «безотносительно к величине и роду угодий»[3]. Фактически это решение было простой бумажкой, рассчитанной на обман общественного мнения. Положение мало изменилось и после того, как 14 апреля 1918 г.

[1] «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям» (В дальнейшем «Поуездные итоги...»), т. V, вып. 2, М., 1923, стр. 18—21.
[2] П. Е. Куклев и В. Г. Зыкин. Октябрьская революция в Коми крае. Сыктывкар, 1957, стр. 24.
[3] «Журнал общего собрания Усть-Сысольского уездного земельного комитета III сессии», Усть-Сысольск, 1918 стр. 6, 7, 8.

«открыл свои действия» Усть-Сысольский уездный земельный отдел [1]. Достаточно сказать, что за весь период хозяйничанья эсеров в уезде (до лета 1918 г.) было национализировано только 12 частновладельческих имений из 34 имеющихся [2]. Больше того, функции распределения конфискованных частновладельческих земель передавались так называемым «примирительным камерам», которые были изобретены еще Временным правительством с целью примирения интересов крестьян и помещиков. Эти «камеры» состояли из бывших царских судей, помещиков и зажиточных крестьян и защищали интересы только эксплуататорских классов.

Совсем по-другому, чем уездные власти, были настроены крестьянские массы. Не спрашивая разрешения у эсеровских властей, крестьяне брали решение земельного вопроса в собственные руки. Например, беднота Керчемской волости, организовавшись под руководством большевика А. П. Гичева, весной 1918 г. выявила весь пахотный и сенокосный земельный фонд и произвела передел его с учетом интересов батраков и бедняков. Крестьяне Слободской волости в мае того же года решили «отобрать все излишки земли и наделить ими малоземельных и безземельных»[3]. Коллектив рабочих Кажимского завода принял решение разделить всю покосную землю (около 45 десятин), а также «все незаселенные поддомовые места в районе завода передать рабочим, не имеющим усадебных мест»[4]. Подобным образом крестьяне поступали и в ряде других волостей уезда.

Борьба крестьян за землю вызывала враждебное отношение со стороны уездных властей, которые все больше обнажали свою антинародную, контрреволюционную сущность. С особой силой это проявилось в июне 1918 г. при конфискации имения Кузьбожевых в местечке Човью, когда эсеровский уисполком выступил на стороне владельцев имения [5].

В июне — августе 1918 г. в уезде были созданы первые большевистские ячейки и комитеты деревенской бедноты, началась чистка Советов от соглашательских элементов. Эти мероприятия явились переломным моментом в развитии аграрной революции в крае. Полным ходом началась ликвидация частновладельческих земель. Уже по данным на 1 ноября 1918 г. было конфисковано по уезду 9266,1 десятин [6], из которых 6802,1 дес. отданы

[1] Вологодский областной государственный архив (ВОГА), ф. 585, оп. 1, д. 70, л. 45.

[2] «Журнал заседаний Усть-Сысольского уездного земельного Совета от 1—3 июля 1918 г.». Усть-Сысольск, 1918, стр. 44—45.

[3] П. Е. Куклев и В. Г. Зыкин. Указ. соч., стр. 42—43.

[4] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 20, л. 3.

[5] См. П. Е. Куклев и В. Г. Зыкин. Указ. соч., стр. 52—53.

[6] Имеются в виду только земли, предназначенные для пашни и лугов, все же остальные земли, находящиеся под лесом, кустарником, оврагами, заболоченные пустоши и т. д. в расчет не принимаются.

в пользование безземельным и малоземельным крестьянам, 2315 дес.— советским хозяйствам, 149 дес.—коммунам и артелям [1]. Часть крестьян получила землю, а часть увеличила свои наделы. Бедняки города Усть-Сысольска увеличили свой надел против дореволюционного наполовину, середняки на четверть, а безземельные получили наделы [2].

Ходом аграрных преобразований в уезде руководили уездный Исполком Советов, возглавляемый с июля 1918 г. большевиками, и его земельный отдел. Они посылали на места разъяснения к законам Советской власти, инструкторов, квалифицированных специалистов, разбирали жалобы крестьян. При уездном земельном отделе была образована секция инструкторов по социализации земли и уезд был разделен на 7 районов с инструктором в каждом. Задача инструкторов состояла в разъяснении текста закона о социализации земли [3].

В проведении в жизнь аграрных законов советской власти самое активное участие принимали на местах возникающие ячейки РКП(б), комитеты бедноты и очищенные от врагов народа Советы.

Наряду с распределением бывших казенных, церковных и частновладельческих земель в большинстве волостей уезда проходили частичные переделы земель, находившихся в пользовании крестьян. Переделы коснулись не только бывших надельных, но и подворных земель.

Вопрос о подворных землях, в связи с конкретно сложившейся обстановкой, решался по-разному. В одних волостях эти земли наравне с надельными включались в переделяемый фонд, в других — не включались, в третьих — подвергались переделу только те расчистки, которые к этому времени достигли 70-летнего срока с момента их разработки [4].

По декрету о земле все земли подлежали переделу. Однако кулацко-зажиточная верхушка деревни оказывала упорное сопротивление включению в переделяемый фонд подворных земель. 27 апреля 1919 г. уездный земельный отдел на основании «многочисленных жалоб крестьян» вынес постановление, по которому «распределение новорасчисток и распашек какого бы то возраста ни было» прекращалось впредь до производства землеустройства [5].

Данное постановление не соответствовало декрету о земле и носило двойственный характер. Сохранение расчисток за их владельцами стимулировало расширение земельных угодий. Но

[1] Сб. «Аграрная политика советской власти (1917—1918 гг.)», М., 1954, стр. 504.

[2] П. Е. Куклев и В. Г. Зыкин. Указ. соч., стр. 43—44.

[3] Газета «Зырянская жизнь», 22 (9) июня 1918 г.

[4] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 37, л. 9; д. 19, л. 21; оп. 2, д. 60, л. 345.

[5] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 169, л. 4.

с другой стороны оно становилось защитой кулацкого землепользования, что противоречило интересам бедняцкой части деревни. В целом данное постановление было выгодно кулацко-зажиточной верхушке.

Уравнительное распределение земель в Усть-Сысольском уезде проходило в основном по «едокам», что являлось наиболее правильным и было выгодным прежде всего хозяйствам бедняков и середняков.

При переделах учитывалось не только количество, но и качество земли. Это соответствовало настроению крестьян. Но практиковавшееся выделение наделов одним и тем же хозяйствам на разных по качеству участках имело отрицательные последствия: создавались мелкополосица, чересполосица и прочие неудобства землепользования, которые не были изжиты вплоть до коллективизации.

Земельные переделы проходили в острой борьбе с кулаками. Последние, не желая передавать излишки земли малоземельным и безземельным крестьянам, произвольно толковали закон о социализации земли, отказывались подчиниться решениям сходов о переделе земель [1]. Иногда им удавалось на сельских сходах захватить инициативу и, не брезгуя никакими методами, заставить крестьян отказаться от передела. В таких случаях передел иногда производился без согласия общего схода. Так было в ряде деревень Визингской волости [2]. Кулаки прибегали к прямым террористическим актам против сельских активистов. В сентябре 1918 г. в д. Граддор Шошкинской волости был убит активист комбеда А. В. Сивков. 9 сентября кулаки убили руководителя Керчемской партийной организации и комбеда А. П. Гичева [3]. Трудящееся крестьянство уезда вело самую решительную борьбу с кулачеством. В ответ на террор и антисоветскую агитацию комитеты бедноты конфисковывали кулацкое имущество, а самих отдавали под суд; на кулаков также накладывались контрибуции.

Следует заметить, что в некоторых волостях при переделах было допущено нарушение земельных законов: землей наделялись только лица мужского пола [4] и т. п. Искривления и ошибки являлись прежде всего следствием плохого знания на местах земельных законов и слабости инструкторских кадров. После правильного разъяснения Советского земельного законодательства эти ошибки самими крестьянами быстро исправлялись.

В результате осуществления первых аграрных законов Советской власти в стране была подорвана экономическая мощь

---

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 16, л. 85.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 16, л. 83.
[3] «Комитеты бедноты в Коми крае», сб. документов, под ред. П. Е. Куклева, Сыктывкар, 1958, стр. 134.
[4] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 37, л. 9.

кулачества, произошла некоторая нивелировка крестьянства. Среди сельского населения основной фигурой стал середняк. Это был в основном новый середняк, выросший из числа бедняков благодаря Советской власти, ее помощи и поддержке. Средняя крестьянство, составляя большинство сельского населения, становилось все более активно на сторону Советской власти. В этих условиях политика нейтрализации середняка, которой придерживались большевики в период подготовки и проведения революции, уже не отвечала требованиям момента и нуждалась в пересмотре. В. И. Ленин еще осенью 1918 г. выдвинул лозунг: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...»[1]. Ленинские указания легли в основу решений VIII съезда партии по крестьянскому вопросу. В резолюции съезда указывалось, что правильной политикой Советской власти в деревне является «союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством»[2]. Это означало, что партия переходила от политики нейтрализации середняка к союзу с ним при сохранении в этом союзе руководящей роли рабочего класса.

Заметные сдвиги произошли и в Усть-Сысольском уезде. Здесь, как и по всей стране, Октябрьская революция остановила процесс разорения крестьянства и положила начало новому процессу, ведущему к уничтожению нищеты и разорения в деревне. За период с 1917 по 1920 гг. при общем сокращении, вследствие военной разрухи, посевных площадей в уезде на 26,4% [3] произошло сокращение хозяйств без посева с 5,6% до 1,3% [4].

К сожалению, мы не располагаем обобщенными сравнительными данными по обеспеченности крестьянских хозяйств землей в 1917 и 1920 гг. Данные по отдельным селениям за 1920 г. показывают, что крестьянское землепользование после уравнительных переделов, где таковые были проведены, хотя и не стало абсолютно равным, но в то же время и не очень разнилось. Например, в хозяйствах д. Вадыб Вотчинской волости приходилось на едока надельной пашни от 279 до 330 кв. сажен [5], в с. Скородуме Помоздинской волости — 210 кв. сажен [6], а в селениях Слободской волости — 450 кв. сажен [7].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 171.
[2] «Директивы КПСС и Советского правительства...», стр. 130.
[3] «Поуездные итоги...», стр. 18, 19; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2916, л. 45.
[4] «Поуездные итоги...», стр. 18, 19; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2916, л. 45.
[5] ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2930, л. 5.
[6] ЦГА Коми АССР, ф. 719, оп. 1, д. 3004, лл. 1—38.
[7] ЦГА Коми АССР, ф. 719, оп. 1, д. 3012, лл. 1—19.

Однако уравнительные переделы земли не спасли крестьян от малоземелья, не были уничтожены чересполосица, многополосица, дальноземелье. Получая землю при переделах, бедняки часто отказывались от нее, так как не имели ни инвентаря, ни семенного материала, ни других необходимых для землепашества средств.

Во многих волостях, в силу ряда причин, не было произведено и уравнительное перераспределение надельных земель. Все это вместе взятое привело к тому, что в 1920 г. в уезде еще существовало некоторое неравенство в размерах землепользования, имелись безземельные хозяйства [1].

В обеспеченности крестьянских хозяйств скотом также произошли изменения, о чем свидетельствует ниже приводимая таблица [2]:

Годы	Число хозяйств в % %										
	без исключого скота	без лошадей	с одной лошадью	с двумя лошадьми	с тремя лошадьми	без коров	с одной коровой	с двумя коровами	с тремя коровами	с четырьмя коровами	с пятью и более коровами
1916	5,3	16,7	70,5	11,8	1,0	7,3	29,7	32,8	17,7	8,4	4,1
1920[3]	3,0	23,4	74,3	2,2	0,1	7,8	63,5	27,3	1,4	—	—

С 1917 по 1920 гг. в результате грабежа белогвардейцев, мобилизации на нужды Красной Армии и другим причинам в уезде произошло сокращение общего поголовья лошадей на 7,3%, коров на 11,2%[4], за это же время число крестьянских хозяйств выросло на 4,2%[5]. Следствием этого было увеличение числа безлошадных и бескоровных хозяйств. Вместе с тем часть бедняков приобрела скот и несколько улучшила свое положение, о чем свидетельствует некоторое сокращение бесскотных хозяйств. В два с лишним раза возрос процент однокоровных, увеличилось число однолошадных хозяйств.

Особенно большие изменения произошли в группах многолошадных и многокоровных хозяйств. Если накануне революции хозяйств с 2—3 лошадьми было 12,8% и с 3—5 коровами — 30,2%, то в 1920 г. соответственно — 2,3% и 1,4%. Хозяйства с тремя лошадьми и с четырьмя и более коровами стали редким явлением или исчезли вовсе.

Приведенные данные показывают, что за период с 1917 по 1920 гг. в коми деревне также произошла определенная нивелировка крестьянских хозяйств. Экономическая мощь кулачества была в значительной степени подорвана; часть бедняцких хозяйств получила землю, приобрела скот и укрепила свое хозяйство. В результате этого, а также законодательства Советского государства, резко сократились хозяйства, использующие наемный труд. В 1920 г. хозяйства с наймом сезонных рабочих составляли по уезду 1,3% против 2,7% в 1917 г.[1] В ряде волостей количество хозяйств, эксплуатирующих чужой труд, сократилось до 0,5%[2] (Помоздинская), до 0,2%[3] (Пажгинская), в некоторых волостях (Пожегодская) они исчезли [4].

Вместе с тем следует отметить, что общий уровень обеспеченности крестьянских хозяйств основными средствами производства оставался крайне низким. Это явилось следствием отсталости и неразвитости сельского хозяйства уезда вообще, а также войны.

Советское государство оказывало крестьянству, особенно бедноте, возможную в условиях войны помощь (об этом смотрите подробнее в статье Л. С. Шабаловой «К вопросу об экономических основах военно-политического союза коми народа с другими народами страны в годы гражданской войны», в настоящем сборнике), что позволило им перенести тяготы военного времени. Трудящиеся массы коми крестьянства на практике убедились, что единственным защитником их интересов является Советская власть. Если в начальный период гражданской войны часть крестьян (особенно середняков) занимала выжидательную позицию и иногда колебалась, то к концу войны они прочно встали на сторону Советской власти. Усть-Сысольский уездный комитет партии, характеризуя политическое состояние уезда в апреле 1920 г., отмечал, что «общее настроение населения во всех волостях... сознательно сочувствующее Советской власти»[5].

Уже первые земельные законы Советской власти нацеливали крестьянство на переход к общественной обработке земли, давали преимущества коллективному хозяйству перед единоличным.

---

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2916, л. 45.

[2] Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Усть-Сысольскому уезду. (Научный фонд Коми филиала АН СССР). ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2903, л. 1; оп. 2, д. 436, л. 2.

[3] Кроме Усть-Сысольского уезда входят данные по коми волостям Яренского уезда.

[4] «Поуездные итоги...», стр. 19; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 841, л. 14.

[5] «Поуездные итоги...», стр. 18; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 2916, л. 45.

[1] «Поуездные итоги...», стр. 18; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, д. 841, л. 14.

[2] ЦГА Коми АССР, ф. 719, оп. 1, д. 2986, л. 2.

[3] ЦГА Коми АССР, ф. 719, оп. 1, д. 2941, л. 3.

[4] ЦГА Коми АССР, ф. 719, оп. 1, д. 3007, л. 1.

[5] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 2, д. 3, л. 70.

На коллективный, социалистический путь ведения своего хозяйства начала переходить наиболее сознательная часть крестьянства и Усть-Сысольского уезда. Крестьяне шли в колхозы, видя в них выход из разорения и нужды. Новизна дела, нехватка средств и квалифицированных руководящих, инструкторских и землеустроительных кадров, сопротивление со стороны зажиточных элементов, частнособственническая психология крестьянства являлись тормозом в строительстве новой жизни.

Партийные и советские организации, комитеты бедноты Усть-Сысольского уезда проделали значительную работу по пропаганде идей коллективного землепользования в деревне. Коллективам оказывалась поддержка семенами, хлебом, инвентарем и т. п. Все это способствовало возникновению первых колхозов.

Одним из первых сельскохозяйственных коллективов на территории современной Коми АССР была коммуна «Выль моз» («По-новому»), образованная в июле 1918 г.[1] в Слудской волости Халтуринского уезда Вятской губернии [2].

В конце 1918 г. коммуны стали возникать и в Усть-Сысольском уезде. В декабре крестьяне д. Носим Усть-Куломской волости образовали коммуну под названием «Братство»[3].

В 1919 г. в уезде было создано три коммуны: «Тыбъинская» (Палаузской волости), «Заря» (с. Скородум Помоздинской волости) и «Братство» (Пезмогской волости)[4]. Большинство первых коммун при нашествии белогвардейцев осенью 1919 г. распалось.

После окончания военных действий на территории уезда (март 1920 г.) процесс коллективизации возобновился и усилился. На конец 1920 г. в Усть-Сысольском уезде было 11 сельскохозяйственных коммун и артелей. Они объединяли 312 человек, или около 0,3% всего населения уезда. У объединившихся крестьян имелось 62 лошади и 93 коровы [5]. Земельные угодья составляли 492 десятины 726 кв. сажен [6] (120 десятин 726 кв. сажен пахотной земли и 372 десятины сенокоса), или 0,3% от земли, находящейся у сельских обществ.

Особый интерес представляет вопрос об имущественном положении членов первых коллективных хозяйств. В нижеследующей таблице приведены данные по пяти артелям и двум коммунам уезда за 1919—1920 гг.[7]

[1] Газета «Коми сикт», 3 августа 1929 г.
[2] Сейчас эта территория входит в состав Летского района Коми АССР.
[3] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 5, л. 129.
[4] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 2, дд. 3—5.
[5] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 124, л. 72; ф. 139, оп. 1, д. 9, лл. 154—155.
[6] ЦГА Коми АССР, ф. 485, оп. 1, д. 5, лл. 40—41; д. 4, лл. 9—10.
[7] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 2, дд. 3, 6, 8, 9, 10, 11, 12.

Формы коллективов	Число семейств (членов), попавших в учет	% хозяйств к общему числу						
		без избы	без лошадей	с одной лошадью	с двумя лошадьми	без коров	с одной коровой	с двумя коровами
Коммуны . . .	28(146)	10,7	32,1	67,9	—	14,3	57,1	28,6
Артели	29(144)	3,4	10,3	86,2	3,5	3,4	62,1	34,5

Из таблицы видно, что основную массу вступивших в коллективы крестьян составляли батрацкие и бедняцкие хозяйства.

Коммуны объединяли наиболее бедные слои населения: около 1/3 семейств, вступивших в коммуны, не имели лошадей и более 10% — избы. Безлошадные и однолошадные составляли в коммунах 100%, безкоровные и однокоровные — 71,4%. Вместе с тем следует отметить, что в первые колхозы вступали также и середняцкие хозяйства.

Советское государство оказывало возникающим коллективам возможную в условиях войны помощь. Декретом Совета Народных Комиссаров от 2 ноября 1918 г. был образован миллиардный фонд помощи сельскохозяйственным коллективам [1]. В 1919 г. из этого фонда была выдана ссуда некоторым коллективным хозяйствам и Усть-Сысольского уезда. В начале года ссуду в размере 111 138 рублей получила «Тыбъинская» коммуна и 82 200 рублей — коммуна «Заря»[2]. В 1920 г. из миллиардного фонда ссуда в размере 32 295 рублей была предоставлена артели «Единение» Пажгинской волости и 20 000 рублей коммуне «Братство» Пезмогской волости [3]. Помимо этого вновь созданным коллективам уезда в 1920 г. было выделено еще 50 000 рублей на организационные расходы [4].

Кроме денежной помощи, первые колхозы получали от государства продовольствие, семенной материал, сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Только за 1920 г. им было выдано около 446 пудов яровых и озимых семян, 12 плугов, 283 косы, 75 серпов, 500 пудов продовольственного хлеба и другие продукты [5].

Первые колхозы были весьма неустойчивыми, некоторые из них распадались, даже не успев развернуть коллективную работу. Причиной этому были: отсутствие опыта коллективной работы, организационная и хозяйственная слабость. В рассматриваемый период ни один из коллективов в уезде не был земле-

[1] Сб. «Аграрная политика Советской власти (1917—1918)», стр. 415—416.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 2, д. 4, л. 31; д. 5, л. 14; Газета «Крестьянские и рабочие думы», 16 мая 1919 г.
[3] ЦГА Коми АССР, ф. 485, оп. 1, д. 6, л. 28.
[4] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 124, л. 88.
[5] ЦГА Коми АССР, ф. 485, оп. 1, д. 4, лл. 9, 10.

устроен. Основные средства производства в большинстве случаев не обобществлялись.

Наряду с коммунами и артелями в сельском хозяйстве Усть-Сысольского уезда в годы гражданской войны начали создаваться и первые государственные предприятия — совхозы. Всего было образовано четыре совхоза. Два из них «Верхний Чов» и «Нижний Чов» возникли на бывших частновладельческих землях, «Ульяново» — на угодьях бывшего монастыря, «Ферма»— на базе племенного хозяйства бывшего земства. Совхозы имели более 2 тыс. десятин удобной земли [1], но в них, как и в колхозах, наблюдался острый недостаток пахотных земель.

В совхозах были организованы рассадники племенного скота, развивалось производство овощей, картофеля и других культур. В 1920 г. в совхозе «Ульяново» урожай кочанной капусты составил более 300, свеклы — 355, картофеля — 218 центнеров с гектара [2], что являлось в местных условиях весьма показательным.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало коренным преобразованиям в сельском хозяйстве. Хозяином земли стал трудовой народ.

Под руководством партийных и советских органов, при самом активном участии комитетов деревенской бедноты в Усть-Сысольском уезде были конфискованы и переданы в бесплатное пользование крестьянам бывшие казенные, церковные и частновладельческие земли, во многих волостях произведены на уравнительных началах переделы надельных, а частично и подворных крестьянских земель. Все это привело к ликвидации феодально-крепостнических пережитков, способствовало поднятию экономической мощи беднейших слоев деревни, подрыву экономики кулацких хозяйств.

Аграрные преобразования, наряду с другими мероприятиями Советского государства, способствовали улучшению материального благосостояния, переходу широких трудящихся масс коми крестьянства на сторону революционного пролетариата. Помощь, оказываемая Советским государством коми трудящимся, явилась неоценимым вкладом в дело укрепления дружбы коми народа с русским и другими народами Советской страны.

Качественно новым явлением большой экономической и политической важности было возникновение первых колхозов и совхозов. В сельском хозяйстве уезда возник социалистический уклад, возникли новые, социалистические производственные отношения. И хотя первые совхозы и колхозы были небольшими островками в море единоличных хозяйств и имели крайне слабую материально-техническую базу, они сыграли большую положительную роль, являясь опорными пунктами социализма в деревне, проводниками идей коллективизма и передового опыта.

Изучение и обобщение опыта работы первых коллективных хозяйств позволило Коммунистической партии найти наиболее целесообразные формы перехода крестьян от единоличного способа ведения хозяйства к крупному социалистическому земледелию.

---

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 842, л. 1.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 410, оп. 1, д. 60, л. 355.

235138
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Л. С. ШАБАЛОВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА КОМИ НАРОДА С ДРУГИМИ НАРОДАМИ СТРАНЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наша великая Родина являет всему миру пример нерушимого братского сотрудничества равноправных, свободных от эксплуатации народов.

Дружба народов СССР стала одной из главных основ прочности и незыблемости Советского многонационального государства, великой движущей силой в строительстве коммунизма в нашей стране.

Идея дружбы народов всегда была дорога и близка трудящимся, каждому передовому человеку. Но до Великой Октябрьской социалистической революции в России не было условий для всестороннего развития и расцвета дружбы между ними. Главным препятствием этому был эксплуататорский строй, порождавший национальное угнетение.

Великая Октябрьская социалистическая революция означала всемирно-исторический поворот в истории развития наций и национальных взаимоотношений. С первых же дней революции практически начала проводиться в жизнь ленинская национальная политика, которая нашла свое воплощение в таких исторических документах, как «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», первая Советская конституция. В этих документах были провозглашены равноправие и суверенность народов России, право народов на самоопределение, отменялись все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения.

Социалистическая революция встретила отчаянное сопротивление всех контрреволюционных сил в стране и открытое военное вмешательство во внутренние дела России со стороны иностранных империалистов. В борьбе против иностранных интервентов и белогвардейцев сложился и укрепился военно-политический союз русского рабочего класса с трудящимися слоями города и деревни, прежде всего, с основными массами трудового крестьянства, в том числе крестьянства национальных окраин. Именно «нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелкобуржуазной демократии (эсерами и меньшевиками),— писал В. И. Ленин,— создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за Советскую власть»[1].

Военно-политический союз рабочего класса и крестьянства нашел свое яркое проявление в совместной борьбе против интервентов и белогвардейцев. Этот союз был в известной мере и экономическим союзом. Его экономическую основу составляло то, что «крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности»[2]. Складывание и упрочение этого союза зависело от экономической политики партии и Советского правительства и прежде всего от разрешения продовольственной проблемы. Для решения этой задачи была введена государственная монополия хлебной торговли, установлена продразверстка. Происходит централизация всего продовольственного дела. В связи с этим свободный товарооборот и денежное обращение резко сократились. Установилась система централизованного в руках государства и принудительного продуктообмена между городом и деревней.

Продразверстка явилась одним из основных звеньев особой экономической политики, проводимой Советской властью в годы гражданской войны и вошедшей в историю под названием «военный коммунизм». «Военный коммунизм» представлял собой целую систему мероприятий, направленных на мобилизацию всех внутренних сил всей страны на службу фронту.

Укрепляя союз рабочего класса и крестьянства, Коммунистическая партия одновременно создавала союз и дружбу между трудящимися всех народов России.

История братского содружества коми народа с другими народами страны в годы гражданской войны в исторической литературе освещена еще далеко не полно. В книгах П. Е. Куклева и В. Г. Зыкина «Октябрьская революция в Коми крае» (Сыктывкар, 1957 г.), Е. Г. Королевой и А. А. Попова «Гражданская война в Коми крае» (Сыктывкар, 1957 г.), а также в отдельных журнальных и газетных статьях уделялось внимание, главным образом, политическому руководству русского рабочего класса коми крестьянством, военной помощи Советского государства коми народу в гражданской войне, участию трудящихся коми в борьбе с интервентами и белогвардейцами.

В данной статье делается попытка осветить некоторые стороны вопроса об экономических основах военно-политического

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 432.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 432.

союза коми народа с другими народами страны в годы гражданской войны.

Социалистическая революция в Коми крае[1] победила в большинстве мест летом и осенью 1918 г.

В переходе широких масс трудящихся коми на сторону революции определяющую роль сыграли полностью отвечающая интересам народа программа Коммунистической партии и начало ее практического претворения в жизнь. Победа Октябрьской революции в центре страны, всесторонняя помощь Центрального Комитета партии, русских большевиков, русских рабочих обеспечили успех борьбы трудящихся масс коми за создание и упрочение Советской власти[2]. С победой социалистической революции началась новая полоса в истории коми народа, полоса перехода от капитализма к социализму. Революция открыла также новый этап в развитии дружбы коми народа с другими народами страны.

Начавшаяся гражданская война поставила под угрозу все завоевания Октября. Трудящиеся коми вместе с другими народами страны поднялись на защиту завоеваний революции. В ходе борьбы с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией сложился военно-политический союз рабочего класса России с трудящимися коми, союз коми народа с другими народами страны, который был обусловлен общностью их коренных интересов. Коммунистическая партия и Советское правительство поддерживали коми народ в его борьбе с белогвардейцами, помогали ему вооружением и снаряжением, на помощь трудящимся края посылали части Красной Армии. В свою очередь лучшие представители коми народа мужественно сражались на всех фронтах гражданской войны. По призыву Коммунистической партии и Советского правительства в ряды Красной Армии только из Усть-Сысольского и Яренского уездов вступило около 19 тысяч человек[3].

Немаловажную роль в складывании и укреплении этого союза сыграла аграрная политика Советского государства.

Коми крестьяне относились до революции к числу «государственных». Помещичье землевладение здесь не было развито. Основным землевладельцем в крае было государство — казна. Лучшие земельные угодья были захвачены церковью, кулаками, купцами. Несмотря на наличие огромных неосвоенных территорий, коми крестьянство до революции сильно страдало от недостатка земли. За клочки земли крестьяне выполняли различные

[1] Здесь и далее под этим термином разумеется современная территория Коми АССР, входившая в годы гражданской войны в основном в состав Печорского уезда Архангельской губернии, Усть-Сысольского и Яренского уездов Северо-Двинской губернии и Чердынского уезда Пермской губернии.

[2] П. Е. Куклев, В. Г. Зыкин. Октябрьская революция в Коми крае. Сыктывкар, 1957.

[3] Сб. статей «Юность огневая», Сыктывкар, 1958, стр. 51.

повинности в пользу помещичьего государства. Земельный вопрос и здесь приобретал большую остроту.

Согласно декрету «О земле», принятому II съездом Советов, земля в Коми крае, как и по всей стране, стала всенародной собственностью. Верховным владельцем всех земельных богатств стало социалистическое государство. Оно предоставляло землю в бесплатное пользование крестьянам на уравнительных началах. Во исполнение этого декрета в Усть-Сысольском и Яренском уездах в 1918 г. было национализировано 76 частновладельческих имений с общей земельной площадью 19 428 десятин[1]. Одновременно в ряде волостей проводились уравнительные переделы или так называемые «скидки» и «накидки» земель. В проведении этих мер большую роль сыграли комитеты деревенской бедноты, возникшие во второй половине 1918 г., руководимые партийными ячейками и продовольственными комитетами уездных исполкомов Советов[2].

В связи с захватом интервентами и белогвардейцами ряда хлебопроизводящих районов, а также саботажем кулачества в стране остро встал продовольственный вопрос. В Коми крае он особенно обострился в связи с нарушением нормальных экономических связей и неурожаем 1917 и 1918 гг. К лету 1918 года в Усть-Сысольском уезде по официальным данным из 130 тысяч населения — 11 843 человека относилось к голодающим и 86 062 человека к полуголодающим[3]. Продовольственное положение в Яренском уезде было не лучше, но особенно плохо оно складывалось на Печоре.

Некоторые запасы хлеба были в руках кулаков и купцов (особенно в более южных хлебородных волостях Усть-Сысольского уезда), но они не продавали его государству и трудящимся крестьянам по твердым ценам, а предпочитали наживаться на народном голоде.

В газете «Зырянская жизнь» сообщалось: «С голодной Вишеры[4] за поисками хлеба отправляются целые флотилии лодок и направляются все в нашу житницу на Сысолу, в Иб, Межадор. Везут все, начиная от одежды и кончая сбруей».., и далее: «жадность ибских буржуев, по выражению голодающих крестьян, дошла до того, что покупателям, приехавшим за сотню верст, не продают печеного хлеба на прокормление иначе как на обмен: снимай рубашку с себя, картуз с головы... Одни древесную кору едят, а другие богатеют, да еще измываются над своими

[1] «Очерки по истории Коми АССР», т. II, Сыктывкар, 1962, стр. 39, 46.

[2] Подробней о земельном вопросе см. ст. Иванова Н. Д. «Аграрные преобразования в Усть-Сысольском уезде в 1918—20 гг.», в этом же сборнике.

[3] Центральный Государственный Архив Коми АССР (в дальнейшем ЦГА Коми АССР), ф. 4, оп. 1, д. 9, лл. 297—299.

[4] Вишера — правый приток р. Вычегды, один из самых северных районов Усть-Сысольского уезда.

же крестьянами, проедающими свой последний хозяйственный инвентарь»[1]. Местное кулачество считало голод своим лучшим союзником в борьбе с Советской властью и в этом отношении его позиции ничем не отличались от позиций общероссийской контрреволюции.

Необходимо было немедленно и решительно повести борьбу за хлеб. Борьба с голодом, борьба за хлеб, по выражению В. И. Ленина, была в тех условиях борьбой за социализм.

Для решения продовольственного вопроса в Коми крае прежде всего нужно было учесть наличие хлеба в каждом отдельном хозяйстве и использовать имевшиеся излишки для помощи голодающим. Эта работа заняла важное место в деятельности партийных организаций, Советов и комитетов бедноты осенью 1918 г. Непосредственно работу по учету запасов хлеба и его распределению проводили комбеды. В Яренском уезде комбеды выявили у кулаков 10 тысяч пудов излишков хлеба и изъяли их[2]. Помимо реквизиций хлеба, был налажен обмен сахара, мануфактуры, получаемых из центра страны, на хлеб[3].

Значительную помощь местным органам в деле борьбы за хлеб оказали русские рабочие. В октябре 1918 года в Усть-Сысольск прибыла группа петроградских рабочих в количестве 9 человек во главе с коммунистом Ивановым[4]. Вскоре по инициативе этой группы состоялось объединенное заседание уездного исполнительного комитета Советов, уездного продовольственного комитета и представителей комбедов города. Совещание решило создать продотряд и направить его для изъятия хлебных излишков на Сысолу. Этот отряд реквизировал у кулачества Сысольских волостей около 2 тыс. пудов хлеба[5]. В Усть-Сысольском уезде большая работа по учету хлеба, налаживанию работы заготовительного аппарата, распределению продовольствия и организации комитетов бедноты, была проведена осенью 1918 года инструктором Наркомпрода Холмогоровым[6].

В годы войны основным средством пополнения государственных запасов продовольствия стали разверстки. Советское правительство устанавливало сколько хлеба должна была собрать в пользу государства каждая губерния. Местные советские органы разверстывали государственные задания по уездам, волостям и хозяйствам. Разверстка по хозяйствам производилась

[1] Газета «Зырянская жизнь», 1 и 14 июля 1918 г.
[2] «Журнал заседаний VI съезда Советов Яренского уезда», Яренск, 1919, стр. 132.
[3] Газета «Зырянская жизнь», 27 июля 1918 г.
[4] Центральный Государственный архив Октябрьской революции (в дальнейшем ЦГАОР), ф. 1943, оп. 1, д. 307, л. 118.
[5] П. Е. Куклев, В. Г. Зыкин. Октябрьская революция в Коми крае, стр. 96.
[6] ЦГАОР, ф. 2021, оп. 1, д. 224, л. 50.

на основе классового принципа. Она должна была выполняться прежде всего за счет кулаков. Уездные партийные организации, продовольственные органы уделяли большое внимание этой работе.

Разрешение продовольственного вопроса происходило в ожесточенной классовой борьбе. Кулачество оказывало упорное сопротивление мероприятиям Советской власти. В ряде случаев дело доходило до открытых антисоветских выступлений и террористических актов против сельских активистов со стороны кулаков. Партийные ячейки и советские органы, опираясь на поддержку широких масс трудящихся, прежде всего, на бедноту, ломали сопротивление классовых врагов. Планы разверсток в Коми крае успешно выполнялись.

В постановлении СНК от 4 мая 1920 г., подписанном В. И. Лениным, говорилось:

«1) Поручить Наркомпроду отправить сверх плана вне всякой очереди Северо-Двинскому губпродкому для распределения среди населения, выполнившего разверстки, 10 вагонов соли, 4 вагона сахару, головные уборы, обувь, посуду, гвозди и другие скобяные изделия.

2) Выразить благодарность Председателю Северо-Двинского губисполкома... Губпродкомиссару и всем сотрудникам Губпродкома.

3) Выдать денежную награду всем продработникам губернии в размере месячного жалованья»[1].

Но запасов хлеба, собираемого по разверстке в Коми крае, не хватало даже для удовлетворения самых насущных нужд местного населения. Чтобы спасти его от голода, необходимо было завозить хлеб из других районов страны. Советское правительство, несмотря на чрезвычайно тяжелое положение в стране, оказало коми народу большую продовольственную помощь.

Весной 1918 г. только в Усть-Сысольский уезд по нарядам центра было ввезено 365 000 пудов хлеба[2]. Летом того же года в ответ на ходатайство местных органов Советское правительство по личному распоряжению В. И. Ленина отпустило дополнительно для населения Усть-Сысольского и Яренского уездов 105 тысяч пудов хлеба из резервного фонда РСФСР[3]. И в последующие годы Советское правительство продолжало оказывать продовольственную помощь коми народу. С января по октябрь 1919 г. в Усть-Сысольский уезд по нарядам центра поступило 105 782 пуда хлеба[4]. Кроме того, по ходатайству местных органов летом 1919 года Усть-Сысольскому уезду Нар-

[1] ЦГАОР, ф. 2012, оп. 1, д. 497, л. 53.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 258.
[3] Там же, ф. 260, оп. 1, д. 3, л. 121.
[4] Там же, ф. 260, оп. 1, д. 26, л. 4; д. 50, л. 10.

компродом было отпущено вне очереди до 8 вагонов хлеба[1]. Учитывая тяжелое продовольственное положение вишерских волостей Наркомпрод в ноябре 1919 года дал еще внеплановый наряд на завоз 25 000 пудов хлеба[2].

Более регулярно стало поступать продовольствие в 1920 г. Всего в 1919—1920 гг. было ввезено в край 1 850 000 пудов хлеба, или в 2,5 раза больше местного валового сбора зерна в 1921 г.[3]

Хлеб в Коми край поступал из Воронежской, Вятской, Казанской, Симбирской, Тамбовской, Уфимской и Пермской губерний, Москвы и Ярославля. Государство не только поставляло хлеб для коми народа, но и брало на себя все расходы по перевозке продовольственных и промышленных грузов по территории края[4].

Совершенно понятно, что только громадная продовольственная помощь Советского государства спасла трудящееся население края от голодной смерти.

Деятельно помогали местному населению бороться с голодом бойцы и командиры подразделений Красной Армии, базировавшихся в Коми крае. Красноармейцы и командиры, находившиеся в Усть-Сысольске, отчислили из своего пайка 600 пудов хлеба в помощь населению[5]. Красноармейцы, стоявшие в Большелугской волости, отчислили из своего пайка 175 пудов хлеба и передали его в помощь семьям красноармейцев[6].

Коми крестьянство отвечало сердечной благодарностью своим друзьям: «Мы, граждане Нившерской волости Усть-Сысольского уезда Северо-Двинской губернии, выслушав товарищей красноармейцев, командированных от Объединенного Военного коллектива при Штабе Пинего-Печорского края, шлем товарищам красноармейцам, пожертвовавшим хлеб, сердечную благодарность. Мы заявляем, что будем поддерживать Вас в борьбе с угнетателями трудового народа и просим товарищей красноармейцев выше нести Красное знамя коммунизма»[7].

Осенью 1919 г. Коми край оказался временно занятым белыми, которые нанесли населению громадный материальный ущерб. Моряки Северо-Двинской флотилии, действовавшие против белогвардейских банд на Яренском направлении, оказывали помощь населению освобожденных районов. В местной газете писалось: «Уездный отдел социального обеспечения приносит благодарность Яренской уездной и Городской милиции и морякам первой роты яренской группы войск за пожертвования в пользу семейств, пострадавших от нашествия белых»[1].

Подобное проявление братских чувств к коми народу со стороны представителей разных народов нашей страны в лице Красной Армии имело большое значение в деле воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма, укрепляло единство армии и народа. Местное трудящееся население оказывало в свою очередь посильную помощь Красной Армии. Выполняя трудовую и гужевую повинность, население обеспечивало своевременную переброску военных грузов по территории края, ремонтировало дороги, мосты, налаживало переправы.

В годы гражданской войны партийными и советскими органами широко практиковались «Недели фронта», во время которых среди населения проводились сбор денег, вещей и продуктов в фонд помощи Красной Армии. В 14 волостях Усть-Сысольского уезда в феврале — апреле 1920 г. было собрано и сдано в уездный Комитет содействия Красной Армии: шерсти — 9 пудов 14 фунтов, холста — 1221 аршин, заячьих шкур — 934, овчин — 45, папах и шинелей — 28, а также много фуфаек, рукавиц, рубашек, полотенец, носков, чулков и других вещей[2]. Особенно активное участие в проведении недель помощи Красной Армии проявляла молодежь. Только Корткеросская ячейка РКСМ за неделю помощи фронту, проводимую в январе 1920 года, пошила 70 заячьих папах, 2 шубы, связала 70 пар рукавиц; собрала 4520 руб., 6 пудов картофеля, мясо, рыбу, масло, 40 штук яиц и все это передала в село Вомын красноармейцам[3].

В годы гражданской войны партия и Советское правительство заботились также о снабжении крестьянства национальных окраин средствами производства, хотя возможности в этой области были очень ограничены. В 1918 году в Усть-Сысольский уезд поступило 12 видов сельскохозяйственных орудий общим числом 4178 штук[4]. В 1920 году со станции Котлас Усть-Сысольскому совнархозу был отпущен металл для производства в уезде 10 000 шт. кос-горбуш, 10 000 шт. серпов и столько же топоров[5].

Партия и Советское правительство оказывали посильную помощь коми трудящемуся крестьянству семенами. В мае 1919 года волостям Усть-Сысольского уезда было отпущено 18 518 пудов ярового семенного материала[6], а в 1920 году — 38 000 пу-

---

[1] Центральный Государственный Архив Красной Армии (в дальнейшем ЦГА КА), ф. 105, оп. 1, д. 375, л. 234.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 260, оп. 1, д. 16, л. 13.
[3] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 130, л. 37.
[4] ЦГА Коми АССР, ф. 491, оп. 1, д. 99, л. 48.
[5] Газета «Советская мысль», 1 октября 1919 г.
[6] Газета «В Зырянском краю», 26 июня 1919 г.
[7] Там же.

[1] Газета «Коммунист», 31 января 1920 г.
[2] ЦГА Коми АССР, ф. 369, оп. 1, д. 226, л. 12; д. 387, л. 1.
[3] Сб. статей «Юность огневая», Сыктывкар, 1958, стр. 62.
[4] ЦГА Коми АССР, ф. 141, оп. 1, д. 2, л. 31.
[5] Там же, ф. 4, д. 18, оп, 1, л. 178.
[6] Там же, ф. 260, оп. 1, д. 26, л. 9.

дов семян [1]. В Яренском уезде в 1919 году среди нуждающегося крестьянства было распределено 22 052 пуда семян зерновых [2]. В пределы края из центра страны поступали также семена огородных культур [3].

Снабжение коми крестьянства орудиями сельского хозяйства и семенами давало возможность засевать основную часть крестьянских полей и тем самым облегчало их продовольственное положение [4].

В Коми край в годы гражданской войны поступали помимо хлеба и другие виды продуктов и промышленные изделия. По сведениям отдела снабжения и распределения Северо-Двинского губпродкома только с июля по декабрь 1918 г. для населения Усть-Сысольского и Яренского уездов поступило: мануфактуры — 25 921 аршин, керосина — 7988 пудов, спичек — 450 ящиков, железа сортового — 1650 пудов, дроби — 1180 пудов 35 фунтов, гильзы — 600 000 шт., пороха — 1357 пудов, пистонов — 357 566 шт., а также мыло, соль, чай, сахар, табак [5].

При распределении продуктов питания и промышленных изделий среди населения строго учитывался классовый принцип, т. е. они выдавались в первую очередь рабочим, служащим, беднейшему крестьянству, что давало возможность последним освободиться от кулацкой зависимости, сплачивало трудящиеся массы вокруг пролетариата в борьбе против классовых врагов.

Особенно большую заботу проявляло государство о детях. На средства, отпускаемые государством, содержались приюты для беспризорных детей. Кроме приютов, организованных в крае, летом 1919 г. в Уржумском уезде Вятской губернии были созданы 3 колонии для детей, прибывших из голодающих волостей Усть-Сысольского уезда, и 5 колоний для детей из Яренского уезда [6]. Для детей, родители которых находились в особенно затруднительном положении, было организовано бесплатное питание в детских столовых. В 1920—1921 гг. на дополнительное питание детям было роздано 24 840 пудов хлеба и 972 пуда крупы [7].

Партия и Советское правительство постоянно заботились о семьях красноармейцев. Последние получали пайки по карточкам «Красная звезда». В 1920—21 гг. их получали 53 000 членов красноармейских семейств [8]. Им выдавались также денежные пособия и ссуды для поддержания своего хозяйства.

1 «Очерки по истории Коми АССР», т. II, стр. 77.
2 ЦГА Коми АССР, ф 493, оп. 1, д. 30, л. 6.
3 Газета «В Зырянском краю», 2 мая 1919 г.
4 ЦГА Коми АССР, ф. 139, оп. 1, д. 79, л. 295.
5 ЦГАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 307, л. 103, 105.
6 ЦГА Коми АССР, ф. 260, оп. 1, д. 68, л. 60.
7 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 9. (Данные по Коми автономной области в границах 1922 г.).
8 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 9; ф. 276, оп. 1, д. 20, л. 31 (Данные по Коми автономной области в границах 1922 г.).

20 марта 1919 г. Совнаркомом был принят декрет «О запашке и засеве полей в хозяйствах, призванных в армию красноармейцев». За счет государства в этом же году создавались специальные фонды денежных средств, хлеба, мануфактуры, соли, махорки и других продуктов для оплаты труда граждан, привлекаемых для обработки полей семейств красноармейцев. В Усть-Сысольском уезде в этот фонд на лето 1919 г. было отчислено 20 пудов махорки, 2500 пудов хлеба и 5000 аршин мануфактуры [1].

В годы войны Советское государство оказывало Коми краю и финансовую помощь. Денежные средства отпускались на дорожное строительство, на поддержку и восстановление местного хозяйства, на медико-санитарное дело, на дошкольное воспитание, народное образование и другие цели [2].

Все перечисленные выше факты свидетельствуют о разносторонней экономической помощи, оказываемой братскими русским и другими народами страны коми народу в суровые годы гражданской войны. Экономическая помощь крестьянству со стороны Советского государства имела громадное политическое значение. Она сыграла немаловажную роль в прочном становлении коми трудящихся масс на сторону Советской власти и в укреплении чувств доверия и дружбы коми народа по отношению к русскому рабочему классу и трудящимся массам всей России.

Коми народ со своей стороны вложил много энергии и труда в дело борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией и тем самым доказал свою преданность Советской власти и Коммунистической партии. Это выражалось прежде всего в самоотверженной борьбе против иностранных интервентов и белогвардейцев на всех фронтах гражданской войны.

На фронте хозяйственного строительства коми народ также внес свой посильный вклад в общее дело обеспечения победы над врагом. В годы гражданской войны, в связи с временным захватом белогвардейцами Донбасса, Баку и других районов, остро встал вопрос о топливе. Уже к концу 1918 года топливный голод стал ощущаться не менее остро, чем продовольственный. В. И. Ленин говорил, что за вопросом о хлебе идет второй вопрос — о топливе. Партия рассматривала топливный фронт как один из участков великого фронта борьбы за социализм. Все управление лесной промышленностью, а также заготовками древесного топлива осуществлялось Главным лесным комитетом (Главлеском) при ВСНХ. В ноябре 1919 г. Совет Труда и Обороны ввел государственные натуральную дровяную повинность,

1 ЦГА Коми АССР, ф. 525, оп. 1, д. 28, л. 1; д. 16, л. 112.
2 Там же, ф. 12, оп. 1, д. 50, л. 41; ф. 525, оп. 1, д. 28, л. 1.

трудовую повинность по заготовке, погрузке и вывозке всех видов топлива, а также гужевую повинность для подвоза топлива [1].

ЦК ВКП(б) 13 ноября 1919 г. обратился ко всем партийным организациям с письмом, написанным В. И. Лениным «На борьбу с топливным кризисом». В преодолении топливного голода в стране определенный вклад внесли трудящиеся Коми края. Призыв ЦК партии встретил горячую поддержку трудящихся масс коми. Местные партийные и советские органы проводили большую работу по мобилизации масс на лесозаготовительные работы.

При организации лесозаготовительных работ приходилось преодолевать большие трудности, связанные с недостатком рабочей и тягловой силы, продовольствия и фуража, орудий труда.

С 1918 года в крае, как и по всей стране, начали создаваться лесные трудовые артели, являвшиеся одной из форм производственного кооперирования крестьян на новых, социалистических началах. Согласно заключаемому договору с лесозаготовительными организациями каждая артель получала определенное задание по заготовке и вывозке древесины.

В зиму 1918—19 г. в Усть-Сысольском уезде было 39 лесозаготовительных артелей, объединяющих 3712 лесорубов [2], а в Яренском уезде весной 1919 года только на сплаве было занято 1697 человек [3]. Система оплаты труда на дровозаготовках была организована таким образом, что она повышала материальную заинтересованность работающих. Для организации лесозаготовительных работ государство выделяло значительные в тех условиях финансовые и материальные средства. С декабря 1918 года по август 1919 года только по Усть-Сысольскому уезду на оплату труда лесорубов израсходовано 9 499 178 руб. 48 коп. деньгами. Кроме того, отпущено хлеба 5877 пудов, рыбы — 56 пудов, соли — 50 пудов, сахару — 40 пудов, табака — 16 ящиков, мыло, мануфактуры 17 000 аршин и другие виды продуктов и промышленных изделий»[4].

В условиях гражданской войны, когда деньги теряли свою реальную ценность и население испытывало острый недостаток в продуктах питания, оплата труда лесозаготовителей натурой имела большое значение для коми крестьянства. Рабочие, выполнившие план заготовок, получали натуральные премии. Сплавщики, возчики, заготовители дров были освобождены от мобилизации в армию во время заготовок[5]. Хлебный паек лесоруба был равен пайку красноармейца[1]. Партийные и советские органы края возглавили борьбу коми крестьянства за выполнение государственных заданий по заготовке леса. Зимой 1918/19 г. Усть-Сысольский лесозаготовительный округ заготовил 636 072 куб. м древесины. Кроме того, летом 1919 года здесь же для Северо-Двинского флота было заготовлено 7316 погонных сажен дров[2]. В постановлении Северо-Двинского губернского съезда лескомов и представителей лесозаготовительных организаций от 26 сентября 1919 года по вопросам заготовки лесных материалов в пределах Северо-Двинской губернии отмечено, что «трудовым населением Северо-Двинской губернии было проявлено исключительное напряжение рабочей энергии, в особенности же населением Усть-Сысольского, Яренского и части Сольвычегодского уездов, к тому же бывших в сфере военных действий»[3].

Заготовку топлива с превышением задания центра следует рассматривать как результат большой агитационной и организаторской работы партийных и советских организаций в деле мобилизации крестьянских масс на борьбу с топливным голодом, как результат материальной и финансовой помощи Советского государства, а также сознательного отношения населения Усть-Сысольского и Яренского уездов к своим обязанностям.

На 1919/20 лесозаготовительный сезон государственные задания были значительно увеличены. Партийные и советские органы провели большую организационную и агитационно-массовую работу, направленную на их выполнение.

IX съезд Советов Яренского уезда, состоявшийся в январе 1920 г., призвал все население уезда и лесорабочие артели «напрячь все силы для успешного выполнения заготовок, помня, что этой работой лесорубы дают возможность красноармейцу крепче держать винтовку в своих руках, крепче ударить на своего врага. Эта дружеская гражданская услуга Красной Армии создает благоприятную обстановку для победоносного выхода пролетариата из вооруженной стычки с буржуазией»[4]. Коми крестьянство ответило на этот призыв трудовым подъемом. В заявлении лесорубов деревни Кыркощ Княжпогостской волости от 20 ноября 1920 года говорилось, что они, «бросив свои хозяйственные работы, борются на трудовом фронте для защиты Советской республики... Все уже выполнили трудовую норму, даже некоторые перевыполнили на 2—3 куба»[5].

В зиму 1919/20 г. по Усть-Сысольскому заготовительному

---

1 «Собрание узаконений»... 1919, № 57, стр. 543.
2 «Очерки по истории Коми АССР», т. II, стр. 77.
3 ЦГА Коми АССР, ф. 492, оп. 1, д. 18, л. 75.
4 Там же, ф. 481, оп. 1, д. 10, л. 118.
5 Там же, ф. 369, оп. 1, д. 276, л. 58.

1 ЦГА Коми АССР, ф. 260, оп. 1, д. 96, л. 10.
2 А. С. Будрин. «Лесная промышленность Коми АССР», Сыктывкар, 1956, стр. 34.
3 Газета «Советская мысль», 8 октября 1919 г.
4 Газета «Коммунист». 28 января 1920 г.
5 ЦГА Коми АССР, ф. 276, оп. 1, д. 33, л. 77.

округу, несмотря на то, что почти вся его территория осенью 1919 г. на время была занята белогвардейцами, заготовлено 27 542 бревна и 217 597 кубометров дров [1].

Партия, борясь за разрешение топливного кризиса в годы войны, смотрела вперед, организовала изыскания новых источников минерального топлива, в том числе и в Коми крае. В июле 1918 года СНК рассмотрел вопрос об обследовании нефтяных и угольных богатств Печоры. И как ни велики были транспортные затруднения, как ни бедна была тогда Советская республика, Советское правительство направило две экспедиции в район Ухты. И только военные действия на территории края помешали работе геологоразведочной экспедиции Главного нефтяного комитета. В. И. Ленина особенно интересовали сведения о промышленном характере Ухтинского месторождения нефти, о чем свидетельствуют многочисленные заметки в тексте докладной записки А. С. Соловьева об ухтинской нефти, представленной ему в сентябре 1919 г.[2] В. И. Ленин направил записку Соловьева в Президиум ВСНХ с поручением — «мне ответить, что именно сделано в этой области»[3].

По поручению ВСНХ этим вопросом занимался академик И. О. Губкин. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях: «Тем, что этот отдаленный край (Печора) не был забыт и в нем ключом забила трудовая жизнь, мы обязаны зоркому глазу Ильича, его инициативе и вниманию»[4].

В годы гражданской войны в Коми крае, кроме древесины, производились заготовки и другой продукции. Хотя размеры охоты значительно сократились в связи с мобилизацией значительной части мужского населения в Красную Армию, все же в зиму 1918—19 г. было заготовлено и отправлено из Усть-Сысольского и Яренского уездов: дичи — 78 063 пар, пушнины — 652 887 шкурок [5]. В зиму 1919—20 г. из пределов Усть-Сысольского уезда подлежало вывозу: дичи — 50 000 пар, пушнины — 116 000 различных шкурок[6]. Дичь шла, в основном, на нужды 6 армии и частично отправлялась в Петроград и другие промышленные центры страны.

Всю пушнину и дичь население Коми края сдавало государству по твердым ценам. Охотникам взамен сдаваемой продукции местные союзы кооперативов отпускали охотничьи припасы, хлеб, мануфактуру, получаемые из центра. Охотники, выполнившие разверстки обязательной поставки дичи и пушнины на 100%, получали премии продуктами, обеспечивались хлебным пайком [1].

Таким образом, как показывают вышеприведенные материалы, военно-политический союз коми народа с другими народами страны, и прежде всего с русским рабочим классом, в годы гражданской войны имел определенную экономическую основу. Многонациональное Советское государство защищало данную революцией крестьянам землю. Оно оказывало трудящимся коми возможную в тех условиях помощь продовольствием, особенно хлебом, средствами производства, промышленными изделиями.

В свою очередь трудящиеся коми своим трудом и транспортными средствами оказывали посильную помощь частям Красной Армии, поставляли на общенародные нужды древесину, пушнину и другие виды продукции.

Экономический союз и взаимопомощь, хотя в условиях войны и разрухи не могли получить полного и всестороннего развития, являлись одним из важнейших факторов, обеспечивших прочность содружества народов страны и победу в гражданской войне.

Видя повседневную заботу, бескорыстную разностороннюю помощь, трудящиеся массы коми на практике убеждались, что только Советская власть является защитником их интересов, что только в великом содружестве народов России они могут сохранить свою свободу и добиться счастливой жизни. Все это сыграло величайшую роль в интернациональном воспитании, в укреплении чувств братства и дружбы коми народа к другим народам страны. Основные массы трудящихся коми в годы гражданской войны не поддержали буржуазно-националистическую контрреволюцию, стойко боролись вместе с трудящимися других национальностей против иностранных интервентов и белогвардейцев, за защиту завоеваний пролетарской революции. В Коммунистической партии, в русском рабочем классе они видели своего вождя и учителя, организатора и защитника.

Сложившиеся в годы революции и гражданской войны основы экономического и политического союза, дружбы и братства коми народа с другими народами страны еще более укрепились в годы мирного строительства. Руководство Коммунистической партии, всесторонняя помощь Советского государства, братских народов СССР явились теми решающими факторами, которые обеспечили быстрое развитие экономики и культуры Коми края, успешное продвижение коми народа по пути социализма и коммунизма.

---

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 141, оп. 1, д. 18, л. 40.
[2] ЦГАОР, ф. 2304, оп. 2, д. 52, л. 33.
[3] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 217.
[4] И. О. Новиков. «Из истории освоения Советской Арктики», 1956, стр. 57.
[5] ЦГА Коми АССР, ф. 493, оп. 1, д. 38, л. 7.
[6] Там же, ф. 141, оп. 1, д. 18, л. 169.

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 260, оп. 1, д. 87, л. 25.

В. С. ДЕГТЕВ

РАЗВИТИЕ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КОМИ АССР В ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1946—1950 гг.)

В процессе социалистического строительства в СССР лесная промышленность играла роль важного звена в социалистической индустриализации страны, в создании материально-технической базы социализма.

В Коми АССР лесозаготовительная промышленность — ведущая отрасль народного хозяйства. Поэтому изучение истории развития лесозаготовительного производства имеет первостепенное значение для освещения истории строительства социализма в Коми республике.

За годы предвоенных пятилеток в развитии лесозаготовительного производства в Коми АССР. были достигнуты крупные успехи. Объем заготовок древесины в 1940 г. возрос по сравнению с 1913 годом в 9,7 раза и составил 6,8 млн. куб. м.

На вывозке древесины стали применяться тракторы и автомашины. Удельный вес механизированной вывозки леса в 1940 г. составил 22% от общего объема вывезенной древесины. Было положено начало созданию постоянных кадров. В 1940 г. на лесозаготовительных предприятиях республики насчитывалось 6,1 тыс. постоянных рабочих[1]. Однако технический уровень предприятий был еще очень низок. Производственные процессы основывались главным образом на ручном труде, а в целом лесозаготовки имели сезонный характер.

В годы Великой Отечественной войны в развитии лесной промышленности Коми АССР возникли серьезные трудности. Резко уменьшилась численность рабочих и инженерно-технических работников. Только за год (с 1943 по 1944 г.) число рабочих постоянного кадра на предприятиях основных лесозаготовительных трестов «Комилес» и «Печорлес» сократилось на 24%[1]. Часть техники (тракторы, автомашины и т. д.) была мобилизована на нужды фронта. Произошло резкое снижение механизированной вывозки. Так, на предприятиях треста «Комилес» она уменьшилась с 354 тыс. куб. м в 1942 г. до 257 тыс. куб. м в 1945 г., т. е. на 27,4%[2]. Объем вывозки древесины в целом по республике сократился с 6,8 млн. куб. м в 1940 г. до 4,2 млн. куб. м в 1945 г.[3] В послевоенные годы началась коренная техническая реконструкция лесозаготовительного производства. Лесозаготовки стали превращаться в высокомеханизированную отрасль современной индустрии.

Вопросам развития лесозаготовок в Коми АССР в годы четвертой пятилетки уделено внимание в крупных монографических работах, статьях и т. д.[4] Однако из поля зрения исследователей выпали такие важные моменты, как решение проблемы постоянных квалифицированных рабочих кадров, не получила достаточного отражения роль партийных организаций в мобилизации работников лесной промышленности на выполнение задач пятилетнего плана, не прослежено развитие социалистического соревнования на лесозаготовительных предприятиях. Настоящей публикацией предпринимается попытка частично возместить эти пробелы. К сожалению, ограниченные рамки статьи не дают возможности осветить в полной мере все затронутые вопросы, в частности, такие как повышение материального благосостояния лесозаготовителей, изменение культурно-технического уровня рабочих, влияние технической реконструкции на развитие народного хозяйства и культуры республики.

С победоносным окончанием Великой Отечественной войны и переходом к мирному строительству перед всей страной встали задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В большой программе работ, намеченной четвертым пятилетним планом на1946—1950 гг., развитие лесной промышленности выдвигалось в качестве одной из первоочередных задач. Она призвана была обеспечить непрерывно возраставшие потребности народного хозяйства в древесине. В четвертой пятилетке намечалось перенести центр тяжести в развитии лесозаготовительного производства в многолесные районы Советского Союза, одним из которых была и Коми АССР.

---

[1] Л. И. Сурина. Борьба трудящихся Коми АССР за дальнейшее развитие лесозаготовительной промышленности в предвоенные годы третьей пятилетки (1938—1941 гг.). «Историко-филологический сборник», Коми филиал АН СССР, вып. 6, 1960, стр. 37.

[1] Рук., Фонды Коми филиала АН СССР, ф. I, оп. 5, д. 111, л. 410.

[2] Рук., Фонды Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 5, д. 111, л. 371.

[3] «Народное хозяйство Коми АССР», статистический сборник, Сыктывкар, 1957, стр. 24.

[4] «Леса и лесная промышленность Коми АССР», М.—Л., 1961, «Очерки по развитию промышленности Коми АССР», Сыктывкар, 1956 г. Будрин А. С. Лесная промышленность Коми АССР, Сыктывкар, 1956 г. Будрин А. С. Лесная промышленность Коми АССР в шестой пятилетке, Сыктывкар, 1957 г.

По пятилетнему плану объем лесозаготовок в Коми АССР должен был возрасти по сравнению с 1945 годом в 1,5 раза. В плане определялось основное направление развития лесной промышленности республики — «превратить заготовку и вывозку леса в развитую механизированную промышленность с постоянными квалифицированными кадрами рабочих и собственной ремонтной базой»[1].

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание коренной перестройке лесозаготовительной промышленности. Конкретная программа технической реконструкции лесозаготовок была намечена в постановлении Совета Министров СССР от 8 августа 1947 г. «О механизации лесозаготовок, освоении новых лесных районов и создании необходимых условий для закрепления рабочих, инженерно-технических кадров Министерства лесной промышленности СССР». В нем предусматривалось массовое производство новой лесозаготовительной техники и широкое ее применение на лесозаготовках, строительстве лесовозных дорог, создание на предприятиях собственной энергетической и ремонтной базы. Одновременно в постановлении намечались мероприятия по обеспечению леспромхозов рабочими и инженерно-техническими кадрами и закреплению их на предприятиях.

В годы четвертой пятилетки были приняты специальные постановления Советского правительства, направленные на дальнейшее развитие лесозаготовительного производства в Коми республике. В них определялся уровень механизации производственных процессов, устанавливались объемы строительства и ввод в эксплуатацию новых производственных мощностей. Правительство выделяло материальные ресурсы, лесозаготовительную технику, принимало меры по укреплению предприятий специалистами и квалифицированными рабочими.

За годы четвертой пятилетки на развитие лесозаготовительной промышленности Коми АССР было израсходовано 220,5 млн. руб., т. е. в 5 раз больше, чем за три года третьей пятилетки[2].

Крупные капиталовложения направлялись на укрепление технической базы лесозаготовительных предприятий. Из различных районов Советского Союза в Коми АССР направлялись автомобили и тракторы, электропилы и передвижные электростанции, лебедки, погрузочные краны и другая техника. Рост технической оснащенности лесозаготовительной промышленности за годы четвертой пятилетки (по предприятиям Министерства лесной промышленности СССР) виден из следующей таблицы[3].

[1] «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946—1950 гг.», Сыктывкар, 1946, стр. 9.

[2] «Очерки по развитию промышленности Коми АССР», стр. 122.

[3] Рук., Фонды Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 5, д. 111, лл. 375, 390, 392; «Коми АССР за 40 лет», стат. сб., Сыктывкар, 1961, стр. 45.

Виды механизмов	1946 г.	1950 г.
Тракторы	108	676
Автомобили	131	520
Паровозы	—	42
Мотовозы	—	20
Электропилы	136	2661

Поток новой техники возрастал с каждым годом. Это позволило широким фронтом развернуть механизацию основных, наиболее тяжелых и трудоемких процессов. На валке леса стали внедряться электропилы, число которых увеличилось за пятилетие более чем в 19 раз. Электропилы постепенно вытесняли лучковые пилы, применение которых требовало больших затрат физического труда.

На трелевке (подвозке) и вывозке древесины массовое применение получили тракторы и автомобили. Число тракторов возросло более чем в 6 раз, автомашин почти в 5 раз.

Внедрение новой техники не только облегчало труд рабочих, но и способствовало резкому повышению производительности труда.

Техническая реконструкция лесозаготовительного производства обусловила расширение масштабов капитального строительства на предприятиях. Оно было связано с большими трудностями, так как строительство новых предприятий развертывалось в необжитых районах, удаленных от промышленных центров республики на большие расстояния. Стройки испытывали постоянную нехватку рабочей силы и строительной техники, не всегда своевременно и в достаточном количестве обеспечивались строительными материалами. Значительная часть строительной программы осуществлялась предприятиями за счет собственной рабочей силы, отвлекавшейся с основного производства. Поэтому строительные работы носили сезонный характер. Ввод новых производственных мощностей затягивался[1]. Преодолевая эти трудности, партийные, советские и хозяйственные организации приложили большие усилия для ускорения капитального строительства.

Значительный размах получило строительство лесовозных механизированных дорог. В 1947 г. была построена и введена в эксплуатацию первая в Коми АССР Койгородская узкоколейная железная дорога. К концу пятилетки этот новый вид лесо-

[1] Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), ф. 8298, оп. 1, д. 210, л. 23.

возного транспорта применялся уже в 9 леспромхозах, а общая протяженность автомобильных, тракторных и узкоколейных железных дорог составляла более 1000 километров[1].

Для вовлечения в эксплуатацию новых лесных массивов были организованы Ужгинский, Помоздинский и Микуньский леспромхозы. На лесозаготовительных предприятиях создавались ремонтные мастерские, стационарные электростанции, сооружались жилые дома, помещения для столовых, школ, клубов, амбулаторий и т. д.

Развертывание коренной технической реконструкции лесозаготовительного производства с особой остротой выдвинуло проблему подготовки квалифицированных кадров. Чтобы освоить новую технику, необходимо было большое число инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Предприятия все еще ощущали недостаток в специалистах. Большой удельный вес в составе инженерно-технического персонала лесной промышленности республики занимали практики, не имевшие не только специального, но зачастую и общего среднего образования.

В годы четвертой пятилетки подготовка кадров лесозаготовителей получила широкие масштабы. Укрепление лесозаготовительных предприятий Коми АССР специалистами высшей и частично средней квалификации осуществлялось за счет выпускников учебных заведений центральных городов страны. Основные кадры специалистов среднего технического звена готовились в Сыктывкарском лесотехническом техникуме, выпустившем за годы пятилетки 193 техника[2]. В целом число инженерно-технических работников со специальным высшим и средним образованием в лесной промышленности возросло с 253 человек в 1947 г. до 466 человек в 1950 г.[3] Это способствовало улучшению технического руководства предприятиями, успешному решению задач технической реконструкции.

Потребности лесозаготовительной промышленности в рабочей силе в годы 4 пятилетки удовлетворялись, главным образом, за счет организованного набора рабочей силы. Наряду с коми, в развитии лесной промышленности республики принимали активное участие представители многих народов нашей страны — русские, украинцы, белоруссы и т. д.

Значительное количество квалифицированных рабочих готовилось в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов. При лесозаготовительных предприятиях республики были организованы 4 школы ФЗО. Наряду с этим в леспромхозы направлялись молодые рабочие, окончившие школы фабрично-заводского обучения и училища за пределами Коми АССР.

[1] Рук., Фонды Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 5, д. 111, л. 27.
[2] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5854, л. 138.
[3] Газета «За новый север», 9 апреля 1948 г.; Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5957, л. 18.

Всего за годы пятилетки из учебных заведений системы трудовых резервов в леспромхозы прибыло 2100 рабочих[1].

Большой трудовой вклад в развитие лесозаготовительного производства внесло колхозное крестьянство республики. В годы 4 пятилетки лесозаготовительные предприятия не смогли полностью переключиться на работу постоянными кадрами и привлекали значительное количество сезонной рабочей силы, главным образом, за счет колхозов республики.

За годы пятилетки значительно выросла численность рабочих. На предприятиях треста «Комилес» только за три года (1946—1948 гг.) среднегодовая численность рабочих увеличилась в 1,5 раза[2], а в тресте «Печорлес» с 4825 человек в 1946 г. до 8874 человек в 1950 г.[3]

Решение проблемы квалифицированных рабочих кадров было невозможно без преодоления сезонности и закрепления лесозаготовительных рабочих на предприятиях. Специфические условия развития лесной промышленности создавали особенно большие трудности в этом деле. Леспромхозы не располагали достаточным жилищным фондом и не имели необходимых условий для более полного удовлетворения культурно-бытовых запросов рабочих. Удаленность предприятий от промышленных и культурных центров республики затрудняла бесперебойное своевременное снабжение продуктами питания и промышленными товарами, налаживание культурного обслуживания работников лесной промышленности. Все это приводило к большой текучести рабочих и инженерно-технических работников, тормозило освоение новой техники.

Совет Министров СССР установил ряд дополнительных льгот для кадровых лесозаготовителей. Им предоставлялись в пользование приусадебные и сенокосные участки, отпускались на льготных условиях ссуды для строительства индивидуальных домов, устанавливались льготы при взимании сельскохозяйственного налога с личных хозяйств рабочих.

На предприятиях лесозаготовительной промышленности Коми АССР развернулось жилищное и культурно-бытовое строительство.

Партийные, советские и общественные организации, проявляя заботу о закреплении рабочих на предприятиях, уделяли большое внимание жилищным и культурно-бытовым условиям лесозаготовителей. На заседаниях бюро областного комитета партии рассматривались вопросы жилищно-бытовых условий в отдельных леспромхозах, жилищного строительства на предприятиях лесозаготовительной промышленности. В специальных

[1] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 210, л. 41.
[2] ЦГАНХ СССР, ф. 8298, оп. 1, д. 210, л. 107.
[3] Там же, ф. 8298, оп. 1, д. 211, л. 1; ЦГАНХ, ф. 8298, оп. 1, д. 536, л. 21.

решениях по этим вопросам намечались конкретные мероприятия по улучшению культурно-бытового обслуживания в леспромхозах.

Областной Совет профессиональных союзов постоянно контролировал и принимал меры по обеспечению работников лесной промышленности жильем, созданию предприятий общественного питания, коммунального обслуживания и налаживанию культурной работы. По инициативе профсоюзных организаций на лесозаготовительных предприятиях проводились смотры готовности к зиме жилого фонда и культурно-бытовых учреждений. Во время смотра проверялось выполнение плана строительства новых и ремонта старых жилищных и культурно-бытовых помещений, работа предприятий торговли общественного питания. Проведение смотров способствовало мобилизации усилий руководителей предприятий, общественных организаций на решение этих важных задач.

Только за 1948 и 1949 гг. по трестам «Комилес», «Печорлес» и «Вычегдасплав» на жилищное строительство было израсходовано свыше 19 миллионов рублей и введено в эксплуатацию более 40 тыс. кв. метров жилой площади [1]. Жилой фонд предприятий треста «Печорлес» увеличился за пятилетие почти в 2 раза [2].

За годы пятилетки во многих леспромхозах, запанях и рейдах возникли благоустроенные рабочие поселки. Большинство из них было электрифицировано. На предприятиях лесной промышленности республики к концу пятилетки работало свыше 200 клубов и красных уголков, 50 библиотек, 40 радиоузлов и 55 стационарных киноустановок. Выросла сеть школ и детских учреждений. В конце 1950 г. в леспромхозах работало более 100 школ и свыше 100 детских садов[3].

Улучшение жилищных и культурно-бытовых условий в значительной степени содействовало закреплению рабочих на предприятиях. В последнем году пятилетки в лесозаготовительной промышленности Коми АССР работало около 15 тысяч постоянных рабочих, т. е. в 2,4 раза больше, чем в 1940 г.[4]

Рост постоянных кадров облегчил задачу массовой подготовки квалифицированных рабочих на предприятиях. Она осуществлялась путем индивидуально-бригадного обучения, а также на курсах с отрывом и без отрыва от производства. Техническое перевооружение лесозаготовительной промышленности привело к появлению новых профессий — мотористов электропил, механиков передвижных электростанций, лебедчиков, крановщиков и т. д. Для усиления подготовки механизаторов лес-

1 Газета «За новый север», 6 апреля 1950 г.
2 ЦГАНХ СССР, ф. 8298, оп. 1, д. 211, л. 62; д. 476, л. 76.
3 Газета «За новый север», 26 ноября 1950 г.
4 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5853, л. 162.

ной промышленности республики в 1947 г. была создана курсовая база при Сыктывкарском лесотехническом техникуме. В 1947 г. курсовая база подготовила 146 специалистов, а в 1950 г. уже 450 человек[1].

С каждым годом в лесозаготовительной промышленности республики росло число обученных рабочих, быстро пополнялась армия механизаторов. Всеми формами обучения в 1947 г. было подготовлено 7227 рабочих[2]. На предприятиях треста «Комилес» численность механизаторов увеличилась с 632 человек в 1947 г. до 2418 человек в 1949 г.[3] Рост механизаторских кадров обеспечивал освоение новой техники и способствовал повышению производительности труда.

Коренные вопросы развития лесной промышленности постоянно находились в центре внимания партийных, советских и общественных организаций республики.

Большое значение для развития лесозаготовительной промышленности республики имели решения XVIII областной партийной конференции (апрель 1948 г.). В решениях конференции была поставлена задача: на основе наиболее полного и эффективного использования техники, своевременного проведения подготовительных работ к лесозаготовкам добиться дальнейшего роста производительности труда. Конференция указала на необходимость форсированного жилищного и культурно-бытового строительства на лесозаготовительных предприятиях, обратила внимание на реальную возможность выполнения пятилетнего плана в области лесной промышленности в три года, т. е. в 1948 г. и призвала партийные организации мобилизовать все силы на решение этой задачи[4].

Областная партийная организация уделяла особое внимание укреплению партийных организаций на лесозаготовительных предприятиях. Только в 1947 г. на постоянную работу в лесозаготовительной промышленности был направлен 291 коммунист[5]. В наиболее напряженные моменты лесозаготовок для оказания помощи лесозаготовителям партийные организации направляли большие группы коммунистов. Так, в сезон 1947/1948 г. на лесозаготовительные предприятия было послано 800 коммунистов[6]. За годы четвертой пятилетки число коммунистов в лесной промышленности выросло с 985 человек в 1945 г. до 2366 человек в 1951 г.[7]

Деятельность первичных партийных организаций постоянно находилась в поле зрения обкома и райкомов ВКП(б). Област-

1 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2 д. 5998, л. 62—63.
2 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5348, л. 14.
3 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 6149, л. 79.
4 Газета «За новый север», 18 апреля 1948 г.
5 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5385, л. 47.
6 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5493, л. 17.
7 Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5997, л. 1.

ной комитет партии систематически проводил совещания парторгов леспромхозов, на которых обсуждался опыт организационно-партийной и партийно-политической работы, насущные задачи партийных организаций лесозаготовительной промышленности. Отчеты партийных организаторов заслушивались на заседаниях бюро обкома и райкомов партии.

В сезон 1947/1948 г. в лесопунктах работало 138 агитационных коллективов, объединявших в своих рядах коммунистов, комсомольцев, профсоюзных активистов[1]. Для усиления агитационно-массовой работы среди лесозаготовителей обком ВКП(б) и райкомы направляли на предприятия агитационно-пропагандистские группы, в состав которых входили партийные и комсомольские работники, представители государственных учреждений и общественных организаций.

В 1949 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) на предприятиях лесной промышленности Коми АССР был введен институт заместителей директоров леспромхозов по политической части, которые развернули большую работу по политическому воспитанию трудящихся. Вся партийно-политическая работа была направлена на повышение политической и трудовой активности работников лесной промышленности, дальнейшее развитие социалистического соревнования, освоение новой техники, выполнение и перевыполнение производственных планов.

Партийная организация Кылтовского леспромхоза, возглавив социалистическое соревнование, направляла творческую инициативу работников на выполнение и перевыполнение планов и улучшение основных производственных показателей. В 1947 г. коллектив этого леспромхоза обратился ко всем лесозаготовителям республики с призывом о досрочном выполнении годовой программы лесозаготовок. Работники леспромхоза взяли на себя социалистические обязательства — выполнить годовой план к 30 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции[2]. В леспромхозе внимательно изучали и настойчиво распространяли опыт передовиков производства. Передовые методы труда популяризировались посредством плакатов, боевых листков, стенных газет. На мастерских участках были организованы школы передового опыта. Предметом особой заботы партийной организации было внедрение новой техники и технологии. По рекомендации партийной организации для укрепления звеньев электропильщиков была направлена группа коммунистов.

В леспромхозе выросли замечательные мастера лесозаготовительного производства, освоившие технику и добившиеся высоких производственных результатов. Так, в 1947 г. тракторист

[1] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5348, л. 10.
[2] Газета «За новый север», 19 октября 1947 г.

И. А. Фефилов выполнял нормы на 200—230%. Далеко за пределами республики стало известно имя тракториста Кылтовского леспромхоза В. Хохлова, вывезшего в лесозаготовительный сезон 1947/48 г. 21 тыс. куб. м леса, т. е. почти в 2 раза больше сезонного задания. В. Хохлов завоевал первенство в социалистическом соревновании трактористов лесной промышленности Советского Союза[1]. В сезон 1948/49 г. он вывез свыше 35 тысяч куб. м древесины[2]. Настойчивый труд всего коллектива леспромхоза увенчался замечательной победой: годовой план 1947 г. был выполнен досрочно. Сверх годового плана леспромхоз заготовил 45 тысяч и вывез 34 тысячи кубометра древесины[3].

Из года в год в леспромхозах республики множилось число передовиков производства, умело использовавших технику и показывавших образцы высокопроизводительного труда.

Одной из массовых форм социалистического соревнования было движение «тысячников», возникшее еще в годы предвоенных пятилеток. Передовые рабочие вместо 300—400 куб. м древесины по норме заготовляли в сезон тысячу и более куб. м леса, т. е. перекрывали норму в 2—3 раза. Так, один из лучших рабочих Чухломского лесопункта А. П. Лапшин в сезон 1945/1946 г. заготовил 1680 куб. м леса. В 1947 г., к 30 годовщине Великого Октября, Лапшин выполнил пятилетнее задание[4]. Правительство СССР высоко оценило трудовой подвиг коми лесоруба, наградив его орденом Ленина. Большую известность в республике получили имена знатных тружениц лесозаготовительного производства, депутатов Верховного Совета СССР М. И. Мининой и В. Ф. Сердитовой.

Творческая мысль новаторов производства неустанно искала новые формы организации труда, более совершенные методы работы. В 1948 г. механик передвижной электростанции Карнаельского лесопункта Г. Попов применил новую организацию труда — метод работы укрупненными бригадами. При этой системе организации производства мотористы электропил полностью освобождались от вспомогательных работ. Значительно повысился коэффициент использования электропил, а производительность труда рабочих в бригадах, которые обслуживала электростанция Г. Попова, возросла в полтора раза[5]. Новая организация труда стала применяться во многих леспромхозах республики.

Обком ВКП(б), райкомы партии, местные партийные и советские организации, обобщая опыт новаторов производства,

[1] Г. А. Федоров. Рейс тракториста Хохлова. Сыктывкар, 1948, стр. 5.
[2] Газета «За новый север», 31 января 1950 г.
[3] Газета «За новый север», 24 января 1948 г.
[4] Газета «За новый север», 30 ноября 1947 г.
[5] Газета «За новый север», 2 февраля 1949 г.

широко пропагандировали передовые методы труда, настойчиво добивались их массового внедрения. В феврале 1949 г. бюро обкома ВКП(б) обсудило опыт работы тракториста Кылтовского леспромхоза В. А. Хохлова и механика электростанции Кажанаельского леспромхоза Г. Попова и предложило всем райкомам партии и партийным организациям лесозаготовительной промышленности широко организовать применение этих методов труда в леспромхозах республики.

На лесозаготовительных предприятиях были созданы школы передового опыта, в которых обучались сотни лесозаготовителей различных специальностей. Для распространения передового опыта партийные и профсоюзные организации широко использовали совещания новаторов производства, собрания партийно-хозяйственных активов, производственные совещания. В их работе принимали участие инженерно-технические работники, рабочие и служащие, вскрывавшие резервы повышения производительности труда и роста производства.

Партийные организации, возглавляя и направляя творческую активность лесозаготовителей, поддерживали и развивали разнообразные формы социалистического соревнования. В целях поощрения работников лесозаготовительной промышленности — участников социалистического соревнования — обком ВКП(б) учредил на страницах газет «За новый север» и «Вӧрлэдзысь» республиканскую «Доску почета». Победителям в социалистическом соревновании вручались переходящие Красные знамена обкома ВКП(б), Совета Министров Коми АССР и Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Важным средством повышения производственной активности лесозаготовителей являлись общественные смотры использования механизмов на лесозаготовках.

Массовый смотр использования механизмов на предприятиях лесозаготовительной промышленности был организован в 1949 г. Областным Советом профсоюзов и редакцией газеты «За новый север»[1]. Для руководства смотром в леспромхозах и крупных механизированных лесопунктах были созданы смотровые комиссии по проверке использования техники, постановки технической учебы на лесозаготовительных предприятиях. Более значительный размах получила пропаганда и внедрение передового опыта и новой технологии.

В Койгородском леспромхозе вопросы использования технических средств обсуждались на производственных совещаниях, в работе которых вместе с членами смотровой комиссии принимали участие рабочие и инженерно-технические работники. Участники совещаний внесли много ценных предложений по организации труда. Высокая трудовая активность работников леспромхоза позволила этому предприятию первым в республике значительно раньше срока выполнить сезонный план 1948/1949 г. и дать сверх плана большое количество древесины.

В результате деятельности смотровых комиссий в лесной промышленности республики были приведены в действие новые резервы роста производства и повышения производительности труда. На предприятиях треста «Комилес» в строй действующих были введены 12 электростанций, 85 электропил, 50 тракторов, 26 автомашин и много других механизмов. Применение передового опыта работы механика Г. Попова и тракториста В. Хохлова, более полное использование лесозаготовительной техники обеспечили заметный рост производительности труда, увеличение объемов механизированной заготовки древесины. Так, на предприятиях треста «Комилес» объем механизированной заготовки за период смотра увеличился почти в 2 раза[1].

Активным помощником областной партийной организации в борьбе за техническую реконструкцию лесозаготовительной промышленности являлась комсомольская организация республики. Многие районные комитеты ВЛКСМ создавали и направляли на работу в леспромхозы целые комсомольско-молодежные бригады. Для развертывания массово-политической работы и помощи первичным комсомольским организациям лесозаготовительных предприятий областной комитет ВЛКСМ и райкомы комсомола посылали большие группы комсомольцев. Так, в сезон 1947/1948 г. в леспромхозы было направлено свыше 2000 комсомольцев[2].

Отличных успехов добились комсомольцы и молодежь Ижемского района. В 1949 г. за активное участие в выполнении планов лесозаготовок Ижемской районной организации комсомола было присуждено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ[3].

В целях широкого вовлечения молодежи в социалистическое соревнование было учреждено переходящее Красное знамя Президиума Верховного Совета Коми АССР и Коми обкома ВЛКСМ, которое вручалось победителям в соревновании комсомольско-молодежных бригад.

С огромным энтузиазмом труженики лесозаготовительного производства откликнулись на призыв XVIII областной партийной конференции выполнить «лесную» пятилетку в три года. Идея досрочного завершения пятилетней программы стала главным лозунгом соревнующихся.

Большая организаторская работа партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций, высокая трудовая ак-

---

[1] Газета «За новый север», 25 февраля 1949 г.

[1] Газета «За новый север», 27 марта 1949 г.
[2] Партархив Коми ОК КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5493, л. 17.
[3] Газета «За новый север», 20 марта 1949 г.

тивность рабочих, инженерно-технических работников и колхо
ного крестьянства обеспечила досрочное выполнение пятилетн
го плана в области лесной промышленности. Уже в 1948 г. бы
достигнут уровень производства, намечавшийся на 1950 год.

Развивая этот успех, работники лесозаготовительной пр
мышленности в последние годы четвертой пятилетки трудилис
с неослабевающей энергией. Социалистическое соревнован
приобрело еще более широкий размах. В 1949 г. в нем участ
вовало свыше 85% всех рабочих.

Творческая инициатива трудящихся проявлялась в самы
разнообразных формах. Лесозаготовители республики поддер
жали патриотический почин 103 московских предприятий, раз
вернувших в апреле 1949 г. соревнование за ускорение оборач
ваемости оборотных средств.

В Усть-Немском леспромхозе по инициативе партийной ор
ганизации была создана комиссия для выявления резервов лес
промхоза по ускорению оборачиваемости оборотных средств и
созданию сверхплановых накоплений. Ее предложения обсужда
лись на партийном собрании, а затем на собраниях рабочих
инженерно-технических работников и служащих. Коллектив лес
промхоза принял социалистические обязательства по мобили
зации резервов производства, повышению производительност
труда и экономии средств. Напряженная борьба за выполнени
этих обязательств увенчалась высокими производственными ус
пехами. Леспромхоз значительно перевыполнил сезонный пла
1948/49 г., справился с заданиями второго квартала 1949 г. и
только за первое полугодие 1949 г. дал более миллиона рублей
сверхплановой экономии, высвободил из оборота несколько сот
тысяч рублей [1].

В 1949—1950 гг. в леспромхозах республики начал приме
няться поточный метод организации производства на основе
механизации главных производственных процессов. Это обеспе
чивало ритмичное выполнение производственных операций, бо
лее эффективное использование технических средств и способ
ствовала росту производительности труда. Койгородский лес
промхоз, осуществив переход к новой организации производ
ства, одним из первых в стране завершил в 1950 г. комплексную
механизацию лесозаготовительного процесса. Только за один год
работы по новому методу производительность труда в леспром
хозе выросла: на заготовке — на 22,5%, подвозке — 9%, вывоз
ке — 42,8% [2].

---

[1] Газета «За новый север», 7 августа 1949 г.

[2] В. П. Подоплелов, Г. Т. Мамаев, Ф. В. Шахрай, К. И. Азизов. За комплексную механизацию лесозаготовок, Сыктывкар, 1955, стр. 12.

Поточные линии стали создаваться во многих леспромхозах. К концу 1950 г. только на предприятиях треста «Комилес» их насчитывалось свыше 100[1].

* * *

За годы четвертой пятилетки в развитии лесной промышленности Коми АССР были достигнуты значительные успехи. В 1950 г. было вывезено 8,9 млн. куб. м древесины против 4,2 млн. куб. м в 1945 г.[2] Развернувшаяся широким фронтом техническая реконструкция лесозаготовительного производства привела к большим качественным изменениям в этой отрасли промышленности. Леспромхозы республики начали быстро превращаться из предприятий сезонного действия в высокомеханизированные промышленные предприятия с постоянными кадрами.

Технические мощности в расчете на одного рабочего в 1950 г. по сравнению с 1946 г. увеличились в 5 с лишним раз[3]. Удельный вес механизированных работ на предприятиях Министерства лесной промышленности возрос с 1946 г. по 1950 г.: на валке леса — с 4% до 43 %, подвозке — с 1,5% до 41% и вывозке — с 24,6% до 50%[4]. Заметно повысилась производительность труда. По предприятиям треста «Комилес» комплексная годовая выработка на одного рабочего в 1950 г. составила 149% по отношению к уровню 1945 г.[5]

Число постоянных рабочих на лесозаготовках за годы пятилетки увеличилось почти в 4 раза. Одновременно снизился удельный вес сезонной рабочей силы. Вместе с тем многие трудности в развитии лесной промышленности республики в рассматриваемый период преодолеть полностью еще не удалось. На многих предприятиях из-за слабости ремонтно-технической базы, неудовлетворительного снабжения запасными частями значительная часть механизмов и оборудования не использовалась. Эффективность технической реконструкции снижалась еще и тем, что механизация охватывала только основные производственные процессы, почти не затрагивая подсобные, вспомогательные работы. Процесс освоения техники сдерживался недостатком инженерно-технических и механизаторских кадров. Серьезные недостатки имелись в организации социалистического соревнования. В руководстве соревнованием допускалось немало формализма, пропаганда передового опыта зачастую носила деклама-

---

[1] «Леса и лесная промышленность Коми АССР», стр. 229.

[2] «Коми АССР за 40 лет», Сыктывкар, 1961, стр. 38.

[3] «Заседания Верховного Совета Коми АССР» (8 сессия), Сыктывкар, 1951, стр. 99.

[4] «Народное хозяйство Коми АССР», стат. сб., 1957, стр. 31. «Леса и лесная промышленность Коми АССР», стр. 223.

[5] «Заседания Верховного Совета Коми АССР» (1 сессия), Сыктывкар, 1951, стр. 97.

ративный характер и не подкреплялась организационной р
ботой.

В последующие годы происходило завершение техническо
реконструкции лесной промышленности, в процессе котор
удалось в значительной степени преодолеть эти трудности и н
достатки. Лесозаготовки в Коми республике превратились в вы
сокоразвитую механизированную отрасль промышленности.

Л. Н. ЖЕРЕБЦОВ

ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН ЛОКЧИМСКИХ СЕЛЕНИЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Бассейн Локчима относится к районам относительно позднего заселения. Длительное время (вплоть до XVI в.) не было постоянных селений не только на берегах этого притока, но и по всему течению верхней Вычегды. В имеющихся документах XV—XVI вв. р. Локчим, названная р. Лух, причисляется к охотничьим угодьям сысольцев.

На верхней Вычегде выше Усть-Сысольского погоста (Сыктывкара) только в последней четверти XVI в. появляются пертывые починки Маджа и Пезмог, упоминающиеся в писцовой книге 1585 г. Есть основание полагать, что они возникли незадолго до переписи. В самом конце XVI в. там же появляются еще два новых пункта. В писцовой книге 1608 г. перечисляются уже четыре деревни: Маджа (6 дворов), Кортовская (4 двора), Пезмог (3 двора) и Иня (1 двор)[1]. Наиболее удобное расположение имел Корткерос, который к 1678 г. стал погостом (административным и религиозным центром окружающих деревень)[2].

Заселение и освоение берегов самого Локчима началось почти на столетие позже, в конце XVII в. К этому времени не занятых, удобных для земледелия и скотоводства земель на прилежащем участке Вычегды уже не было, и крестьяне стали расселяться по Локчиму. При переписи 1720 г. на Локчиме было отмечено наличие трех маленьких починков (Позтыкерос, Мордин и Бояркерос). Последний из них имел 2 двора, а оба первых — по одному. Известны и фамилии основателей этих поселений. В Позтыкеросе осел Изъюров. Предположительно можно утверждать, что прибыл он из Корткероса или из Пезмога. В Бояркеросе поселился Забоев, перебравшийся туда,

---

[1] Акты времени правления Василия Шуйского. М., 1914, писцовая книга Яренского уезда.

[2] Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. Советская этнография. М., 1946, 2.

видимо, из Усть-Сысольска или его ближайших окрестностей, скорее всего из д. Кочпон[1].

В Мордине же обосновался Шевелев. Определение корней этой фамилии более трудно, чем двух первых. На остальной территории Коми того периода она распространения не имела. Но зато еще в XVII в. Шевелевы были известны на Вилге (приток Вычегды) среди тамошнего русского населения[2]. Может быть первые Шевелевы были из тех мест.

В XVIII в. население Локчима быстро растет. Уже к 1747 г. в Бояркеросе было 124 души мужского пола, в Позтыкеросе — 14 душ и в Мордине — 36 душ. Всего на всем Локчиме было 174 души мужского пола[3] и, примерно, столько же женщин.

В 1784—86 гг. в период Генерального межевания на Локчиме имелось уже 7 населенных пунктов. Появились новые деревни — Коншинская, Даньская, Лопыдино и Чет-Дин. Во всех семи селениях обитало 703 человека обоего пола[4].

Фамильный состав в течение XVIII в. значительно пополнился. Устанавливается, что большая часть переселенцев пришла из окружающих вычегодских селений, в частности, из Корткероса, Пезмога, Маджи, Важкурьи и Додзи (см. ниже).

В течение XIX в. новых населенных пунктов на Локчиме не возникло, так как этот век характеризовался процессом укрупнения существующих поселений. К середине указанного столетия была нижеследующая картина (см. таблицу)[5].

Поселения	Кол-во дворов	Кол-во душ муж. пола	Кол-во душ жен. пола
Бояркерос	13	61	73
Позтыкерос	31	168	162
Конша	12	53	62
Дань	12	46	47
с. Локчимский погост (Мординское)	27	135	151
Чет-Дин	32	113	108
Лопы-Дин. (Лопыдинская)	38	145	163
Итого	165	721	766

[1] Архив Коми филиала АНСССР, д. 1020, лл. 99, 87—88.

[2] Таможенные книги Московского государства XVII в., Н., 1951, т. II стр. 832.

[3] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 353 д. 4949, л. 9.

[4] Центральный государственный архив Коми АССР (ЦГА Коми АССР) ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 73.

[5] Список населенных мест по сведениям 1859 г. (Вологодская губерния) СПб, 1866; исключением является Бояркерос, который начинает все больше уступать Позтыкеросу, особенно после постройки в последнем церкви.

К середине XIX в. в локчимских селениях упоминается уже целый ряд фамилий. В Позтыкеросе, кроме Изъюровых, появились Осетровы, в Бояркеросе упоминается Стахиев и т. д. Наряду с появлением носителей новых фамилий происходит расселение прежних по новым поселкам. Так, например, в Конше наряду с Бутиковыми и Елфимовыми поселяются и Забоевы. Эта фамилия распространилась также и в д. Дань, где основными обитателями были Злобины и Гилевы, и в с. Мордино, где фамильный состав оказался более пестрым, как и в последующих двух деревнях Четдино и Лопыдино (в Мордине встречаются Забоевы, Шевелевы, Поповы, Тарабукины, Нестеровы, Нифонтовы, Бутиковы и Изъюровы; в Четдине — Шевелевы, Шестаковы, Ситкаревы, Ульяновы, Макаровы, Бутиковы, Старцевы, Сенькины; в Лопыдино — Выборовы, Шестаковы, Шамановы, Кармановы, Гилевы, Удоратины, Нестеровы, Калинины, Кирушевы и Подоровы)[1]. В двух последних, более позже возникших селениях, оседали крестьяне из нескольких деревень и вследствие этого в них наблюдается большая простота и разнообразие фамилий.

В течение XIX в. фамильный состав локчимских селений стабилизовался и в настоящее время в каждом селении четко выделяются несколько основных фамилий. Например, в с. Мордино — Шевелевы (47 семейств), Забоевы (9 семейств) и 5 фамилий по 2—3 семейства; в д. Конша — Забоевы (12), Бутиковы (12), Елфимовы (5) и 4 одиночных фамилии; в д. Дань — Забоевы (39) и 4 одиночных; в д. Четдино — Шевелевы (32), Ситкаревы (28), Шестаковы (9), Старцевы (8) и 8 одиночных; в с. Лопыдино — Подоровы (26), Шамановы (16), Кирушевы (13), Карповы (13), Выборовы (11), Гилевы (8), Нестеровы (7) и 7 одиночных[2]. Объясняется это тем, что брачные связи в XIX в., как правило, охватывали только свои локчимские деревни. Можно привести ряд примеров относительно браков середины XIX в. Так, в 1866 г. можно перечислить нижеследующие пары: Конша — Бояркерос, Мордино — Мордино (2 брака), Четдин — Лопыдино (2 брака), Четдин — Четдин (2 брака), Мордино — Конша, Лопыдино — Лопыдино (3 брака), Лопыдино — Четдин, Четдин — Мордино, Лопыдино — Мордино (2 брака), Дань — Мордино, Четдин — Позтыкерос (2 брака), Лопыдино — Дань, Дань — Бояркерос и, наконец, Корткерос — Мордино[3].

Если просмотреть книги брачной регистрации за ряд лет, то обнаружатся брачные связи и с соседними селениями по Вычег-

[1] Архив Корткеросского сельсовета.

[2] Данные похозяйственных книг Мординского и Лопыдинского сельсоветов.

[3] Архив Корткеросского сельсовета.

де, но в основном они ограничивались своими локчимскими селами и деревнями.

Вследствие этого на Локчиме сложился своеобразный замкнутый мирок.

В настоящей статье не ставится задача всеобъемлющего этнографического описания культуры и быта жителей локчимских селений, так как этнографической характеристике локчимского микрорайона будет посвящена отдельная публикация. Остановимся только на занятиях локчимских крестьян и состоянии официальной культуры в конце XIX — начале XX вв. Статья написана на этнографическом материале с привлечением некоторых архивных данных.

Заселение бассейна Локчима было вызвано поисками земель, пригодных для сельского хозяйства. Однако в начале освоения разработанных земель здесь было очень мало, и земледелие развивалось медленно. Урожайность культур была низкой. Хлеба часто не вызревали. В экономических примечаниях 1784 г. говорится, что «из посеянного хлеба лучше родится рожь, овес, ячмень, лен, конопля, а прочих семян за неурожаем не сеют»[1].

В течение XIX в. значение земледелия в хозяйстве локчимцев возросло, но, по-видимому, потребностей населения в продуктах питания полностью не удовлетворяло. Пахотных земель все также было недостаточно, и они оставались малоурожайными. Так, в 1872 г. было высеяно по Мординской волости озимых 120 четвертей, а снято 360 (урожай сам-3), яровых 240 четвертей, а снято 1440 (урожай сам-6) и картофеля посеяно 70 четвертей и снято 280 (урожай сам-4)[2].

Поля пахали обычной деревянной двузубой сохой с железными сошниками (амысь), один из них был несколько шире. Сошники были размером с ладонь. Боронование поля производилось деревянными боронами. В хозяйстве применялись деревянные вилы, изготовлявшиеся из березы. Для навалки навоза применялись двузубые, а для уборки сена — трехзубые. И те, и другие изготовлялись из одного цельного деревца, только вилы для навоза имели железные наконечники.

Наряду с полеводством, чрезвычайное распространение имела подсека (тыла). Вследствии того, что заниматься ею запрещалось, крестьяне шли на всякие обходы закона. Как правило, тыла была далеко в лесу. Устраивали их и в ближних лесах, но редко. Эти участки не забрасывались, а превращались в новины. Лесную охрану, чтобы она не мешала заниматься подсекой, подкупали, выделяя ей часть урожая. А вообще старались всю работу на подсеках проводить скрытно. Даже обмолоченное зерно привозили с тылы ночами, далеко объезжая пункты лесной охраны.

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 99.
[2] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 48, лл. 86—88.

На тыла лес рубили весной, а через год сушняк сжигали и на вызженную землю сеяли озимые. Таким образом, лишь на третий год получали урожай. На тыла почти никакой обработки земли не проводилось. В лучшем случае ее боронили с целью заделки семян особой бороной — пиня, которую таскала лошадь. Пиня, как и агас, изготовлялась из расколотых еловых плах без обрубки сучьев у ствола. Сучья имели длину 75—100 см.

Убранный хлеб обмолачивали там же, на подсеке с наступлением зимы. Крестьяне работали с полным напряжением сил, чтобы обмолот провести как можно быстрее, во-первых, потому, чтобы успеть вывезти хлеб из лесу по малому снегу, и, во-вторых, чтобы не застала лесная охрана, если до нее дойдут сведения.

Для обмолота на подсеке строился особый овин (тыла рыныш) гораздо более примитивного устройства, чем обычные овины. Пашенные овины были как местного типа (коми овины), так и русского.

Русский овин — верховой на два этажа. Внизу была печь-каменка, а вверху — помещение для сушки снопов. Горячий дым поднимался через пазы, идущие вдоль стен, поскольку пол устраивался так, что не доходил до самых стен сруба, примерно, на ширину ладони. Пол верхнего этажа покрывался глиной. Вдоль стен наклонно тянулись жерди, на которые укладывали снопы обычно в два ряда: один комлем вниз, другой — вверх.

Коми овин представлял собой черную баню. В одной половине ее топилась печь-каменка, а в другой сохли снопы. По типу — это не овин, а рига.

Иначе делали овин на тыла. Он тоже был в два этажа, но срубным был только низ, где помещалась печь, а верх делался из жердей, установленных конусом. На этих жердях и укреплялись снопы для сушки. Этот тип овина особенно интересен, так как подобные шалашевидные сооружения встречались и у других финноугорских народов, в частности в Поволжье[1].

Наряду с земледелием, развивалось и скотоводство, но разведение скота сдерживалось недостатком сенокосов и плохими урожаями сена. В 1886 г. всего скота было: лошадей 212, коров 520, овец 675, но и для этого поголовья кормов было недостаточно, уже с февраля часть его кормили яла (белым мхом — ягелем) и осиновой корой.

Белым мхом для кормления коров локчимцы пользовались издавна. Заготовляли они его обычно осенью. Делалось это просто. Ягель снимали вилами, стряхивали с него землю и складывали в кучи. Мерзлый мох вывозили зимой. В корм давали его

[1] A. Heikel. Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors, 1888; см. также U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ов-ugrischen Völker. Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki, 1907, в. VII.

заваренным и посыпанным мукой и солью, а если их не было, то просто без присыпки. Привычные коровы поедали мох прямо мороженным.

Довольно с давних времен на Локчиме разводят свиней. Вначале это была какая-то примитивная порода с длинной щетиной, отличалась она неприхотливостью к уходу. Но продуктивность ее была невысокой.

С конца XIX в. локчимские крестьяне стали разводить кур, но в небольшом количестве (по 2—3 штуки), поэтому яйца были дороги и употреблялись главным образом для угощения гостей. Девушки угощали вареными яйцами парней на посиделках, взамен принесенных для них гостинцев.

Постоянно ощущался недостаток пашенных земель. Особенно страдали от этого бедные крестьяне, которых было немало. В документах указывается, например, что в 1886 г. в Мординском обществе «7 домохозяев не имеют земли в пользовании», 4 семьи отказались от земли потому, что «не могли разрабатывать наделов и работают по найму», а «2 домохозяев не имеют коров за недостатком корма, но лошадь есть. Вместо удобрения они одно поле оставляют под паром, рожь не сеют»[1].

У локчимцев большое место в хозяйстве занимали промыслы. В XVIII в. на первом месте стояли охота и рыболовство. В «Экономических примечаниях» отмечается, что охота осенью проводилась близ жительства, а зимой охотники удалялись «в дальние места государственного леса для промысла... зверей которых продают по сходной цене в г. Усть-Сысольске, в коем для себя покупают разные съестные припасы и потребные товары»[2]. Так же было и в XIX в. В 1872 г. в Мординской волости, например, было добыто 14000 белок, 3200 рябчиков и 2000 прочей птицы[3].

Широкое распространение в качестве средств охоты служили различные петли как на птицу, так и на зверя, в том числе и на медведя, а также разнообразные другие ловушки. Применялись и кремневые ружья.

Рыбу ловили в р. Локчим и ее притоках. В частности, в темные осенние ночи применялось лучение (кыбӧм). Совершалось оно таким же образом, как и в других районах. Мелкие реки и даже Локчим часто перегораживали наглухо и у закола ставили морды. Добывали в быстрых и светлых притоках Локчима семгу.

Во второй половине XIX в. постепенно стали распространяться и другие промыслы. Так, в 1886 г. ремеслами и промыслами в волости занимались 199 человек (из них — охотой — 180, плотничеством и шерстобитием — 9 и отхожими промыслами — 10 человек)[1].

Своих хороших кузнецов в Мординской волости не было. Все изделия из железа в локчимские селения привозили корткеросские кузнецы. Мало было и хороших плотников. Только в Мордине имелись более умелые. Печники были свои, портные приходили из Пыелдина, а пимокаты — с Вишеры.

Часть крестьян заключала договоры с Нювчимским железоделательным заводом на поставку руды. В 1871 г., например, 50 человек договорились добыть с локчимского рудника 11 350 пудов железной руды и 19 человек — с мординского рудника — 5300 пудов[2].

Во второй половине XIX в. начал распространяться наем на заготовку леса. В 1872 г. группа местных крестьян договорилась заготовить для заграничного торга 375 деревьев[3]. С начала XX в. заготовка леса заметно расширяется, и количество крестьян, принимавших участие в лесозаготовках, увеличивается.

Крестьяне заготовляли лес своим коштом. Для жилья строили шалаши (лыс-чом). Судя по описанию, это то же самое, что и воча-чом, устраивавшийся обычно в качестве временного жилья на подсеках. В шалаше одновременно могли поместиться до 10 человек. По форме — это два односкатных чома, устроенные входами друг против друга. Остов их делался из жердей и покрывался еловой корой. В промежутке между шалашами для обогревания помещения и людей разводился костер. Над костром на специальных приспособлениях навешивались котлы для варки пищи. На лесозаготовках такие чомы покрывали еловыми ветвями и получался лыс-чом. На пожнях же в качестве более долговременных жилищ строили кер-чомы. Нижние два венца их делались полные, а остальные только на 3 стены, причем с боков бревна скашивались для придания уклона крыши. Перед открытым входом горел костер. В более холодное время на лесосеке делали также му-чом. В этом случае в средней части шалаша землю вынимали до 50 см глубиной и туда помещали очаг. С боков имелись неширокие ступеньки вместо скамеек. А для сна вместо нар служил верхний слой почвы.

Во второй половине XIX в. среди крестьян начал распространяться отход на Пермские заводы и в Сибирь. В 1886 г. было выдано 8 годовых, 7 полугодовых паспортов и 32 сезонных билета. С паспортами люди уходили в Сибирь, а с билетами — на заводы для рубки дров. Уходили они в марте, а возвращались в июне[4].

Как правило, локчимцы ходили для заготовки дров на Бого-

---

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, д. 8. М., об. 138—139.
[2] Там же. ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 99.
[3] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 40, л. 46.

[1] ЦГА Коми АССР, до. 155, 1, д. 8, 139.
[2] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 11, лл. 39—41.
[3] Там же, лл. 7—7 об.
[4] Там же, ф. 155, оп. 1, д. 8, л. 139.

словские заводы. Обычно собиралась артель из 7—8 человек. Путь лежал через Весляну, поскольку ее притоки близко подходили к притокам Локчима. В верховьях ее делали лодку-осиновку и на ней спускались вниз. В конце пути лодку продавали рубля за 3—4 и на эти деньги покупали хлеб. На заводе им выдавали аванс, на который они приобретали запас пищи. В лесу строили чом и приступали к работе.

Кроме того, бедняки нанимались на работу к местным кулакам или поденно на период уборки урожая, или на весь год. В 1872 г. существовала нижеследующая такса (см. таблицу)[1].

	Поденная			В лето		В год	
	муж.		жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
	с лош.	пеш.					
На своем продов.	40 к.	23 к	13 к	6 р. 50 к.	4 р. 30 к.	23 р.	14 р
На хозяйск. продов.	25 к.	15 к.	10 к.	4 р. 50 к.	3 р.	16 р.	10 р.

Важную роль в крестьянском хозяйстве играли домашние промыслы. Женщины занимались прядением, ткачеством, вязанием, а также изготовлением глиняной посуды. Первые имели особое значение, потому что вся одежда крестьянства была своетканной. Из фабричной материи изготовлялась только праздничная одежда, к которой относились очень бережно. Нательное белье и домашние платья шили из холста. Для верхней одежды применялись шерстяная ткань или меха. Для дукеса (вид пальто) пряли шерстяную нить, затем ткали и для плотности готовую ткань валяли. Следует отметить, что для изготовления одежды и обуви овечья шерсть имела первостепенное значение. Из нее вязали чулки и рукавицы, ткали пестрядь и сукманину, валяли валенки и т. д.

Для изготовления посуды глину смешивали с дресвой (дзимбыр). Затем брали деревянный круг, на который клали дно будущего сосуда. Куски глины раскатывались и свертывались в виде колец, которые накладывались одно на другое на подготовленное дно. Поворачивая деревянный круг, стенки сосуда сглаживали. После предварительной просушки заполняли сосуд суслом и обжигали его в печи. Он стоял там, пока все сусло не выкипало. Такой горшок был черного цвета и довольно прочным.

Все это делалось обычно в зимнее время и выполнялось женщинами поздно вечером при свете лучины. Поэтому хозяйки ложились спать поздно, а вставать приходилось рано. Жизнь женщины в семье в старое время была очень тяжелой. На ней

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 62, оп. 1, д. 48, лл. 86—88.

лежала вся домашняя работа и ведение хозяйства, в том числе уход за скотом, топка печи, приготовление пищи и корма для скота, изготовление холстов, сукон и шитье одежды, а также подвозка сена из стогов, которые складывались на пожнях. Мужчины уходили в лес на охоту, рыбную ловлю, а также на лесозаготовки, на заводы и помощи от них по дому не было.

В хозяйстве локчимцев широко применялась посуда, сделанная из дерева или бересты. Ее изготовлением занимались мужчины, чаще всего в лесу, в свободное от охоты время. Деревянная посуда изготовлялась в основном из наплывов на стволах деревьев, особенно березы. Из них вырезывали ковши, ложки, поварешки и различные чашки. Особенно крупная чашка, вырезанная из березового наплыва (ёг), называлась кумли. В ней рубили капусту и т. д. Крупная, но вместе с тем легкая, не требующая особой прочности, утварь выдалбливалась из ствола осины (например, бурня для хранения муки). Более прочные предметы (ступы и др.) изготовлялись из березы. Из бересты делали различных размеров коробки, чуманы, корзинки, пестери и бураки (туисы). Из дерева изготовлялись также ведра, корыта и многие другие предметы хозяйственной утвари. Вместо ящиков и чемоданов служили крупные изготовленные из осиновой дранки круглые короба (куд). В них, например, хранила свое приданное невеста; в подобных же коробах держались мука, крупа, зерно и т. д.

С конца XIX — начала XX вв. посуду частично стали покупать, в том числе и деревянную. Для заварки чая приобретали специальные кувшины, которыми гордились так же, как позднее самоварами. В 1872 г. во всей Мординской волости был только один медный самовар[1]. А до этого чай заваривали в чугунах. Впрочем, многие не могли приобретать чай и вместо него заваривали разные растения.

Хозяйственное положение местного крестьянства мало в чем изменилось и в начале XX в. Земель для хлебопашества и сенокосных угодий по-прежнему не хватало. Крестьянам приходилось арендовать их у казны. Возросло значение подсобных занятий, но в отличие от соседних сысольских и вычегодских районов, где главную роль стали играть отхожие промыслы, на Локчиме преобладающей осталась охота.

В 1900 г. в Мординской волости охотой занималось 510, заготовкой сортового леса — 140, работой на пермских заводах — 30 и разными ремеслами — 15 человек. По сравнению с прошлыми годами количество охотников увеличилось. Паспорта же для отлучки на отхожие промыслы в этом году получили всего 54 человека. Это в основном были лица, уходившие весной и осенью для рубки дров на Пермские заводы. В другие губер-

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 62, оп. 1, д. 11, л. 3.

нии отлучки были только единичными[1]. Охота и другие про-
мыслы являлись основными источниками денежных средств
Эти средства шли на хозяйственные нужды, на уплату всяки
налогов и податей. В 1886 г. налоги начислялись в зависимости
от количества надельной земли, уступленной обществом в поль-
зование; землей крестьяне наделялись по числу ревизских душ
принимая во внимание количество наличных душ в семействе
В начале XX в. землю стали разверстывать по числу едоков
считая их с 5-летнего возраста. В конце XIX в. особенно трудно
приходилось малоимущим крестьянам. «Неимущие брали день-
ги под вексель под залогом одежды до будущего урожая. Ма-
лопрожиточные продавали скот, оставаясь при 1 корове и 1
лошади»[3]. Средства у крестьян появлялись обычно «в апреле
после продажи добычи и получения платы за заготовку леса, а
также в ноябре после Георгиевской ярмарки, где также про-
дают охотничью добычу»[4].

Усть-Сысольская ярмарка была основным пунктом продажи
всех крестьянских товаров и местом покупки локчимским насе-
лением необходимых им предметов. К концу XIX в. в се.
Мордино, Лопыдино и Четдин появились свои торговцы, от-
крывшие мелочные лавки. Кроме того, в Мордине была еще
винная лавка[5].

Товары доставлялись из Усть-Сысольска главным образом
на лошадях (зимой и летом), а весной по большой воде — на
лодках. Из Серегово таким же путем завозилась соль. Сущест-
вовала третья дорога, которая использовалась в зимнее время и
очень сухим летом. Она шла от Позтыкероса по реке Лемью
и выходила к Кочпону.

Крестьяне локчимских селений находились в зависимости
от местных торговцев, наживавшихся на их нужде. Торговцы
назначали на свои товары любые цены. Крестьянам они про-
давали свои товары, особенно различные охотничьи припасы
при этом большей частью в долг, но с условием, чтобы вся до-
быча промысла отдавалась купцам. Полученную за бесценок
пушнину и дичь торговцы перепродавали на Усть-Сысольской
ярмарке, хорошо наживаясь на этом.

Таковы были занятия и в целом хозяйственная жизнь лок-
чимских крестьян в конце XIX — начале XX вв.

В заключение следует сказать о состоянии народного обра-
зования и здравоохранения в локчимских селениях. В III чет-
верти XIX в. на Локчиме не было ни одной школы. Жители
почти поголовно были неграмотными. Приведем для примера

---

1 ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, д. 110, лл. 12—15.
2 Там же, ф. 155, оп. 1, д. 8, л. 138.
3 Там же, ф. 155, оп. 1, д. 8, л. 138 об.
4 Там же, ф. 155, оп. 1, д. 110, л. 15.
5 Там же, ф, 62, оп. 1, д. 39, лл. 4—5.

таблицу количества населения и грамотных по локчимским селениям в 1876 г.[1]

Населенный пункт	К-во взрослого населения		Дети от 7 до 10 лет		Дети от 11 до 13 лет		Грамотных взрослых	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Пог. Мординский . .	219	200	14	9	7	6	6	—
д. Даньская	46	53	3	3	3	4	1	—
д. Коншинская . . .	60	66	9	7	4	8	2	—
д. Четдинская . . .	89	109	6	3	6	8	1	—
д. Лопыдинская . . .	154	149	7	9	10	13	2	—
д. Бояркеросская . .	53	45	7	3	2	4	2	—
пог. Позтыкеросский	219	187	8	11	10	10	5	—
Всего . . .	860	809	54	45	42	53	19	—

Следовательно, на 1669 человек взрослых и 194 ребенка школьного возраста грамотных было всего 19 человек. Не было ни одной грамотной женщины.

Первые учебные заведения появились в локчимских деревнях в последней четверти XIX в. В 1889 г. была открыта церковно-приходская школа в Лопыдино[2]. Земские училища появились в Лопыдино и Четдине в 1907 г. Помещались они в наемных, совершенно неприспособленных помещениях. Там же жили и учителя (в училище работал один учитель)[3]. Но, по мнению местных жителей, земские училища все же были лучше церковно-приходской школы. Учились в них почти исключительно мальчики. Информатор (75 лет) утверждает, что в его молодые годы школу посещали только 2 девочки. Грамотные женщины были такой редкостью, что одну из девочек, окончившую школу, население прозвало «писар-Люба», хотя она не только писарских, но и вообще никаких должностей не занимала.

В школах существовал трехлетний срок обучения, учащиеся делились на три класса: младший, средний и старший. В 1913 г. в Четдине учились 11 и в Лопыдино 34 мальчика[4]. В церковно-приходской школе в 1917 г. работали 2 учителя и обучались 26 человек (23 мальчика и 3 девочки)[5]. На весь Локчим имелась одна Мординская бесплатная земская библиотека[6].

---

1 ЦГА Коми АССР, ф. 180, оп. 1, д. 9, лл. 14, 20.
2 Там же ф. 180, оп. 1, д. 272, лл. 1—15.
3 Там же, д. 288, лл. 80—116.
4 Там же ф. 180, оп. 1, д. 288, лл. 80, 116.
5 Там же, д. 272, лл. 1—15.
6 Там же, лл. 31—32.

Еще хуже, чем с просвещением, обстояло дело с народ
здравоохранением. Приемный покой на 2 койки был только
Корткеросе. В 1913 г. там работали фельдшер и акушерк
В том же году был открыт амбулаторный пункт в Мордине. П
мещался он в наемной квартире. Работали там тоже фел
шер и акушерка [2].

Низкий уровень просвещения и здравоохранения был од
из причин распространения различных болезней, а также с
ществования всевозможных суеверий и религиозных предра
судков. Широкое распространение имели, например, гадан
(нуньялём). Проводились они на крещенье (неделя до и неде
после), на Васильев день и т. д.

Верили в существование всевозможных духов: в подполь
будто бы жила бубуля, в воде — куль, в лесу — вёрса.

Верили в колдунов (тёдысь) и оборотней. Считали, что он
могут принимать любой вид и приносить всяческий вред, вплоть
до превращения ружья (пищали) в воду.

Таким образом, приведенный материал позволяет утверж
ждать, что уровень хозяйственной жизни и культуры жителе
локчимских селений в конце XIX в. был несколько ниже, че
у окружающего населения верхневычегодского района. Здес
сохранялись более примитивные отрасли хозяйства. Заметны
особенности наблюдались в самой системе хозяйства. Так, на
пример, если для Сысольско-вычегодского этнографическог
района характерно было широкое развитие отхожих промы
лов (конец XIX в.), то на Локчиме сохранила свое преимуще
ство охота, а в земледелии основной упор делался на подсеку,
ье на пашню и т. д.

В памяти людей еще прочно хранятся воспоминания о
этом тяжелом времени. Вот что рассказал 75-летний старик
Кирушев В. М. (с. Лопыдино). Он был младшим седьмым сы
ном в большой семье. Рано остался без отца (3-лет от роду).
Старшие братья разделили хозяйство между собой, а его с
другим малолетним братом взял к себе на воспитание старший
Но в новой семье он был лишним ртом, а поэтому уже с 9 лет
ему пришлось работать по найму. Вначале был возчиком у
крестьян, работавших на заготовке сортового леса. А с 12 лет
стал наниматься в работники. Причем работал, как взрослый,
а плату получал меньше — 12 руб. за сезон, т. е. около 5 коп.
в день. 14-летним получал уже по 15 руб., почти как взрослый.
Шестнадцатилетним он пошел на Богословские заводы для
рубки дров.

Жизнь в семье братьев была очень тяжелой. Никто за ним
не присматривал, не приводил в порядок одежду и т. д. Жены
братьев отказывались помогать ему. Поэтому, несмотря на мо-

[1] ЦГА Коми АССР, ф. 116, оп. 3, д. 239.
[2] Там же, д. 253.

лодость, он решил жениться. Невеста была единственной до-
черью среднего крестьянина. Пошла она за него без согласия
родителей. Братья его с большой неохотой справили пир и
возвратили ему, как младшему брату, избу покойного отца.
Прожил он в семье всего один год и был взят в солдаты. Стар-
шие братья обратно отобрали у его жены отцовский дом (зи-
мой сняли в доме рамы), и она вынуждена была вернуться к
своим родителям.

После возвращения из армии он вновь отобрал отцовский
дом, но, прожив в нем год, был призван на 1 мировую войну.
Только после окончания гражданской войны он смог заняться
мирным трудом и постепенно восстановил разрушенное хо-
зяйство.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела
из тупика не только хозяйство В. М. Кирушева и всех локчим-
ских крестьян, но и крестьянство всей России. За годы Совет-
ской власти прежняя отсталость локчимских селений полностью
исчезла. Неизмеримо возрос экономический и культурный уро-
вень локчимских крестьян.

Ю. В. ГАГАРИН

СЕКТА «СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ» В КОМИ АССР И ЕЕ РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Одной из религиозных сект, получивших некоторое рас- странение на территории Коми АССР, являются «Св- тели Иеговы». Иеговизм подразделяется на два течения: и- инцы (русского происхождения) и русселиты (американс- происхождения), причем последние и называют себя «Свид- лями Иеговы». Поскольку в Коми АССР иеговисты-руссел- преобладают [1], то в статье предпринимается попытка осве- деятельность иеговистов именно данного направления.

Секта «Свидетели Иеговы» возникла в 1872 году в СШ- результате раскола секты адвентистов. Последние в своем у- нии делали упор на предсказание наступления скорого ко- света и страшного суда, обещали верующим вечное блаж- ство на том свете и т. д. Основатель иеговизма — америк- ский коммерсант Ш. Руссель видоизменил это учение, отв- ряд догм, мешавших ему вести пропаганду в целях оправда- господства эксплуататорского класса капиталистов и ка- шихся явно нелепыми или трудно воспринимаемыми для с- последователей. Так, он видоизменил христианский догма- троице. Согласно его вероучению Иегова — единственный б- а дух святой — это сила божья. Иисуса Христа он провозг- сил божьим сыном, созданным для борьбы с Сатаной. Бор- двух начал — Иеговы и Сатаны, которая якобы длится на п- тяжении всей истории человечества, составляет основу веро- ния иеговистов. Отсюда людей иеговисты делят на два ла- ря — сатанистов и истинных последователей Иеговы. Бор- двух начал должна завершиться последней схваткой Иеговы Сатаной, в результате которой установится тысячелетнее царство во главе с Христом.

Спекулируя на настроениях верующих, отказывающихся верить библейским поучениям о блаженстве на том свете и предпочитающих иметь его на земле, иеговисты отрицают бессмертие души, загробный мир и обещают тысячелетнее царство на земле для живых, причем в это царство будут допущены те, кто своевременно вступит в их секту. Остальные же подлежат массовому уничтожению. Согласно их вероучению, эта последняя битва, Армагеддон, как они ее называют, уже очень близка, что Христос незримо сошел на землю и уже приступил к суду над народами. Иеговистский журнал «Башня стражи» неоднократно возвещал о сроках наступления Армагеддона. Скорое наступление Армагеддона ими выдумано для запугивания верующих.

Свое учение «Свидетели Иеговы» строят на библии, чтение которой считается обязательным для верующих. Но еще более важным считается изучение трудов руководителей секты, центральных изданий, журналов «Башня стражи» и «Информатор», листовок и прочей литературы, выпускающейся в США. В этой литературе возводится злобная клевета на наш строй, Советский Союз объявляется «царством сатаны» и т. д., зато всячески восхваляются США. В одном из выпусков журнала «Башня стражи» говорится: «Вы, преданные господу народы, смотрите на Америку, чтобы найти там самый усовершенствованный руководящий орган, как во времена апостолов...». Журнал провозглашает право США на мировое господство: «Америка поднялась до положения водительства миром, находим мы, что малые народы обращаются к Америке за руководством».

Центр иеговистов находится в США под Нью-Йорком, в Бруклине, откуда тянутся незримые нити во многие страны мира к местным группам. Иеговистская организация субсидируется американским пропагандистским агенством США и получает немалые подачки от миллионеров. Руководителем организации является капиталист Натан Кнорр, который верой и правдой служит американскому империализму. Секта иеговистов распадается на низовые ячейки — кружки, объединяющиеся в стрефы. В иеговистских общинах воспитывается слепое послушание руководству. Отдельные верующие, не знающие какова истинная сущность руководителей и какова политическая направленность этой организации, невольно оказываются втянутыми в антисоветскую деятельность. Секта иеговистов является скорее политической, нежели религиозной организацией, поэтому ее деятельность в нашей стране считается антинародной.

Распространение иеговизма в Коми АССР произошло в послевоенные годы. В период Великой Отечественной войны и осо-

---

[1] Несколько семей иеговистов ильинского толка проживают в г. В- куте. Общее число ильинцев составляет 6 человек русской и украинс- национальности. Среди коренного населения иеговизм ильинско- толка распространения не получил. Какой-либо активности данные секта- по вербовке новых членов не проявляют.
(Материалы этнографической экспедиции Коми филиала АН СС- 1962 г.).

бенно в послевоенный период наблюдается быстрый рост
мышленности в республике. Это потребовало притока до
нительной рабочей силы. Вместе с подлинными энтузиаста
горящими желанием помочь в освоении природных бога
Севера, в Коми АССР приезжали отдельные лица с сомните
ным прошлым, запятнавшие себя аморальным поведени
Здесь оставались также на постоянное местожительство ли
отбывавшие сроки заключения в исправительно-трудовых коло
ях за различные преступления. Идеологическим бог
ством некоторых из них являлось вероучение «Свидете
Иеговы», а тактическим приемом — заповеди президента ми
вого центра иеговистов Натана Кнорра: «Будьте кротки, к
голуби, и хитры, как змеи». Как показывает анализ национа
ного состава «Свидетелей Иеговы» в Коми АССР, большинст
из них прибыло из районов Западной Украины и Молдавии[1].

Распространение иеговизма в республике ограничено пре
лами отдельных районов. Основной состав «Свидетелей Ие
вы» представляют люди, недавно ставшие рабочими и члены
семей[2]. Поселившись в городах Воркуте, Инте, а также в Ухт
ском, Печорском, Усть-Куломском и Железнодорожном района
иеговисты сколотили там небольшие группы.

Период оживления деятельности иеговистов относится к с
редине 50 годов[3]. Именно в этот период организационно офор
ляются стрефы в гг. Инте и Воркуте, а кружки — в Ухтинском
Печорском районах. Вожаки сектантских групп поддерживал
связи с краевыми бюро, находившимися в Западной Украине
Иркутской области[4]. Отдельные руководители иеговистски
групп в Коми АССР имели связи с иеговистами Западной Гер
мании, Дании, Канады, откуда они получали «советы» и литера
туру[5]. Центр иеговистских групп находился в г. Инте. Интин
ские иеговисты осуществляли руководство отдельными кружка
ми «Свидетелей Иеговы», свившими свои гнезда в некоторых
районах республики, и были связаны с отдельными группами
иеговистов северных областей и г. Ленинграда. Представители
ленинградских иеговистов сами презжали в Инту за литерату
рой, инструкциями и посылали туда же отчеты о проведенной
работе[6].

В результате усиления научно-атеистической пропаганды, ин
дивидуальной разъяснительной работы с верующими, разоблаче

---

[1] Материалы этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1962 г. (В дальнейшем — Материалы экспедиции).
В 1962 г. имелось лишь 3 колхозника, являющихся иеговистами (Печорский район).
[3] Партийный архив Коми обкома КПСС. ф. 1, оп. 6., ед. хр. 64., л. 3.
[4] А. Г. Москаленко. Секта иеговистов и ее реакционная сущность. М., 1961, стр. 66.
[5] Газета «Красное знамя», 12 марта 1957 года.
[6] Правда о сектантах. Сборник, Л., 1962, стр. 42—44.

ния антисоветской сущности руководителей интинских, воркутинских и ухтинских стреф и кружков деятельность иеговистов в республике заметно уменьшилась. Многие верующие, в том числе и некоторые вожаки сектантских организаций, отошли от религии, перестали верить учению «Свидетелей Иеговы», в результате чего численность иеговистов значительно сократилась. Так, например, в Воркуте число иеговистов уменьшилось к настоящему времени по сравнению с 1958 годом в 13 раз. Однако небольшие группы иеговистов в республике продолжают существовать, нанося большой вред советским людям в моральном отношении.

Приверженцев этой религиозной секты в Коми АССР можно разделить на две части: первая — это руководители иеговистских групп — активисты, которые занимаются организационной деятельностью в секте, распространяют свою литературу, собирают взносы с рядовых участников, обрабатывают новых лиц, вовлекая их в секту, отчитываются перед вышестоящими инстанциями и проводят «студии» (обучение) в группах верующих. Среди вожаков секты имелось немало людей с темным и преступным прошлым. Многие из них в годы Великой Отечественной войны служили у гитлеровцев полицейскими, карателями и совершали тяжелые уголовные преступления. Бывший иеговистский «слуга» В. Гутшмидт (г. Инта) был немецким пособником, а Н. Волошановский (г. Инта) был не только полицаем, но и агентом немецкой разведки. Активный иеговист А. Казак (г. Воркута) в прошлом участник националистической банды. За бандитизм был также судим М. Козаев, который сбежал из тюрьмы после первого суда, вновь организовал банду и одновременно вступил в иеговистскую организацию. М. Шипунов в прошлом служил в карательном отряде у немцев, был членом «Союза борьбы против большевизма».

Другая группа верующих — рядовые сектанты, вовлеченные самыми различными способами и при различных обстоятельствах. В большинстве своем — это честные советские люди, которые добросовестно трудятся на производстве. Они искренне верят, что иеговистское учение — чисто религиозное и оно является личным делом верующего и особого вреда нашему обществу и государству не приносит. Среди них много малограмотных людей, попавших под влияние иеговистов вследствие своего низкого общеобразовательного и культурного уровня.

В большинстве случаев рядовые сектанты даже не представляли, что их руководители связаны с заграницей и получают свои инструкции оттуда, что организации «Свидетелей Иеговы» стоят под прямой защитой госдепартамента США.

40% иеговистов, проживающих в Инте, имеют образование в объеме 4 классов, а 24% — в основном престарелые являются малограмотными. В Печорском районе свыше 60% всех

иеговистов имеют образование не выше 4 классов. Вовлечен
ми в секту оказались по преимуществу менее квалифициров
ные рабочие, обслуживающий персонал (уборщицы, вахте
сторожа и пр.), домохозяйки. Весьма показательно, что ⅔ ие
вистов составляют женщины [1]. Многие из них уверовали в Ие
ву в связи со сложившимися жизненными неприятностями,
счастьями и т. д. Некоторых молодых людей втянули в секту р
дители и родственники, являющиеся иеговистами. В отличие
православия и старообрядчества, где подавляющее большинст
верующих составляют престарелые, сектанты втягивают в сво
веру людей более молодых возрастов. Лица старше
лет в секте «Свидетелей Иеговы» составляют 15%, возра
большинства иеговистов от 30 до 50 лет (66%), остальные
люди в возрасте от 20 до 30 лет и даже моложе [2]. Интересн
что иеговизм не оказал почти никакого влияния на коренное на
селение. В числе «Свидетелей Иеговы» имеются только 9 ком
(в Усть-Цилемском, в Печорском районах и в г. Инте). По на
циональному составу в секте имеется украинцев — 34%, ру
ских — 27%, молдаван — 12%, белоруссов — 10%; на долю др
гих национальностей в том числе и коми, приходится всего лиш
17% [3].

Сумев вовлечь в секту известную часть менее сознательного
населения и прикрывая истинное существо своего вероучени
фальсифицированными ссылками на библейские тексты, вожаки
иеговистских групп в Коми АССР призывали рядовы
членов не принимать участия в общественно-политической жи
ни, запугивали верующих тем, что «спасение» наступит только
для тех, кто заблаговременно отойдет от «сатаны», от участи
в работе в советских и общественных организациях. Упомянуты
выше А. Казак в разговоре с рабочим шахты 9/10. К. в присут
ствии других рабочих доказывал: «Сколько бы не строили
сколько бы не производили, все равно вы коммунизм не постро
те. Я не верю в его построение». В беседе с нами руководитель
иеговистов в пос. Усть-Воя (Печорский район) Ф. Ганзюк, ци
тируя библию, утверждал, что иеговисты не должны служить в
Советской Армии, принимать участие в выборах и обществен
ной жизни [4]. Иногда им удавалось добиться известного успеха в
этом направлении. С появлением в пос. Ветлосян (г. Ухта)
в 1956—1957 гг. иеговистских проповедников Б. А. Мирона и
И. В. Оксенюка некоторые рабочие завода стройматериалов, во
влеченные в секту, перестали посещать производственные, проф
союзные и любые другие собрания. Под влиянием чтения иего
вистской литературы и проповедей своих наставников иеговис

[1] Материал экспедиции.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ты Железнодорожного района отказались участвовать в Выбо
рах в Верховный Совет СССР 18 марта 1962 г., а один из чле
нов секты Николай Носков заявил: «Я верю богу, не верю чело
веку — он обманщик»[1].

Антиобщественное лицо иеговистов особенно ярко проявляет
ся в их отношении к труду. По учению «Свидетелей Иеговы»
добросовестный труд бесполезен, потому что «армагеддонская»
война между Иеговой и Сатаной результаты труда все равно
уничтожит. Руководитель одной из иеговистских групп, действо
вавшей до 1957 г. в Воркуте, Н. Волошановский высказывался
в таком духе: «Себя я считаю временным гражданином Совет
ского Союза. Согласно писанию, наступит новый мир, и я счи
таю себя наследником нового мира».

Сектантское руководство воспитывает у верующих убежде
ние в неизбежности войны и выступает против борьбы за мир.
В их литературе осуждается деятельность общественных орга
низаций, борющихся за мир. Так, например, в рукописном сбор
нике, изъятом у Гутшмидта, говорится, что иеговисты «не будут
полагать доверия своего людским мировым объединениям для
достижения постоянного мира, безопасности и лучшей будущ
ности, чтобы не знать в конце горького разочарования». Руково
дители стреф и групп: Гутшмидт, Оксенюк, Доду, Казак и дру
гие неоднократно созывали совещания, на которых требовали от
подчиненных активизации пропаганды среди населения с при
зывами отказа от политической деятельности и служения в Со
ветской Армии и т. д. В 1957 г. иеговистские вожаки провели в
г. Воркуте специальные занятия, на которых было прочитано
52 лекции по программе, полученной из-за границы.

Особенно активно действовал В. Бурлаку. Он был уже дваж
ды наказан за нелегальную деятельность, но освободившись из
лагеря в 1956 г., опять возглавил группу «Свидетелей Иеговы»
в Инте. На собрании коллектива рабочих и служащих шахты
№ 11/12 комбината «Интауголь» 25 апреля 1960 г. он заявил,
что по его указаниям «участниками организации проводилась не
легальная работа: приобреталась, размножалась и распростра
нялась иеговистская литература», причем он знал, что это
является «преступной работой, проводившейся под религиозной
оболочкой...»[2]

Большое внимание иеговисты уделяют размножению литера
туры путем переписывания. Так, например, иеговист И. А. Бон
дарь рабочий Ухтинского механического завода, заявил, что сог
ласно учению иеговисты «должны неустанно трудиться над де-

[1] Газета «Ленинское знамя» (Орган Железнодорожного райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся п. Железнодорожный), 27 марта 1962 года.
[2] Газета «Искра» (Орган Интинского городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся г. Инты), 4 мая 1960 г.

лами Иеговы, т. е. как можно больше списывать и пересылать книги его, ибо это есть самое поразительное орудие против Сатаны». В соответствии с этим он пересылал переписанную им самим литературу знакомым, родственникам [1].

Всю свою литературу, прекрасно зная ее назначение, руководители иеговистов хранили во всевозможных тайниках. В 1957 году в г. Воркуте было обнаружено 5 тайников, где хранились отчеты о деятельности, журналы, книги и рукописи; изъят магнитофон и лента с записью речей Рутерфорда[2]. А Казак прятал иеговистскую литературу в сарае под полом и в венике.

Иеговизм враждебно относится ко всем достижениям нашей культуры и науки. Эта враждебность проявлялась в требовании иеговистских вожаков к рядовым верующим отказаться от посещения кино, танцев и других массовых мероприятий, слушания радио, чтения какой бы то ни было литературы, за исключением иеговистской, в которой осуждается технический прогресс, любые передовые идеи, а виновником всяких бед объявляется «просвещение».

Рядовой иеговист не имеет права проявлять в чем-либо свою инициативу, высказывать свое мнение, идущее вразраз с учением «Свидетелей Иеговы», в результате чего у сектанта воспитывается замкнутость, неверие в свои силы, пренебрежение ко всему окружающему.

Отрицательно влияет сектантство на быт верующих, на семейные отношения и на воспитание детей. Нередки случаи семейного разлада. Так, вовлеченная в секту жительница г. Воркуты Вербулис разошлась с мужем из-за своих религиозных убеждений, грубо и бездушно стала обращаться со своими детьми, заставляя их переписывать иеговистскую литературу и распространять ее. Иеговизм предусматривает воспитание молодежи в религиозном духе. Журнал «Башня стражи» пишет: «Юноши сегодня будут мужчинами завтра. Качество и зрелость мужчин завтрашнего дня зависит от воспитания и обучения, которое получает юношество сегодня. Центром воспитания и обучения должен быть родительский дом, в котором христианские родители исполняют должность учителей. Зрелый учитель во христовом доме использует слово бога, библию, как руководящий учебник»[3].

Можно было бы привести немало примеров, как отрицательно сказывается следование таким заповедям на детях. Вот несколько из них. Газета «Искра» писала о детях сектантов Шипуновых — Вере и Люсе — ученицах одной из интинских школ, которые в результате воздействия родителей стали замкнутыми, забитыми, плохо учились, отказались вступить в пионерскую организацию. Такая же судьба постигла детей А. Левчук, Д. Царенко, Н. Скрипка и других[1]. Показательна также судьба Регины Барчук, которую увезла от матери, проживающей в Черновицкой области, старшая сестра Полина в г. Инту. Полина обещала матери, что она обеспечит сестру всем необходимым и выучит в школе. Но вместо учебы Полина и ее муж Волошановский — активный иеговист, заставили Регину переписывать иеговистскую литературу, сделали ее фанатичкой. Не трудно понять горе матери, когда она узнала, что ее дочь нигде не учится и не работает. В письме к прокурору Коми АССР она пишет: «Они ее морально калечат, прививая ей какие-то странные взгляды на жизнь и на ее обязанности»[2].

Значительное место в деятельности секты иеговистов занимает вербовка новых членов. Иеговистская система обязывает каждого члена вести активную пропаганду под девизом: «вера без дела — мертва». Все иеговисты должны вербовать в секту новых людей из числа «заблудших душ», любыми средствами проповедовать сектантские идеи, а для укрепления своих знаний посещать специальные собрания — «студии».

В вовлечении новых лиц в секту наибольшее внимание уделяется индивидуальной работе над намеченными жертвами путем «навещаний от дому до дому». Методика этих «навещаний» в иеговистских «инструкциях» разработана довольно подробно, и проповедники руководствуются ими при проведении индивидуальной работы. В Инте в 1955 г. был задержан проповедник иеговизма В. Сухоцкас, при нем оказались библия, блокнот с конспектами бесед и тетрадь, где была изложена подробная инструкция, как и что проповедовать при посещении квартир, выписанная из журнала «Башня стражи»[3].

В инструкциях, например, рекомендуется, как именно следует войти в дом (поздороваться, улыбнуться, приласкать детей, похвалить хозяина и т. д.) и лишь потом начать разговр, но и то с более общих вопросов, интересных для человека (бытовых проблем и т. д.), затем рассказать о некоторых будто бы сбывшихся библейских пророчествах и от них перейти к прямой агитации за свою секту. Причем обход квартир предполагается совершать по заранее продуманному плану. Бывший иеговист Н. Т. Поляков, ныне проживающий в Сумской области, в статье «Почему я порвал с сектой иеговистов», опубликованной в газете «Искра», писал о своей прошлой деятельности в поселке Кожим Интинского района в составе группы, которую возглавлял Н. Оксенюк: «Вся территория (поселка — Ю. Г.) была разбита на районы, каждый обязан посетить все кварти-

---

[1] Газета «Ухта» (Орган Ухтинского ГК КПСС и городского Совета депутатов трудящихся г. Ухты), 2 февраля 1960 года.
[2] Газета «Заполярье» (Орган Воркутинского Совета депутатов трудящихся г. Воркуты), 4 апреля 1960 года.
[3] «Башня стражи». Юношество Нового Мира. стр. 1.

[1] Материалы экспедиции.
[2] А. Рекемчук. Двойное дно. Сыктывкар, 1958, стр. 19—26.
[3] Партийный архив Коми обкома КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 64, л. 112.

ры и провести беседы о своей вере. Большинство советских людей с отвращением смотрело на нас и давало решительный отпор нашему вторжению в их жизнь. Но когда нам встречались люди отсталые, слабовольные или с надломленным психическим состоянием, мы прилагали все меры, чтобы опутать их сетями религиозного дурмана. Так без труда мне удалось вовлечь в секту «Свидетелей Иеговы» Зорину Евдокию, которая до этого была ревностной православной верующей. Я часто посещал ее, проводил беседы, запугивал ее страшным судом Иеговы, давал ей читать свои рукописи, и она поддалась моему влиянию»[1].

Для иеговистов характерна также крайняя назойливость. Привязавшись к намеченной жертве, вербовщик не отступит до тех пор, пока будет чувствовать какую-то надежду добиться своего. Бывшая сектантка Коненкова рассказывала, что «святым делом считалось вовлечь в секту новых людей. И в этом деле я очень старалась, каждую женщину чуть ли не за юбку ловила, звала к нам. Да так, случалось, прицеплюсь, словно смола, пока женщина не согласится».

Иеговистские главари заранее выясняют, как можно подойти к тому или иному человеку, ищут отрицательные стороны личных качеств намеченных лиц, выявляют случайные жизненные неполадки и бытовые неприятности и все это используют для вовлечения людей в секту. Так, активный иеговист А. Казак, по рассказу В. Мухина, «для своих религиозных проповедей выбирал слабохарактерных людей с небольшим образованием и новичков, только что пришедших на производство. Характерно, что если Казаку не дашь отпора в его религиозных проповедях, то он будет разговаривать о божественных делах несколько часов подряд без устали...». Казак проводил вербовочную работу среди заранее проверенных им лиц, которые, по его мнению, могли поддаться на агитацию. Он вербовал их по месту жительства или по совместной работе.

В г. Воркуте Л. Мамыкина была втянута в секту иеговистами, которые воспользовались несчастьем в ее личной жизни (в результате трагической случайности погиб ее муж). Вполне естественно, потеряв мужа, имея на руках двоих детей, женщина сильно переживала. Это обстоятельство использовал М. Шипунов, который вместе с другими утешителями внушил ей, что ее наказал господь за грехи и если она не обратится к богу, то это не последнее наказание. Настойчивая работа с Мамыкиной дала свои плоды. Из активной жизнерадостной общественницы Мамыкина превратилась в угрюмого фанатичного человека. Впоследствии уже будучи ревностной сектанткой, она выехала в Ульяновск для организации там сектантской работы[2].

[1] Газета «Искра», 16 августа 1959 года.
[2] Газета «Заполярье», 4 апреля 1962 года.

В целях вовлечения новых членов иеговисты не брезгуют ничем, вплоть до грубого насилия и шантажа. «Книга наущений», которой иеговисты пользуются в своей повседневной деятельности, предписывает использовать подкуп, насильственное вовлечение, играя на материальных затруднениях, моральных потрясениях людей. Иеговист Ю. Уставльтас, пользуясь жилищными трудностями в городе Инте, поселял людей к себе на квартиру и воспитывал их в иеговистском духе, а если его проповеди не достигали цели, то выселял и на их место приглашал другую семью[1]. Руководитель группы иеговистов Ф. Ганзюк из с. Усть-Вои, воспользовался трудным материальным положением соседей Перевезенцевых, стал давать им мелкие подачки, а впоследствии, завоевав их доверие, втянул в секту[2]. Жительница пос. Железнодорожный О. Митько для вовлечения новых лиц «навещала» больницу и там среди больных старалась распространить свое учение. Так, она вовлекла в секту больную Сажину. Используя семейные неурядицы, Митько вовлекла в секту мать и дочь Корниенко[3].

Иногда сектантские вожаки прибегают к прямому обману. Казначей войвожской группы иеговистов (Ухтинский район) некий В. И. Носков объявил колеблющимся, что он нашел прямое доказательство существования Ноева ковчега. «Американцы обнаружили на горе Арарат, а журнал «Огонек» поместил его фотографию» — говорил он. Малограмотные люди верили ему и вступали в секту, хотя в «Огоньке» была помещена репродукция с картины неизвестного художника на библейский сюжет[4]. Некоторые из проповедников, проживающие в Инте, заявляли гражданам, в квартиры которых они приходили, что их для агитации направил горком КПСС[5].

Проводя антисоветскую деятельность, одурманивая рядовых членов секты буржуазной идеологией, главари иеговистов по сути дела выступают в роли пособников международного капитала в борьбе со всем передовым и прогрессивным в мире, с демократией и социализмом. Выступая на Всесоюзном совещании по вопросам идеологии, секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев отмечал: «Особенно нетерпима деятельность различного рода сект, носящих изуверский и антигосударственный характер (пятидесятники, иеговисты, «Истинноправославные христиане» и другие). Их деятельность приносит большой вред нашему государству, нередко физически калечит людей, а иногда носит открыто антисоветский характер[6].

[1] Газета «Искра», 2 октября 1959 года.
[2] Материалы экспедиции.
[3] Газета «Ленинское знамя», 27 февраля 1962 года.
[4] Газета «Красное знамя», 20 октября 1959 года.
[5] Партийный архив Коми обкома КПСС, ф. 1, оп. 6., ед. хр. 64., л. 112.
[6] Сб. XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. М., 1962, стр. 47.

Секта «Свидетелей Иеговы» в Коми АССР, как мы видели, имеет сравнительно небольшое распространение, но вред, который она наносит советским людям, нельзя недооценивать. Вот почему требовалось активное включение в массово-политическую работу по разоблачению деятельности иеговистов партийных, комсомольских, общественных организаций и привлечение широкой общественности.

Значительную пользу приносит индивидуальная работа с верующими. Комсомольцы-атеисты шахты «Капитальная» в г. Воркуте во главе с членом комитета ВЛКСМ Ю. Григорьевым посещали верующих, разъясняли вздорность религиозных верований, рассказывали об истинной роли, которую играет секта «Свидетелей Иеговы», в результате чего удалось оторвать от секты несколько человек. В 1961 г. в Воркуте при городском клубе атеистов создана специальная секция по индивидуальной работе с верующими, куда вошло также несколько человек, отошедших от иеговизма. Эта секция с помощью комсомольских и других общественных организаций проводит разъяснительную работу среди верующих. Так, членам секции и агитаторам-атеистам удалось раскрыть группу иеговистов на шахте 9/10. Им удалось разоблачить преступную деятельность двух активных иеговистов, вследствие чего часть иеговистов отошла от секты и группа распалась. В борьбу с антисоветской деятельностью сектантов вовлечена общественность. В 1961 г., например, пионер, ученик 5 класса школы № 8 Вова Западловский, помог обнаружить тайник запрещенной антисоветской литературы, распространением которой занимались «Свидетели» А. Казак и его единоверцы. В с. Усть-Вое общественность во многом способствовала отходу от веры сына руководителя секты Ф. Ганзюка — Ивана. Комсомольцы втянули его в художественную самодеятельность, в общественную жизнь поселка, помогли получить отдельную от отца квартиру[1].

Учителя школ Воркуты ведут индивидуальную работу не только с детьми иеговистов, но и с родителями, что также приносит немалый эффект. Учительница средней школы № 1 Н. Лаврентьева писала в газете «Заполярье»: «Немалые изменения произошли не только в сознании детей, но и родителей иеговистов. Многие из них в первое время чуждались школы, неохотно беседовали с учителями. Теперь они не только посещают школу и родительские собрания, но и выступают на них, что не могло не сказаться на мировоззрении их детей. Давно отошли от секты иеговистов учащиеся Дина К., Евгений К., Александр Д. и другие»[2].

В разоблачении деятельности иеговистов и в отходе рядовых членов от секты немаловажное значение имеют и массовые

[1] Материалы экспедиции.
[2] Газета «Заполярье», 6 февраля 1960 года.

мероприятия: лекции, устные журналы, тематические вечера, проводимые группами общества по распространению политических и научных знаний. В г. Воркуте пользовались успехом вечера, на которых читались лекции, выступали бывшие иеговисты. Они разоблачали деятельность сектантов и рассказывали о своих заблуждениях в прошлом. И верующие, и неверующие получали ответы на интересующие их вопросы. В заключение демонстрировались научно-атеистические фильмы. Хорошо был организован такой вечер на шахте № 4. С рассказами о своих заблуждениях выступили бывшие иеговисты — рабочие шахты № 2 М. Заворотный, шахты № 40 Дина Коробкова и др[1].

Значительное влияние на изменение мировоззрения иеговистов оказывает радио, периодическая печать, научно-атеистическая литература. Е. Кривчук (в прошлом иеговист) увлекся чтением «Библии для верующих и неверующих», статьями Дарвина, стал выписывать центральные и местные газеты, журнал «Наука и жизнь», что не могло не подорвать у него веру в бога. Выступая в газете «Заполярье» со статьей «Нам не по пути с сектантами», он сообщил: «Я стал читать научно-атеистическую литературу и пришел к выводу, что любая религия, в какой бы форме она не была, является для общества вредным, фантастическим вымыслом, приносящим только вред. В настоящее время я полностью порвал со всякой религией и стал на путь, который ведет советских людей к счастливому будущему»[2].

Районные и республиканские газеты в последние годы опубликовали значительное количество статей, разоблачающих религиозные верования и осуждающих деятельность сектантства. На страницах интинской газеты «Искра» за три года (1958—1960 гг.) было опубликовано 64 статьи на научно-атеистические и естественно-научные темы. 11 из них непосредственно разоблачали деятельность иеговистов в районе. Помещались статьи порвавших с иеговизмом. Вышедший в 1959 г. из секты И. Епуре, шахтер комбината «Интауголь», в газете «Искра» в феврале 1960 г. писал: «Тяжело и неприятно признаваться, что лучшие годы моей жизни прошли пусто и нелепо. Это были годы юности, когда каждый прокладывает дорогу в будущее и смело заглядывает в небо. Для меня это было мрачное время религиозного пленения.... Теперь я учусь в школе рабочей молодежи, работаю на шахте и чувствую себя свободным от гнета прошлого»[3].

В 1961—1962 гг. газета «Ухта» поместила 45 статей на естественно-научную и атеистическую тематику. В 1962 г. со статьями, осуждающими иеговизм, три раза выступала газета Железнодорожного района «Ленинский путь».

[1] Газета «Заполярье», 28 мая 1960 года.
[2] Газета «Заполярье», 27 февраля 1959 года.
[3] Газета «Искра», 14 февраля 1960 года.

В тех случаях, когда главари иеговистских групп не прекращали своей антисоветской работы, не считались с требованиями общественности, они представали перед народным судом, держали прямой ответ перед трудящимися за свои черные антипатриотические дела. Свое нетерпимое отношение к иеговизму трудящиеся республики не раз выражали на собраниях общественности. Такие собрания прошли в ряде коллективов предприятий комбината «Интауголь». Выступавшие клеймили позором антисоветскую деятельность главарей секты. Ряд сектантов на этих собраниях отказывался от участия в деятельности секты и даже от ее вероучения. На собрании о выходе из секты заявил М. Разумов, поскольку иеговисты «служат врагам мира». Такое же собрание состоялось в феврале 1962 г. в мебельном цехе промкомбината пос. Железнодорожный. Присутствовавшие на собрании осудили участие в секте рабочих цеха Г. Корниенко и А. Чучкова. С возмущением говорили рабочие об иеговистской идеологии, о том, что иеговисты по сути являются прислужниками иностранного капитала; были вскрыты факты, когда Г. Корниенко под предлогом катания на санках водила дочь соседа к вожаку секты Митько слушать библию, и т. д. На собрании все были взволнованы рассказами Н. Черепанова и Л. Краузе о том, как они порвали с сектой иеговистов[1].

В результате плодотворной научно-атеистической пропаганды и широкого привлечения общественности атеистам удалось оторвать от секты иеговистов значительную группу верующих, вызвать брожение и раскол в этой организации. Только в 1961—62 гг. в Воркуте, Инте и Печорском районе от секты отошло 17 человек. Причем отходит главным образом молодежь. Это объясняется меньшей приверженностью молодежи к религиозному фанатизму, большей занятостью работой на производстве, где они находятся под влиянием коллектива. Большинство отошедших имеет среднее и семилетнее образование, им значительно легче было уяснить нелепость религиозного вероучения, понять несостоятельность библейских легенд и распознать истинное содержание иеговизма[2].

Однако еще не все верующие поняли, что организация «Свидетелей Иеговы» имеет реакционный характер, чуждый интересам нашего советского государства. Этим «добросовестно заблуждающимся людям» общественные организации, коллективы предприятий и учреждений, где они работают, должны помочь разобраться в истинном характере секты.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда считала своим долгом неустанную борьбу против религиозных предрассудков, которые сковывают инициативу трудящихся, отравляют их сознание религиозным дурманом. Хорошо налаженная научно-атеистическая пропаганда, исключающая какое-либо оскорбление религиозных чувств людей, и привлечение верующих к активной общественно-политической деятельности дают возможность оторвать их от религии. В борьбе с иеговизмом особое значение приобретает индивидуальная задушевная товарищеская беседа с верующими, разоблачение не только религиозной идеологии, но и политической направленности сект.

Наша советская общественность не может и не должна оставаться в стороне, когда религия унижает достоинство советского человека и мешает нашему движению вперед.

---

[1] Газета «Ленинское знамя», 27 февраля 1962 года.

[2] Материалы экспедиции.

В. И. КАНИВЕЦ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВЛАДИМИРА РУСАНОВА

Русский путешественник В. А. Русанов широко известен как исследователь западной части Арктики[1]. Его яркая жизнь, трагически закончившаяся около 1914 г. у берегов Таймыра, давно уже привлекает внимание историков Севера. Однако лишь немногие знают, что В. А. Русанов, человек разносторонних научных интересов, занимался также изучением северных древностей и во время своих экспедиционных поездок по Печорскому краю в 1902—1903 гг. собирал археологический материал. Сборы В. А. Русанова, остававшиеся до сих пор вне поля зрения археологов, несомненно, заслуживают внимания.

В начале 900-х годов В. А. Русанов жил в Усть-Сысольске (нынешнем Сыктывкаре), куда был сослан за участие в революционном движении. Работая статистиком в уездной земской управе, он имел возможность летом совершать поездки по Усть-Сысольскому и Печорскому уездам. Первый маршрут (1902 г.) проходил от с. Помоздино по Чери Вычегодской, затем, минуя волок, по Чери Ижемской до реки Ухты, оттуда — в обратном направлении по р. Седью и через волок по р. Воль, впадающей в Вычегду в районе Помоздино. В одном из писем на родину из Помоздино Русанов писал: «Предстоящее путешествие будет венцом всего; я его желаю и радуюсь, что наконец-то осуществляется добрая доля того, о чем я едва смел мечтать»[2]. В поездке принял участие политический ссыльный А. А. Богданов (Малиновский), ставший впоследствии известным общественным деятелем, философом и экономистом.

В августе 1902 г. В. А. Русанов обследовал большую пещеру, расположенную на берегу реки Седью, выше переката Из-кось, приблизительно в 25 км от ее устья. Во входном гроте были найдены кремневые наконечники стрел и другие предметы. К сожалению, почти ничего неизвестно об условиях находки. Лишь в инвентарной книге прежнего музея Вологодского Общества изучения Северного края сохранилась краткая запись — «раскопки Русанова 11 августа 1902 г.»

Эта местность осмотрена нами в 1960 г. Пещера находится на левом берегу реки, выше поселка Седью (Ухтинский район), примерно в 400 м к юго-западу от крайних домов и от дороги Ухта — Троицко-Печорск. Пещера образовалась в серых известняках верхнедевонского возраста (франский ярус), выступающих здесь в виде крутых скал высотой до 40 м.

Передняя часть пещеры с гротом была уничтожена в 1955 г. при добыче известняка в карьере. Огромная осыпь закрывает теперь доступ во внутренние ходы. По словам местных жителей, пещера тянулась в глубь известняковой толщи примерно на 500 м, образуя две системы ходов. Имеются сведения, что тыловая часть внутренних ходов сообщалась с дневной поверхностью. Грот, открывавшийся на юго-восток, имел довольно значительные размеры, во всяком случае, в пещеру можно было входить в полный рост. По всем данным, Седьюская пещера была одной из наиболее крупных на европейском Северо-Востоке. Размерами с ней может соперничать лишь Медвежья пещера в верховьях Печоры.

Небольшая коллекция находок из Седьюской пещеры, собранная В. А. Русановым, хранилась в музее Вологодского Общества изучения Северного края, а затем была передана в Вологодский областной музей[1]. Эти находки кратко упомянуты в обзоре вычегодских древностей, составленном Д. Д. Рудневым[2].

В музейных коллекциях материал из Седью смешан с находками Русанова из Аранца на Печоре, но комплексы можно разделить благодаря наличию старых инвентарных описей. Достоверно известно, что на Седью найдены четыре кремневых наконечника стрел, отщеп полупрозрачного серого кремня, обломок кости со следами срезывания и два зуба животного. В коллекции имеется три наконечника из цветного непрозрачного кремня: первый — поврежденный, так называемой ланцетовидной формы, массивный, светло-серой окраски (рис. I, 1), второй — также поврежденный, треугольный, плоский, светло-желтый (рис. I, 2) и третий — незаконченный, плоский, коричневатой окраски (рис. I, 3). Наконечники ретушированы по всей поверхности с обеих сторон.

---

[1] В. А. Русанов. Статьи, лекции и письма. Издательство Главсевморпути. М.—Л., 1945; В. М. Пасецкий. Владимир Русанов, М., 1955 и др.

[2] В. А. Русанов. Статьи, лекции и письма, стр. 16.

[1] Вологодский областной краеведческий музей, коллекция № 9885.

[2] Д. Руднев. О стоянках доисторического человека на р. Вычегде. Северный край, кн. 1, Вологда, 1922, стр. 24.

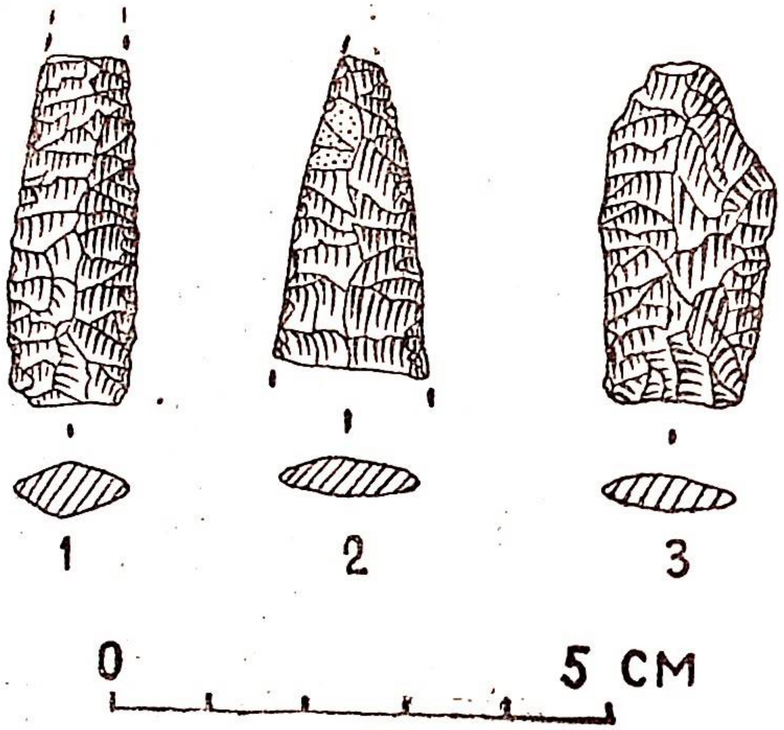


Рис. I. Кремневые наконечники стрел из Седьюской пещеры.

В статье Д. Д. Руднева и в старой инвентарной описи музея Вологодского Общества изучения Северного края упоминается еще один кремневый наконечник стрелы хорошей сохранности. В описи также говорится о каком-то железном наконечнике копья. Оба эти предмета в коллекции отсутствуют.

Кремневые наконечники стрел из Седьюской пещеры принадлежат к типам вооружения, широко распространенным в Восточной Европе в позднем бронзовом веке и самом начале раннего железного века (вторая половина II тысячелетия и первые века I тысячелетия до н. э.). Ограниченный материал не позволяет более точно датировать находки. Упоминание в описи о железном наконечнике копья, возможно, объясняется ошибкой ее составителей, но не исключена возможность, что в культурном слое пещеры имелись и сравнительно поздние комплексы.

Открытая В. А. Русановым Седьюская пещера — первый археологический пещерный памятник Тимана. Естественно, что определенные выводы о характере этого памятника будут несколько рискованными, т. к. в нашем распоряжении слишком мало данных. И все же нельзя не обратить внимания на сходство Седьюской пещеры с пещерными жертвенными местами Печорского Урала[1]. В Канинской и Уньинской пещерах одна из основных категорий вещественного инвентаря — наконечники стрел (в слое бронзового века преимущественно кремневые). Археологические и этнографические данные свидетельствуют о

[1] В. И. Канивец. Археологическое изучение Печорского Приуралья. Вопросы археологии Урала, вып. I, Свердловск, 1961, стр. 96—97, рис. 12.

том, что в прошлом на Урале существовал обычай приносить стрелы в качестве дара духам. Проплывая по реке, охотники и рыболовы посылали стрелы в почитаемую пещеру, посвященную какому-либо местному или родовому духу. Таким жертвенным местом, возможно, и являлась Седьюская пещера.

В 1903 г. В. А. Русанов совершил второй маршрут по Северному Приуралью, на этот раз по Печоре. От с. Троицко-Печорск путешественник проехал до устья реки Безволосной (Тыбью), поднялся по этой речке к ее истокам, обследовал водораздел с р. Березовкой и затем возвратился к исходному пункту экспедиции. Позднее Русанов совершил большую поездку в низовья Печоры до Северного Ледовитого океана.

В окрестностях с. Аранец (Печорский р-н) В. А. Русанов осмотрел так называемые «чудские ямы» и произвел небольшие раскопки. Есть все основания полагать, что В. А. Русанов обнаружил там могильник. Разнообразные вещи, найденные в «чудских ямах», очевидно, составляли инвентарь одного-двух погребений. Аранецкие находки, подобно коллекции с Седью, были переданы в музей Вологодского Общества изучения Северного края, а оттуда в Вологодский краеведческий музей[1].

Русановская коллекция из Аранца, согласно инвентарной описи, состояла из многих (не менее 17) бронзовых украшений, двух каменных бусин, обломка железного ножа и 4 черепков. Наибольший интерес представляет пара неодинаковых полых бронзовых фигурок водоплавающей птицы с шумящими подвесками (рис. II, 1, 12). Обе фигурки имеют на голове и шейке гребень с отверстиями (на одной дополнительно боковые ушки). В основании и хвостовой части есть кольца, к которым прикреплены цепочки, заканчивающиеся в одном случае прорезным бубенчиком, а в другом — колечком. В спинке одной из фигурок оставлено отверстие для подвешивания. Фигурки украшены выпуклым геометрическим орнаментом, имеющим в каждом случае свой особый рисунок. Судя по находкам в погребениях более западных районов лесной полосы, подобные полые фигурки-амулеты в виде птицы — «уточки» подвешивались к одежде на шнурке, скрытом в спиральной трубочке из бронзовой ленты или проволоки.

Другими сохранившимися в коллекции предметами являются: одна конусовидная подвеска (рис. II, 4), два бронзовых бубенчика (целый и сломанный, рис. 11, 9, 10), две ф-образные пронизки с боковыми колечками (рис. II, 8, 11), три спиральные бронзовые трубочки из проволоки и узкой ленты, вероятно, являвшиеся частью украшений с птицевидными фигурками (рис. II, 5—7), и две каменных бусины (рис. II, 2, 3). В коллекции мы не находим упоминавшихся в описи фрагментов посуды, об-

[1] Вологодский областной краеведческий музей, колл. № 9884 и 9885.

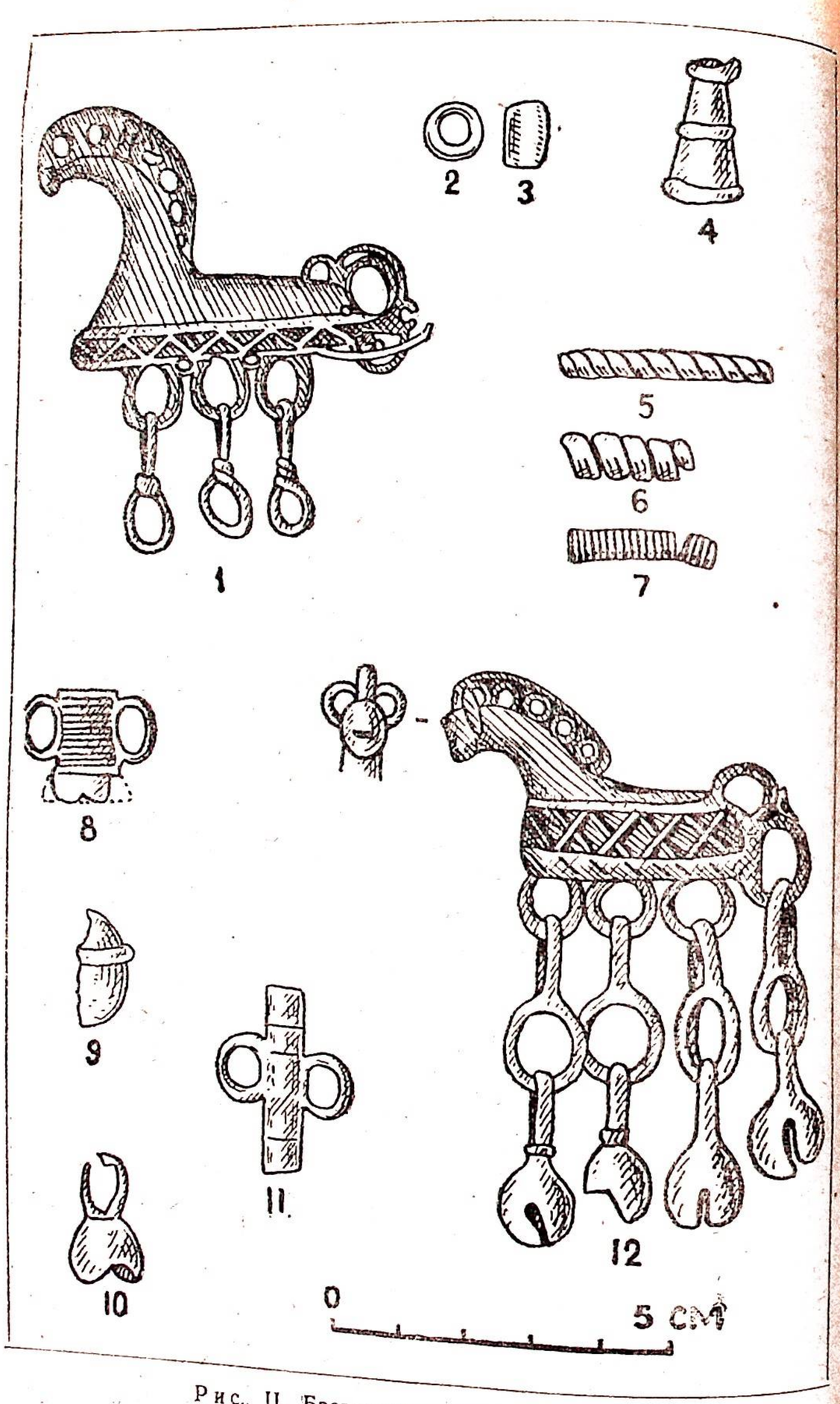


Рис. II. Бронзовые предметы из Аранца.

ломка железного ножа и вторых экземпляров некоторых парных украшений.

Бронзовые украшения из Аранца относятся к хорошо известным типам средневековых изделий лесной полосы Восточной Европы. Необычно, однако, что этот характерный комплекс оказался так далеко на Северо-Востоке, на широте, сравнительно близкой к Полярному кругу. Территориально ближайшие аналогии встречаются в средневековых могильниках Вымской земли. Все без исключения аранецкие вещи могли принадлежать коми, населявшим долину Выми в XII—XIV вв. Публикуемые нами полые фигурки птиц с шумящими привесками отличаются от вымских лишь некоторыми деталями оформления головы и гребня [1]. Очень близки к вымским украшениям и остальные предметы из Аранца — конусовидные подвески [2], ф-образные пронизки [3] и такие нетипичные вещи, как спиральные пронизки и бубенчики.

Некоторые аналогии, уводящие далеко на юг и на запад, показывают, что эти украшения были не местным явлением, а принадлежали обширному кругу материальной культуры народов восточно-финской языковой группы. Так, «шумящие подвески» в виде фигурок птиц, украшенных выпуклым зигзагообразным орнаментом и снабженных сверху кольцами для подвешивания, известны, помимо Вымского края, на правобережье верхнего Прикамья [4] и в Костромской области [5]. По мнению Е. М. Горюновой [6], костромское Поволжье могло быть центром, откуда подобные полые фигурки распространились как на запад, до Прибалтики, так и на восток, до Прикамья[7].

Хотя аранецкая коллекция, собранная В. А. Русановым, сравнительно невелика, а обстоятельства ее происхождения не вполне ясны, нельзя не оценить ее научной значимости. Перед нами — комплекс XII—XIV вв. типичного восточно-финского, очевидно, пермского облика, найденный на территории, с которой связано имя загадочного летописного народа «печера».

---

[1] А. С. Сидоров. Археологические памятники Коми АССР. Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества, вып. 2, Сыктывкар, 1954, рис. 9, фиг. 30.

[2] Э. А. Савельева. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края. Материалы по археологии европейского Северо-Востока, вып. 1, Сыктывкар, 1962, табл. VI, 15.

[3] А. С. Сидоров. Указ. соч. рис. 9, фиг. 8.

[4] J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. II. Helsingfors, 1877, № 700. А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. Материалы по археологии России, вып. 26, СПб, 1902, табл. VI, рис. 7.

[5] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. Материалы по археологии восточных губерний, т. III. М., 1899, табл. 3.

[6] Е. И. Горюнова. Этническая история волго-окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 94, М., 1961, рис. 94 фиг. 11.

[7] Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 244.

Около двухсот лет в исторической науке высказывались соображения об этнической принадлежности «печеры». Если А. Х. Лерберг[1] видел в этом народе ненцев-«самоедов», то позднее Н. П. Барсов[2], Е. К. Огородников[3] и известный советский историк С. В. Бахрушин[4] предполагали, что за этим этнонимом скрыта часть коми-зырянских племен. Наконец, Л. П. Лашук[5] высказал в осторожной форме догадку о палеоазиатском происхождении «печеры».

Разумеется, этот сложный и интереснейший вопрос истории Севера нельзя разрешить на скромном материале из Аранца. Однако сборы В. А. Русанова являются вехой, указывающей на сравнительно раннее распространение элементов культуры восточно-финских, очевидно, пермских племен на Печоре. Среди задач дальнейших археологических исследований на Средней Печоре должна быть разведка в окрестностях Аранца и продолжение раскопок, начатых В. А. Русановым более полувека тому назад.

---

[1] А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб, 1819, стр. 53.

[2] Н. П. Барсов. Очерк русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 49.

[3] Е. К. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей по Книге Большого Чертежа. СПб, 1875, стр. 30—37.

[4] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, стр. 3.

[5] Л. П. Лашук. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 52—64.

Г. М. БУРОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОГИЛЬНИКАХ XII—XIV ВВ. У С. ГАМ НА НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЕ

В окрестностях с. Гам Усть-Вымского района Коми АССР известны три археологических памятника, датирующиеся по новейшим данным в пределах XII—XIV вв[1]. Это — Карыбйывское городище и могильники Клянышласта и Джибьяг. Могильники раскапывались А. Н. Греном (1924 г.)[2], а через год первый из них был исследован экспедицией Главнауки под руководством А. П. Смирнова.[3] В 1959 г. здесь были проведены некоторые работы Вычегодским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР.

Могильник Клянышласта находится на левом берегу рукава Вычегды (местное название — «полой» или «курья»), на увалообразном останце боровой террасы, отстоящем от воды на 0,5 км, в урочище Клянышласта (рис. I). Могилы имеются на самом конце останца и в 60 м к юго-западу от него (рис. II). В первой группе — 25 ям, расположенных беспорядочно. Из них 14 разрыты А. Н. Греном: эти ямы глубже и имеют по краям вы-

---

[1] Э. А. Савельева. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, вып. 1. Сыктывкар, 1962.

[2] А. Н. Грен. Отчет научной экспедиции в Усть-Вымском районе 1924 г. Научный архив Коми республиканского краеведческого музея, инв. № 138.

[3] Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. (М. Е. Арсаковой, Е. М. Витвицкой, А. В. Дмитриевской, Е. Н. Липеровской, В. П. Левашевой, А. П. Смирнова). Записки общества изучения Коми края, вып. 1. Усть-Сысольск, 1928, стр. 5—28, А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28. М., 1952, стр. 207—208. Материалы экспедиции 1925 г. в приведенных работах публиковались без чертежей и рисунков вещей. Изображения вещей были изданы впоследствии. См. Э. А. Савельева. Указ. соч.

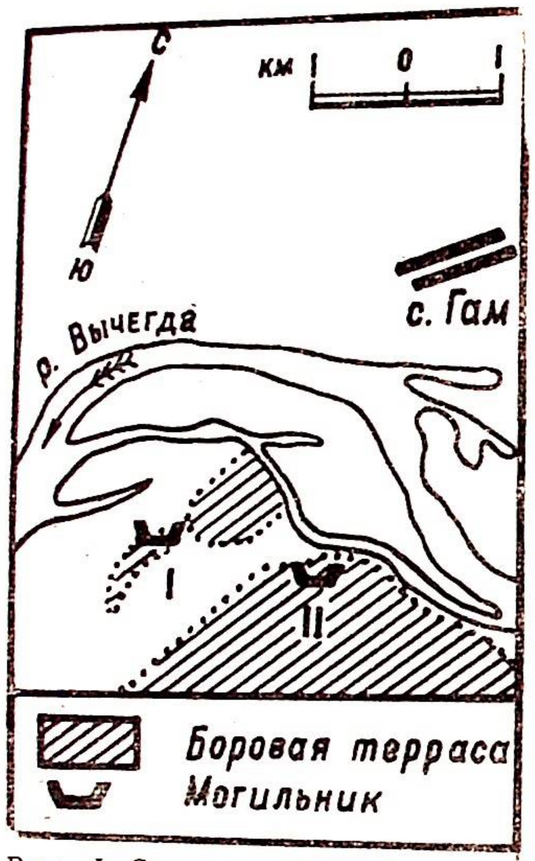


Рис. I. Схема расположения древних могильников у с. Гам
I — Клянышласта; II — Джибьяг.

кид[1]. Восемь могил второй группы исследованы большими шурфами, заложенными А. П. Смирновым[2].

Между двумя указанными группами находится еще одна небольшая группа, из шести ям, из которых четыре обособленные могилы были исследованы Вычегодским археологическим отрядом. Они расположены в ряд, ориентированный по длине островка, на расстоянии 4 м (в среднем) друг от друга. Наружные признаки могил — удлиненные впадины расплывчатого профиля. Каждая могила раскапывалась шурфом 2×2 м, который при необходимости расширялся.

Исследованные в 1959 г. могилы (рис. III) сходны с раскопанными в 1924 и 1925 гг. Три имеют прямоугольную форму, а могила № 4 — форму неправильного овала; стенки — вертикальные. Размеры колеблются от 1,8×0,75 м (могила № 1) до 1,4×0,5 м (№ 3), а могила № 4 еще короче (1,3 м), но шире, чем № 3. Глубина всех ям около 0,6 м от кровли ортштейного горизонта почвы. Ямы были заполнены белесоватым песком, содержавшим древесные угольки и кору, со следами действия огня, а в могиле № 1 обнаружены остатки обожженного сруба из горизонтально положенных плах или досок. Ориентация ям различна: СЗ-ЮВ (№№ 1 и 2), ЗЮЗ-ВСВ (№ 3), ЗСЗ-ВЮВ (№ 4). Инвентарь погребений беден. Найдены пять обломков лепной керамики (могила № 2, на 0,1 м выше дна) и бронзовая пронизка (на дне могилы № 1). Че-

[1] О раскопках А. Н. Грена в Клянышласте упоминается в вышеуказанной статье участников экспедиции Главнауки. В отчете же самого А. Н. Грена указывается, что раскопки велись на двух гамских могильниках — «Джибьяг» и «Белый Бор». Нет сомнений, что могильники «Клянышласта» и «Белый Бор», упоминаемые в работе Л. П. Лашука «Археологические древности народа коми» (см. Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1959, стр. 61) — один и тот же памятник. Это доказывается и тем, что местности с русским названием «Белый Бор» в районе с. Гам, по данным опроса местного населения, нет. Надо полагать, что такое наименование Клянышластскому могильнику дано самим А. Н. Греном; при этом он, по-видимому, взял во внимание расположение его на бору-беломошнике.

[2] Раскопки археологической экспедиции..., стр. 25.

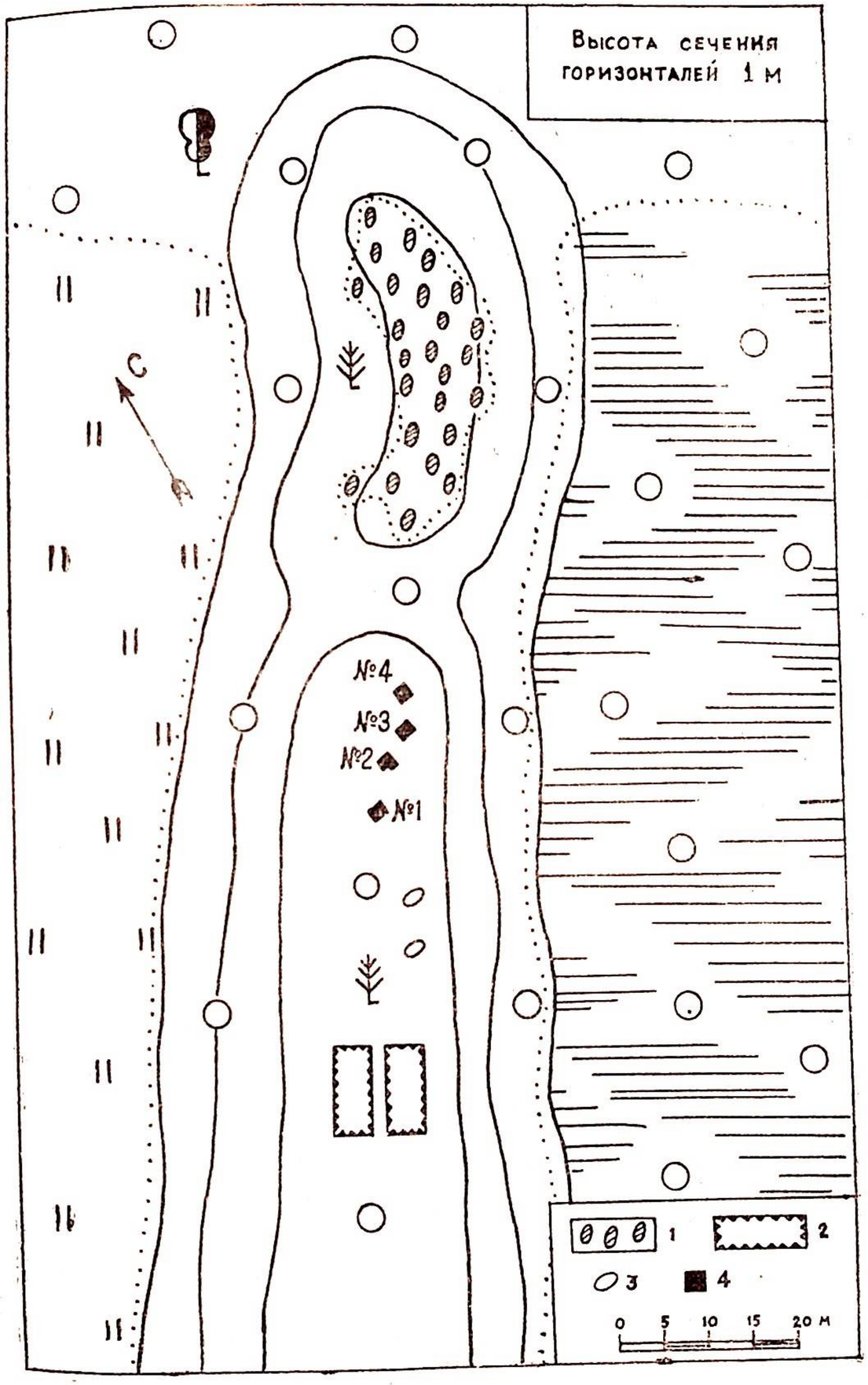


Рис. II. План могильника Клянышласта.
1 — ямы, раскопанные А. Н. Греном (особенности взаимного расположения могил не выдержаны); 2 — шурфы А. П. Смирнова; 3 — неисследованные могилы; 4 — шурфы 1959 г.

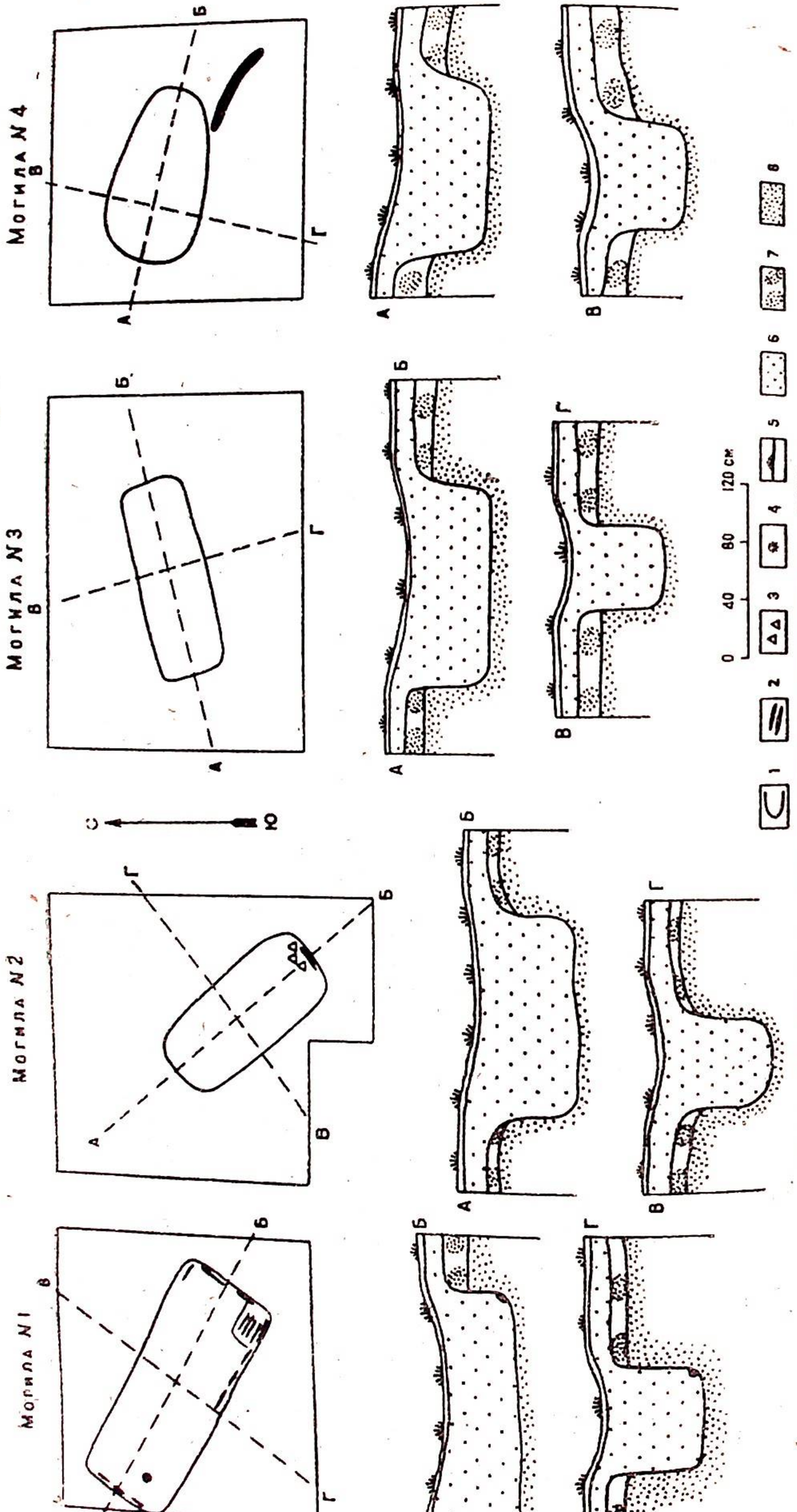


Рис. III. Планы и профили могил, исследованных в 1959 г.
1 — контуры могил; 2 — обожженное дерево; 3 — скопление керамики; 4 — бронзовая пронизка; 5 — гумусовый горизонт; 6 — белесоватый песок с древесным углем и обожженной корой; 7 — ортштейновый горизонт; 8 — материковый желтый песок.

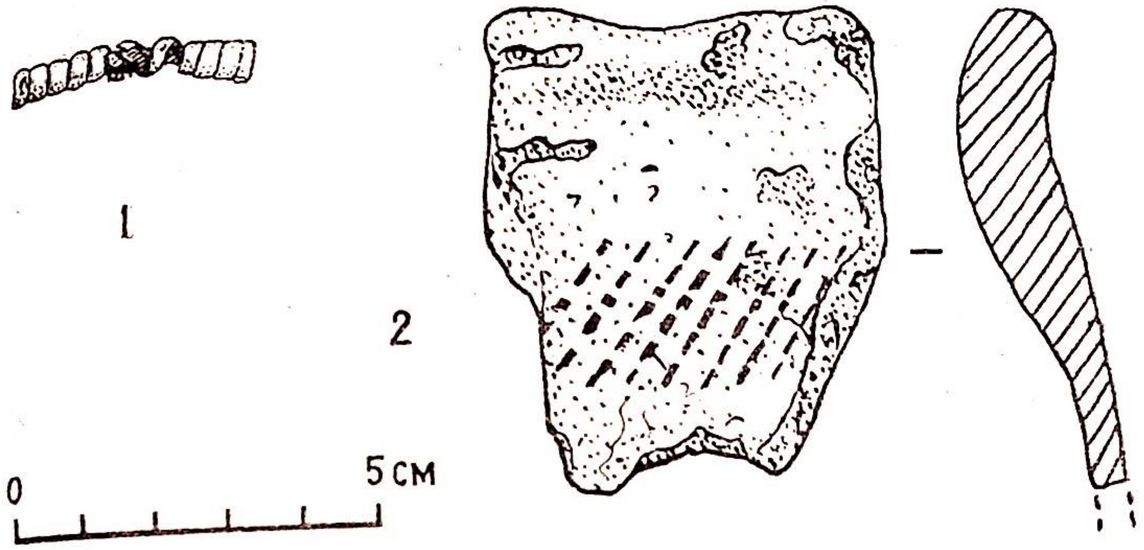


Рис. IV. Бронзовая пронизка из Кляныпласты (1) и обломок керамики из Джибьяга (2).

репки происходят, по-видимому, от одного сосуда с выраженными плечиками и шероховатой поверхностью; в тесте имелась примесь толченого кварца.

Пронизка (рис. IV, 1) представляет собой ленту шириной 0,25 см, свитую в спираль диаметром 0,4—0,5 см. Полость пронизки заполнена куском шнура из двух веревочек, каждая из которых, в свою очередь, изготовлена из двух более тонких веревочек, свитых из двух ниток. Аналогичные пронизки найдены А. П. Смирновым при раскопках в Кляныпласте (в могилах № 7 и № 8)[1], а также при исследовании вымского могильника Гидсайяг[2] и Карыбйывского городища[3].

Исследователи могильника Кляныпласта пришли к выводу, что его погребальным обрядом являлось трупосожжение и что кремация трупов производилась за пределами могил[4]. Бытование обряда трупосожжения доказывается находками в могилах пережженных человеческих костей. О сжигании трупов за пределами ям могут свидетельствовать небольшие размеры могил и незначительное количество в них углей, золы и кальцинированных костей.

Приведенную характеристику погребального обряда следует дополнить. Во-первых, в могилах разводился ритуальный огонь; на это указывает обугленность срубов, преимущественно с внутренней стороны. Во-вторых, не исключено, что иногда погребе-

---

[1] Раскопки археологической экспедиции..., стр. 27; Э. А. Савельева. Указ. соч., табл. VIII. фиг. 11.
[2] Раскопки археологической экспедиции..., стр. 21; Э. А. Савельева. Указ. соч, табл. VI, фиг. 5.
[3] Раскопки археологической экспедиции..., стр. 12; Э. А. Савельева. Указ. соч., табл. I, фиг. 8.
[4] Раскопки археологической экспедиции..., стр. 25—26.

ния производились по обряду трупоположения; имеются в виду могилы (в том числе исследованные в 1959 г.), в которых не обнаружены пережженные человеческие кости. В этих могилах нет костяков, но известно, что в песчаном грунте костяки могли не сохраниться.

Второй гамский могильник, Джибьяг, расположен в 2 км от первого, на боровой террасе (рис. I), занимая возвышение и участок у его подножья. В нижней части могильника встречены 28 спорадически расположенных ям, а в верхней — шесть. Все могилы первой группы, кроме двух-трех, и одна из второй были раскопаны. Некоторые ямы имеют большие размеры; по-видимому, каждая из них является остатком нескольких смежных могил, вскрытых общим шурфом. Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что приведенное А. Н. Греном число раскопанных им погребений (40) превышает количество ям, встреченных нами в Джибьяге.

В верхней части могильника, на поверхности, найден обожженный и деформированный — по-видимому, в результате воздействия огня — фрагмент глиняного сосуда. У сосуда был слегка отогнут наружу и утолщен венчик (рис. IV, 2). Орнамент представляет собой ряд косых оттисков зубчатого штампа под венчиком, напоминая узор на керамике из раскопок А. П. Смирнова на Карыбйывском городище[1].

Наличие близ современного с. Гам двух могильников и городища свидетельствует о том, что здесь продолжительное время обитали древние коми, которым вполне обоснованно приписываются данные памятники. Это тем более интересно, что разведка новых памятников XII—XIV вв. в долине Вычегды пока не увенчалась успехом; подобные скопления их, возможно, и не будут найдены.

О длительном пребывании коми-язычников в районе с. Гам говорит и другой источник, правда, недостаточно достоверный. Речь идет о книге, изданной в 1877 г. Ульяновским монастырем (на Вычегде)[2], в которой, по-видимому, использованы народные предания. В ней сообщается, что близ современного с. Гам, в чаще леса, находилась одна из главных языческих кумирниц.

Расположение двух могильников на близком расстоянии друг от друга позволяет говорить либо об их некоторой разновременности, которая не устанавливается по имеющемуся инвентарю, либо о принадлежности памятников различным родовым коллективам, обитавшим одновременно в одном районе.

---

[1] Э. А. Савельева. Указ. соч., табл. V, фиг. 1.

[2] Житие святого Стефана, просветителя и первого епископа Пермской страны. СПб, 1877, стр. 13—15.

Э. А. САВЕЛЬЕВА

ПЕРВЫЙ ВЕСЛЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Первый Веслянский могильник эпохи раннего средневековья был открыт автором настоящей статьи летом 1961 г. Памятник расположен на левом берегу Выми, в одном километре выше устья Весляны, на 13-метровой 1 надпойменной террасе метрах в 100 от берега реки (рис. 1). Терраса сложена песками и покрыта сосново-еловым лесом.

К юго-востоку от первого Веслянского могильника на той же боровой террасе расположен второй Веслянский могильник, датируемый XII-XIII вв. н. э.

Исследование могильника проводилось Вымским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР в течение двух полевых сезонов. В 1961 г. работы носили разведочный характер, были заложены четыре шурфа, на площади которых вскрыто пять погребений. В 1962 г. велись раскопки на площади 124 кв. м. Обнаружено девять ям, из которых могильными можно считать пять. Могилы не имеют четких внешних признаков. Кроме того, вскрыто два кострища, расположенные в западной и восточной частях раскопа. (рис. 2 и 3.)

Инвентарь был обнаружен только в четырех погребениях. Они расположены в одном ряду и ориентированы перпендикулярно к реке, т. е. с запада на восток с незначительными отклонениями.

Раскопки погребений были начаты с ям, расположенных на некотором возвышении. Они дали наиболее богатый инвентарь.

Погребение № 1. Ориентировано с запада на восток с незначительным отклонением к югу. Длина могильной ямы в верхней части — 1,76 м, в нижней — 1,60 м, ширина — 0,65—0,80, глубина 0,60 м. Могила имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Заполнение ее составляет песок, смешанный с угольками и золой. На дне прослеживаются остатки горелого одновенечного сруба. В юго-западном углу, на дне ямы под бронзовыми украшениями, обнаружена обожженная человеческая кость.

ния производились по обряду трупоположения; имеются в виду могилы (в том числе исследованные в 1959 г.), в которых не обнаружены пережженные человеческие кости. В этих могилах нет костяков, но известно, что в песчаном грунте костяки могли не сохраниться.

Второй гамский могильник, Джибьяг, расположен в 2 км от первого, на боровой террасе (рис. I), занимая возвышение и участок у его подножья. В нижней части могильника встречены 28 спорадически расположенных ям, а в верхней — шесть. Все могилы первой группы, кроме двух-трех, и одна из второй были раскопаны. Некоторые ямы имеют большие размеры; по-видимому, каждая из них является остатком нескольких смежных могил, вскрытых общим шурфом. Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что приведенное А. Н. Греном число раскопанных им погребений (40) превышает количество ям, встреченных нами в Джибьяге.

В верхней части могильника, на поверхности, найден обожженный и деформированный — по-видимому, в результате воздействия огня — фрагмент глиняного сосуда. У сосуда был слегка отогнут наружу и утолщен венчик (рис. IV, 2). Орнамент представляет собой ряд косых оттисков зубчатого штампа под венчиком, напоминая узор на керамике из раскопок А. П. Смирнова на Карыбйывском городище[1].

Наличие близ современного с. Гам двух могильников и городища свидетельствует о том, что здесь продолжительное время обитали древние коми, которым вполне обоснованно приписываются данные памятники. Это тем более интересно, что разведка новых памятников XII—XIV вв. в долине Вычегды пока не увенчалась успехом; подобные скопления их, возможно, и не будут найдены.

О длительном пребывании коми-язычников в районе с. Гам говорит и другой источник, правда, недостаточно достоверный. Речь идет о книге, изданной в 1877 г. Ульяновским монастырем (на Вычегде)[2], в которой, по-видимому, использованы народные предания. В ней сообщается, что близ современного с. Гам, в чаще леса, находилась одна из главных языческих кумирниц.

Расположение двух могильников на близком расстоянии друг от друга позволяет говорить либо об их некоторой разновременности, которая не устанавливается по имеющемуся инвентарю, либо о принадлежности памятников различным родовым коллективам, обитавшим одновременно в одном районе.

---

[1] Э. А. Савельева. Указ. соч., табл. V, фиг. 1.

[2] Житие святого Стефана, просветителя и первого епископа Пермской страны. СПб, 1877, стр. 13—15.

Э. А. САВЕЛЬЕВА

ПЕРВЫЙ ВЕСЛЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Первый Веслянский могильник эпохи раннего средневековья был открыт автором настоящей статьи летом 1961 г. Памятник расположен на левом берегу Выми, в одном километре выше устья Весляны, на 13-метровой I надпойменной террасе метрах в 100 от берега реки (рис. 1). Терраса сложена песками и покрыта сосново-еловым лесом.

К юго-востоку от первого Веслянского могильника на той же боровой террасе расположен второй Веслянский могильник, датируемый XII-XIII вв. н. э.

Исследование могильника проводилось Вымским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР в течение двух полевых сезонов. В 1961 г. работы носили разведочный характер, были заложены четыре шурфа, на площади которых вскрыто пять погребений. В 1962 г. велись раскопки на площади 124 кв. м. Обнаружено девять ям, из которых могильными можно считать пять. Могилы не имеют четких внешних признаков. Кроме того, вскрыто два кострища, расположенные в западной и восточной частях раскопа. (рис. 2 и 3.)

Инвентарь был обнаружен только в четырех погребениях. Они расположены в одном ряду и ориентированы перпендикулярно к реке, т. е. с запада на восток с незначительными отклонениями.

Раскопки погребений были начаты с ям, расположенных на некотором возвышении. Они дали наиболее богатый инвентарь.

Погребение № 1. Ориентировано с запада на восток с незначительным отклонением к югу. Длина могильной ямы в верхней части — 1,76 м, в нижней — 1,60 м, ширина — 0,65—0,80, глубина 0,60 м. Могила имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Заполнение ее составляет песок, смешанный с угольками и золой. На дне прослеживаются остатки горелого одновенечного сруба. В юго-западном углу, на дне ямы под бронзовыми украшениями, обнаружена обожженная человеческая кость.

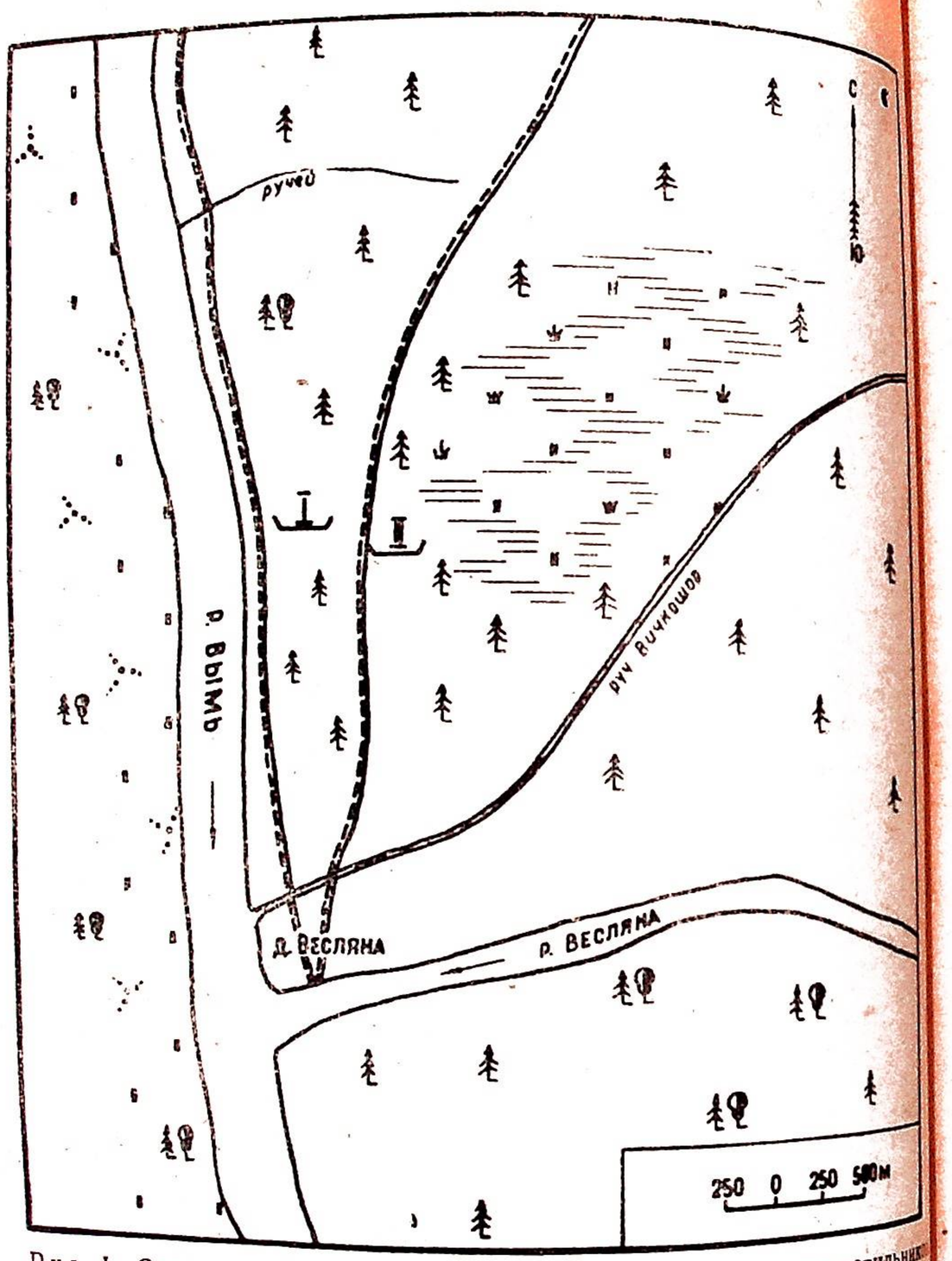


Рис. I. Схематический план расположения I и II Веслянских могильников.
I — первый Веслянский могильник. II — второй Веслянский могильник.

Вещи погребального инвентаря были сосредоточены в о... новном на дне могилы[1]. Они были расположены компактно... массой в ее юго-западном углу в вязком коричневом сло... Здесь найдены: бронзовая трубчатая пронизка-утка (рис. IV, 7... круглопроволочный браслет с несомкнутыми концами (рис. IV, ... 3) и эллипсоидное украшение с двумя ручками (рис. IV, 5... Последнее лежало на браслете. Оно представляет собой дву...

[1] В засыпке могильной ямы встречаются вещи из культурного с... стоянки раннего железного века, расположенной на площади могильни... кремневые наконечники стрел, скребки, фрагменты керамики (рис. V, 11, 1...

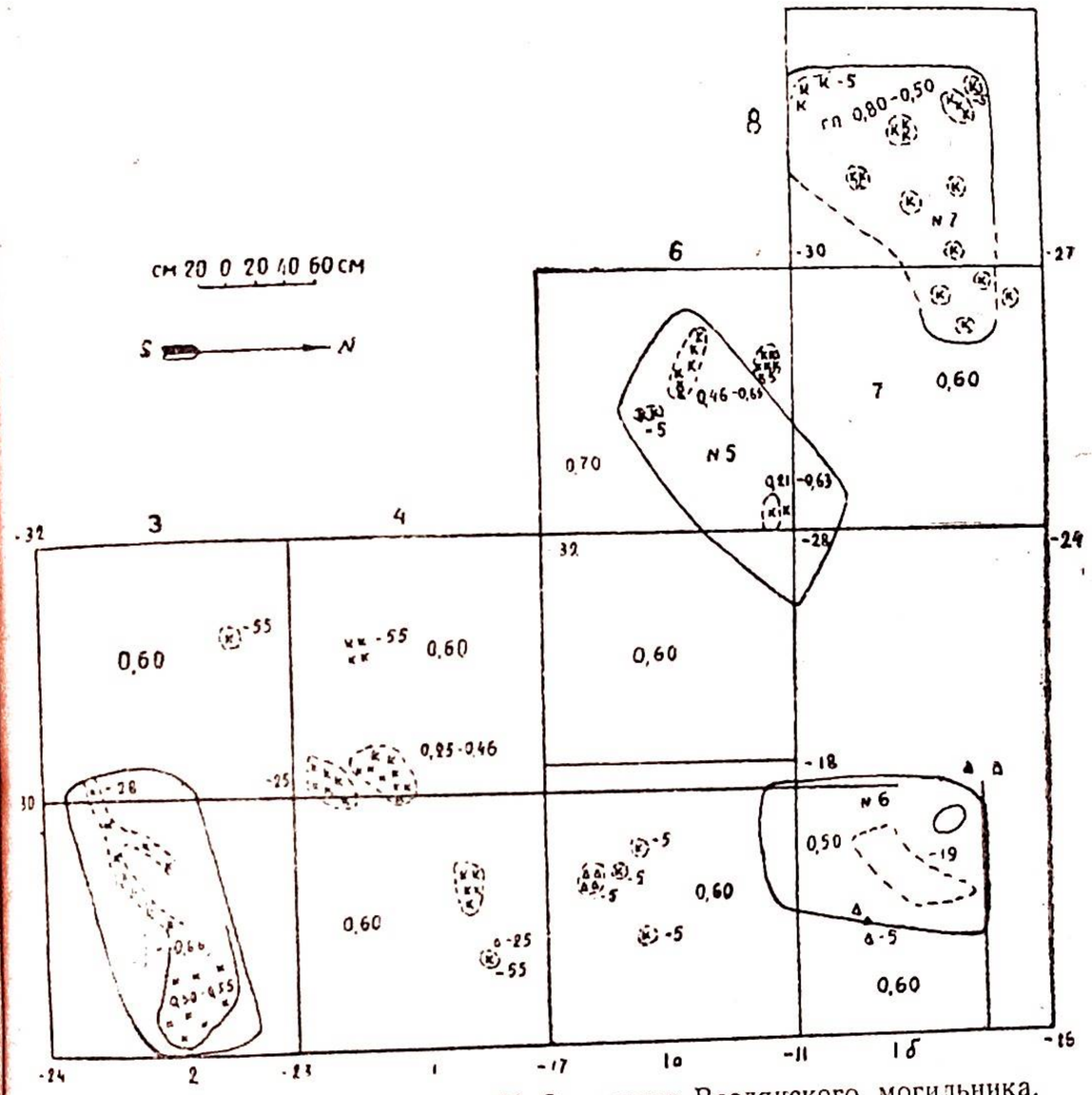


Рис. III. План раскопа № 2 первого Веслянского могильника.

стороннюю подвеску, каждая из половинок которой состоит из трех пластинок: серебряной, кожаной и медной. Верхняя, медная пластина орнаментирована концентрическими рядами выпуклин, создающих впечатление зерни. Пластинки с обеих сторон инкрустированы четырьмя стеклянными вставками: одной крупной и тремя мелкими. За исключением одного синего все стекла зеленого цвета. Только одно украшение — бронзовый пластинчатый браслет с несомкнутыми концами, орнаментированный по краям линейным узором,— найдено в северо-восточном углу могилы на глубине 0,43 м, т. е. несколько выше, чем все остальные вещи (рис. IV, 9). Кроме украшений, в могиле найдено несколько обломков железных предметов, в том числе ножа.

Погребение № 2. Расположено к северу от первого, параллельно ему. Могильная яма, длиной — 2,1 м, шириной — 0,9—1,1 м и глубиной 0,75 м от современной поверхности, имеет подпрямоугольную форму.

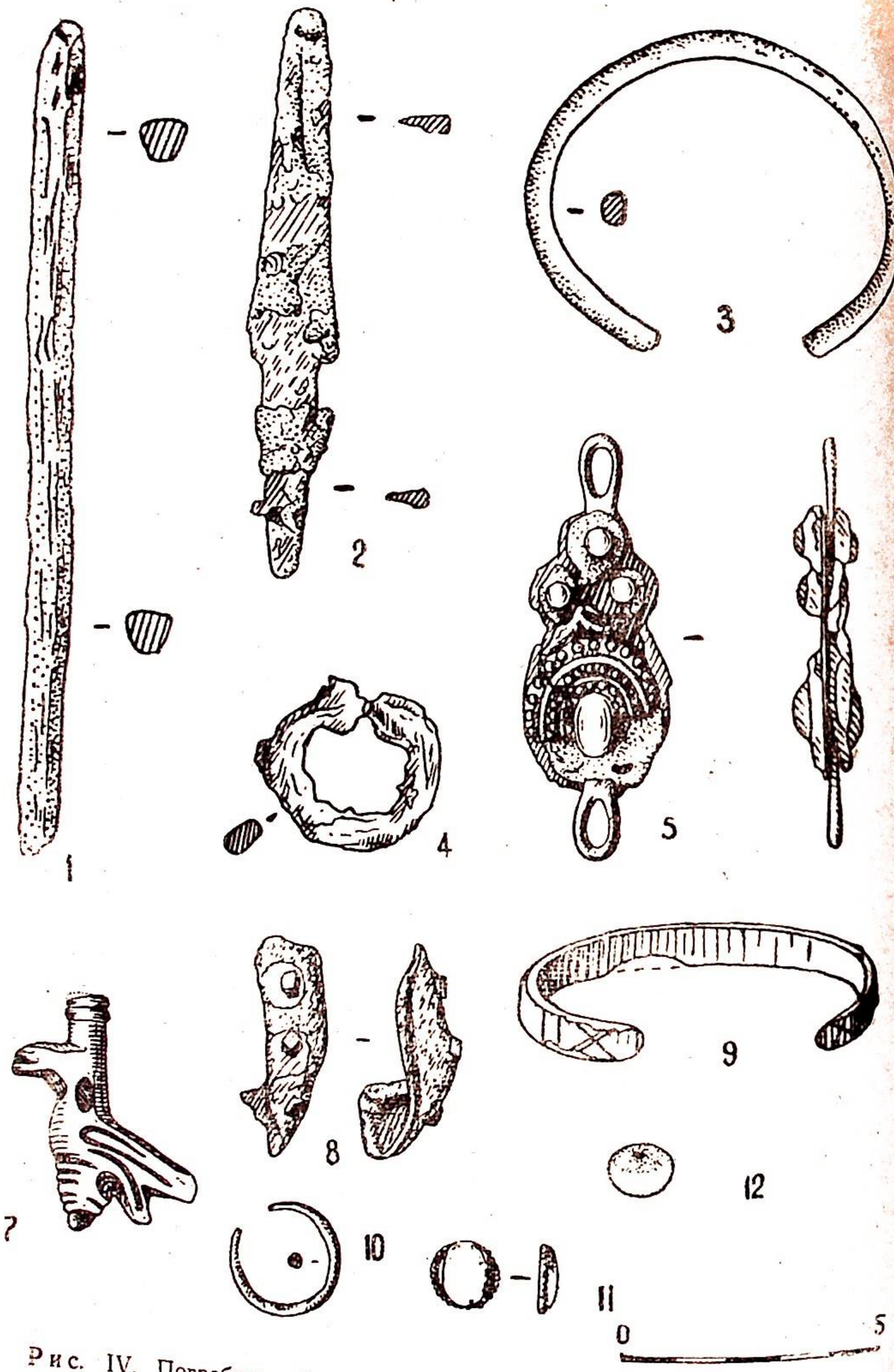


Рис. IV. Погребальный инвентарь первого Веслянского могильника.

В заполнении часто встречаются угольки (иногда довольно крупные), кусочки обожженного дерева и бересты. Вдоль восточной стенки могилы прослеживаются остатки горелого дерева, возможно, сруба. У западного края могилы на глубине 0,49 м, т. е. значительно выше дна, найден обломок черепной кости человека.

Вещи погребального инвентаря расположены беспорядочно. На одном уровне с черепной костью лежала металлическая (оловянная?) чушка (рис. IV, 1), севернее ее — круглая маленькая сердоликовая бусина (рис. IV, 12). Основная масса находок сосредоточена на уровне 0,65—0,70 м. Значительную часть их составляют тонкие серебряные пластинки, иногда косо срезанные по углам. Вероятно, они служили украшением одежды. В восточной части могилы найдено тонкое медное кольцо (рис. IV, 10). В центре могильной ямы лежал кусок кожаного ремня с отпечатками круглых бляшек (рис. IV, 8). Здесь же найден щиток от перстня (рис. IV, 11) с серебряной оправой, имитирующей плетение, и янтарной вставкой. К западу от него обнаружен кусок кожи с шерстью, на которой лежала масса серебряных пластинок.

Погребение № 3. Расположено к северу от предыдущего и параллельно ему. Оно ориентировано с востока на запад. Длина могильной ямы — 2,7 м, ширина — 1,2—1,34 м, глубина — 0,5 м. В восточном конце могила несколько расширяется к югу. У юго-восточного края выделяется небольшая ямка глубиной 0,91 м.

Заполнение ямы составляет песок, смешанный с угольками и золой. Изредка встречаются обожженные человеческие кости. Из наиболее крупных выделяется обожженная локтевая кость человека, лежавшая вместе с бронзовыми украшениями. Под костью — значительная концентрация углей.

В погребении обнаружен богатый поясной набор, состоящий из основной пряжки с язычком (язычок отломился) (рис. V, 8) и набивных плоских бляшек (рис. V, 1, 5, 6). На пряжках сохранились куски кожаного ремня (остатки пояса). Интересно, что круглые бляшки лежали перевернутыми на обратную сторону, т. е. кожей наверх.

В западной части могилы обнаружены остатки черного меха, украшенного тонкими серебряными пластинками. Под ними лежали мелкие горелые кости. Вероятно, это остатки одежды, украшенной серебряными пластинками, аналогично найденным в погребении № 2.

Погребение № 4. Расположено к северо-северо-востоку от погребения № 3 и ориентировано с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Длина могильной ямы 2,12 м, ширина 0, 8 м, глубина 0,41 м от дневной поверхности. Заполнение составляет песок, смешанный с углями и золой. Вдоль длинных стен могилы прослеживается коричневая полоса.

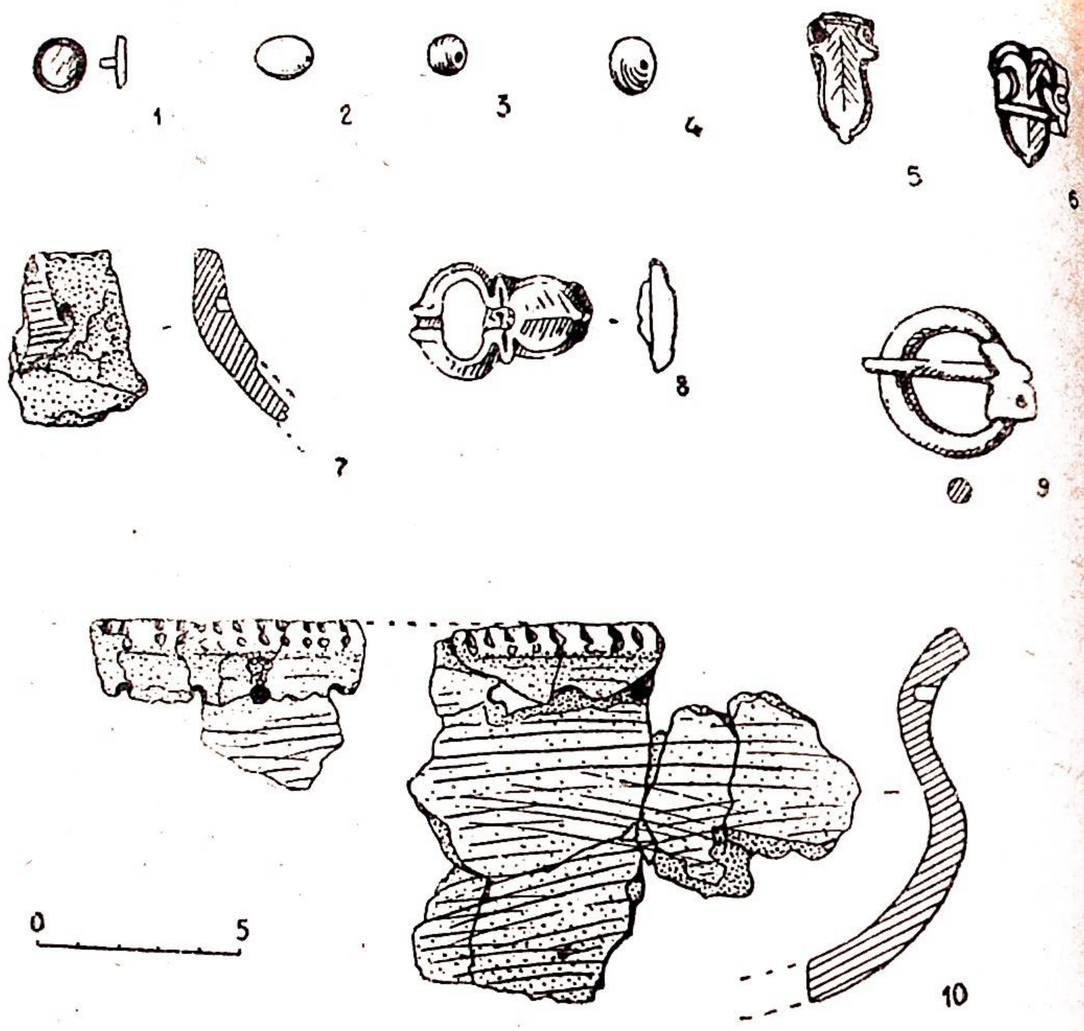


Рис. V. Погребальный инвентарь первого Веслянского могильника.

Находки сосредоточены в центральной части могилы. Здесь найдены: серебряная пластинка с кожаной накладкой, железный предмет, а также бронзовая поясная пряжка с кольцевидной основой и длинным изогнутым язычком (рис. V, 9).

* * *

Остальные ямы, раскопанные на площади могильника, не имеют погребального инвентаря. Одна из раскопанных ям

расположена в одном ряду с инвентарными погребениями. Она отличается от последних значительно меньшими размерами. Все остальные безынвентарные погребения расположены к западу от ряда раскопанных инвентарных погребений.

Они ориентированы тоже с запада на восток, но с более значительными отклонениями. Встречаются ямы с иной ориентацией (раскоп 2, кв. 1-б). По размерам они обычно меньше инвентарных: длиной 1,5 м и менее, шириной от 0,5 до 0,6 м, различной глубины.

Ямы заполнены смешанным песком с большей или меньшей концентрацией золы и углей. В части ям обнаружены мелкие обожженные косточки очень плохой сохранности. Иногда полуистлевшие кости встречались вне ям (раскоп 2, 1962 г., кв, 1, 4, 8, 1-а). Кости обычно обнаруживаются сразу под дерном и продолжают встречаться на глубине 0,4—0,5 м.

Кроме могильных ям, на могильнике раскопано несколько ям неясного назначения. Среди них особый интерес представляет яма, расположенная у края террасы и ориентированная параллельно реке, т. е. с северо-востока на юго-запад. Длина ее 1,65—1,35 м, ширина 0,75—0,58 м, глубина 0,70 м от современной поверхности.

Сразу под дерном начинается черный плотный углистый слой, продолжающийся до дна ямы. Не обнаружено ни костей, ни вещей. Данная яма, вероятно, является погребенным кострищем.

* * *

Кроме описанных ям, на могильнике вскрыто два кострища, расположенных к востоку и западу от центрального ряда погребений. Кострища вытянуты в длину с севера на юг. Кострище, расположенное к востоку от погребений, имеет толщину 10—11 см. На нем выделяется несколько более темных пятен. При расчистке одного из них были обнаружены остатки какого-то разложившегося органического вещества коричневого цвета (остатки обожженных костей?), под которыми прослеживаются угли (раскоп 1, кв. 1-А). Сохранились крупные куски горелого дерева, под которыми вскрыты расколотые камни, лежащие на красном прокалившемся песке.

К западу от погребений № 3 и 4 вскрыто кострище длиной 3 м, шириной 1,7 м и толщиной 0,5 м. Кострище имеет форму линзы, утолщающейся к центру. На поверхности его также прослеживаются куски горелого дерева.

На площади кострища, в верхнем слое, под дерном обнаружены вещи, относящиеся к могильному комплексу: три бусины и развалившийся сосуд. Одна из бусин — сранжевая сердоликовая приплюснутой шаровидной формы (рис. V, 4), другая —

светлозеленая бочонковидная из прозрачного стекла (рис. V, 3), третья — удлиненно-овальная стеклянная (рис. V, 2). Вторая бусина лежала в желтом смешанном слое песка под черепками, остальные — на одном уровне с керамикой.

Сосуд, который удалось почти полностью восстановить — лепной, хорошо обожженный, с блестящей поверхностью, сглаженной каким-то твердым предметом, вероятно, щепкой, с обеих сторон. Тесто очень плотное с небольшой примесью дресвы. Тольщина стенок неодинаковая: у венчика — 5 мм, в выпуклой части тулова — 10 мм.

Сосуд имеет выпуклое тулово, приближающееся к остроребероному, и округлое дно. Тулово сосуда шире, чем горло. Орнаментом украшена только верхняя часть. Край венчика, косо срезанный с наклоном наружу, орнаментирован двумя рядами зубчиков треугольной формы — более крупных в первом ряду и мелких во втором. Нижнюю часть горла сосуда украшают равномерно расположенные ямочки правильной формы (рис. V, 10).

Кроме бусин и керамики, в межмогильном пространстве был найден железный нож с рукояткой, относящийся к могильному комплексу (рис. IV, 2).

Таким образом, на первом Веслянском могильнике был обнаружен разнообразный вещевой материал: железные и бронзовые изделия, серебряные украшения, стеклянные и сердоликовые бусы, а также керамика.

Об обряде погребения. Для характеристики могильника большое значение имеет также обряд погребения. Все факты, наблюдаемые на могильнике, дают основание утверждать, что обряд погребения был связан с ритуалом огня: находки углей и золы в ямах и между ними, кострища на площади могильника и т. д. Наконец, обожженные человеческие кости в погребениях позволяют считать, что покойники хоронились по обряду трупосожжения. Тот факт, что обожженные кости сохранились только в инвентарных погребениях, объясняется их благоприятным соседством с бронзовыми украшениями, консервирующими кость.

В пользу предположения о господстве на могильнике обряда трупосожжения говорит также факт беспорядочного расположения вещей погребального инвентаря (при трупоположении вещи чаще всего сохраняют порядок расположения их на покойнике). Вещи в могилах не носят следов действия огня, следовательно, в момент сожжения трупа они не были надеты на покойнике. Вероятнее всего, их бросали в яму в процессе погребения сожженного трупа. Допустимы два предположения о характере трупосожжения.

1. Покойник сжигался не в могиле, а где-то в стороне, может быть, на площади могильника. Он мог быть сожжен на дневной

поверхности могильника (например, на кострищах) или в специальной яме.

2. Покойников могли окуривать, т. е. обжигать в могильной яме. В этом случае должны быть заметные следы кострища на дне могилы. Как известно, кострища в могиле не обнаружены. Правда, в одном из погребений сохранились остатки обожженного сруба, но вряд ли этого достаточно для утверждения об обжигании покойника в могиле. Кроме того, в случае окуривания вещи погребального инвентаря должны сохранять порядок расположения их на покойнике и иметь следы действия огня, что также не подтверждается раскопками.

Таким образом, наиболее убедительным является предположение о сожжении покойников (вероятнее всего, частичном) на стороне с перенесением их остатков в могилу.

Датировка могильника. К какому времени относится могильник? Украшения Веслянского могильника имеют аналогии в культурах первых веков нашей эры в Причерноморье: как, например, богатое эллипсоидное украшение (рис. IV, 5)[1]. Это южное украшение не единично на Севере. Аналогичные были найдены в Подчеремском кладе[2], в Большеземельской тундре[3]. Пряжки поясного набора, найденные в погребении № 3 (рис. V, 1, 5, 6), имеют широкие аналогии в памятниках Европейской части СССР и даже в Финляндии[4]. В. А. Городцов обнаружил их в Подболотьевском могильнике и считал привозными готскими вещами, самой верхней датой существования которых может быть VII в.[5]

Пряжки с кольцевидной основой и изогнутым язычком (рис. V, 9) были широко распространены в позднесарматское время[6]. Они встречаются в Прикамье[7], в Нижнем Приобье на карымском этапе[8], в Башкирии[9] и датируются III—V вв. н. э.

---

[1] См. В. А. Городцов. Подчеремский клад. «Советская археология», II, М.—Л., 1937, стр. 116.

[2] В. А. Городцов. Указ. соч., рис. 6, 7.

[3] Г. А. Чернов. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. «Советская археология», XXIII, М., 1955, стр. 312.

[4] E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text. Helsinki, 1957, Taf. 69, 560, 570, 569, 572.

[5] В. А. Городцов. Подболотьевский могильник. «Древности». т. XXIV, СПб, 1911; Истор. музей, отдел III, инв. № 56480.

[6] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М., 1952, стр. 118, табл. XXIV.

[7] В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. Вопросы археологии Урала. в. 2, рис. 31, 1—4.

[8] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. МИА. в. 58, М., 1957, стр. 64.

[9] Н. А. Мажитов. Ранние памятники бахмутинской культуры. Вопросы археологии Урала, в. 2., рис. 26, 2, 3.

Трубчатая пронизка-утка была широко распространенным украшением в Прикамье в харинское время[1]. Бусы, найденные на могильнике (рис. IV, 12; рис. V, 2, 4), также находят аналогии на харинских памятниках, в частности, на Опутятском городище (III—V вв. н. э.)[2].

Итак, вещи, обнаруженные на Веслянском могильнике, были распространены в течение длительного времени — с III по VII вв. н. э. Судя по небольшим размерам могильника, вряд ли можно допускать существование его в течение пяти веков. Кроме того, самые ранние и самые поздние вещи найдены в погребениях, расположенных по соседству и одинаково ориентированных. Наиболее допустимо предположение о сохранении ранних вещей в позднее время. Могильник, вероятно, можно датировать V—VI, может быть VII вв. н. э.

На основании богатых материалов раскопок поселений и могильников в соседнем Прикамье эпоха раннего средневековья характеризуется активным процессом распада первобытно-общинного строя, связанным с большими изменениями в хозяйственной жизни древнего населения[3]. По нашим материалам можно предположить, что аналогичный процесс шел в это время и в Вычегодском крае. На Веслянском могильнике выделяются более и менее богатые, а также безынвентарные погребения, отражающие, видимо, имущественную и социальную дифференциацию среди населения. В некоторых могилах мы видим дорогие привозные украшения, являющиеся, вероятно, личной собственностью погребенного. С другой стороны, наличие в могилах дорогих привозных украшений свидетельствует о существовании определенного избыточного продукта, который позволял населению, оставившему могильник, осуществлять обмен с южными племенами. На могильнике сохраняется ориентировка погребенных в одном направлении, но только внутри одного ряда, что говорит о выделении небольших семейных коллективов внутри рода.

Вероятно, не случайно, что инвентарные погребения оказались в одном ряду, а безынвентарные — в другом.

Инвентарь Веслянского могильника, как указывалось выше, имеет ближайшие аналогии в ломоватовских памятниках Прикамья. Не только украшения, но даже керамика могильника близка ломоватовской: по форме (округлое дно, широкое тулово), орнаменту (равномерные правильные ямки, зубчатый штамп), внешней обработке поверхности (хороший обжиг, заглаживание щепкой). Обращает на себя внимание такая деталь,

[1] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанского филиала АН СССР, сер. гуманитарных наук, в. 2, 1959, стр. 188, табл. IV, рис. 3.

[2] Пермский краеведческий музей. Опутятское городище, экспозиция.

[3] В. Ф. Генинг. Указ. соч., стр. 178.

как отсутствие керамики в погребениях и вынесение ее на дневную поверхность могильника. Это характерно как для харинских, так и для Веслянского могильников. Несомненна культурная близость рассматриваемого могильника с ломоватовскими памятниками Прикамья, но на основании имеющегося материала еще трудно определить характер этой близости. Общность бронзовых украшений может объясняться существованием единого центра их изготовления.

Что касается обряда погребения, более устойчивого этнического признака, то в этом отношении заметна существенная разница. В Вычегодском крае, в том числе бассейне Выми, курганы неизвестны, тогда как в Прикамье в харинское время появляются курганы. На Веслянском могильнике наблюдается трупосожжение, тогда как в Прикамье в ломоватовское время трупосожжение встречается как исключение.

В настоящее время не представляется возможным решить вопрос о культурной и тем более этнической принадлежности населения, оставившего Веслянский могильник. Возможно, памятник относится к ванвиздинской культуре, датируемой IV—VI вв. н. э.[1]

Ванвиздинские поселения в большом количестве известны в бассейне Вычегды, причем одно из них — в устье Выми. Массовым материалом на поселениях является керамика, тогда как на Веслянском могильнике керамика представлена единственным сосудом. Хотя веслянский сосуд близок по профилировке, орнаменту, внешней обработке поверхности ванвиздинским сосудам из Чуддинты[2], это не дает достаточного основания относить могильник к ванвиздинской культуре.

* * *

Материалы Веслянского могильника имеют важное значение при решении вопросов этногенеза народа коми. До его открытия было непонятно происхождение обряда трупосожжения, господствовавшего на могильниках II тыс. н. э., связываемых с древними коми, т. к. единственный известный могильник рубежа I—II тыс. н. э. — Усть-Сысольский — дал два трупоположения[3].

Обряд трупосожжения на Веслянском могильнике, аналогичный обряду погребения на могильниках II тыс. н. э., дает основание предполагать существование генетической связи между ними. Правда, на поздних могильниках трупосожжение носит

[1] Г. М. Буров. Раскопки в бассейне Вычегды. Вопросы археологии Урала, Свердловск, 1962 г., стр. 111.

[2] Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. Тр. Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1960, стр. 103, рис. 5, 1—2.

[3] П. С. Савельев. Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска «Записки археологического общества», т. IV, 1852.

более ярко выраженный характер: кости чаще всего сожжены до кальцинированного состояния, встречаются сильно обожженные украшения, керамика и т. д. Полуобожженные кости (как на первом Веслянском могильнике) встречаются на поздних памятниках довольно редко.

Разрешение вопросов этногенеза древних народов, живших в Вычегодском крае, возможно при дальнейших раскопках памятников I тыс. н. э., особенно слабо изученных могильников, материал которых даст важные данные для определения этнической принадлежности населения.

В. Е. ЛУЗГИН.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЁШСКОЙ ГУБЫ И ПОЛУОСТРОВА КАНИН

На территории Севера Европейской части СССР известно много памятников неолита и эпохи раннего металла, позволяющих говорить о культурах и их локальных вариантах. Однако многие районы этой обширной территории еще мало изучены. В частности, таким районом является побережье Чёшской губы и, особенно, полуострова Канина, которые до сих пор оставались, по существу, белыми пятнами на археологической карте. На побережье Чёшской губы было известно единственное местонахождение кремневых орудий, обнаруженное в 70-х годах XIX века при устье р. Б. Щелиха, в 10 км от Индиги[1].

В 1959—1961 гг. геологами Коми филиала АН СССР на р. Индиге обнаружено два новых местонахождения кремневых орудий (рис. I.). Кроме того, на полуострове Канине ими же впервые найдено два пункта со следами деятельности человека эпохи неолита и раннего металла[2]. Ниже приводится их краткое описание.

1. **Стоянка Индига I.** Расположена в 15 км от устья р. Индиги, на второй надпойменной террасе, имеющей высоту 8 м. Здесь найдены: обломок наконечника копья (рис. II, 2), обломок наконечника стрелы (рис. II, 7), две пластины (рис. II, 3, 4), два скребка (рис. II, 5, 6), несколько отщепов и нуклевидных обломков. Подобные предметы были широко распространены на Севере Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Более полная характеристика этих предметов затруднена их фрагментарностью и малочисленностью.

---

[1] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1949, стр. 254.

[2] Пункты 1 и 2 найдены В. Пучковым и пункт 3 — Б. Мальковым в 1961 г., пункт 4 — О. Кочетковым в 1959 г.

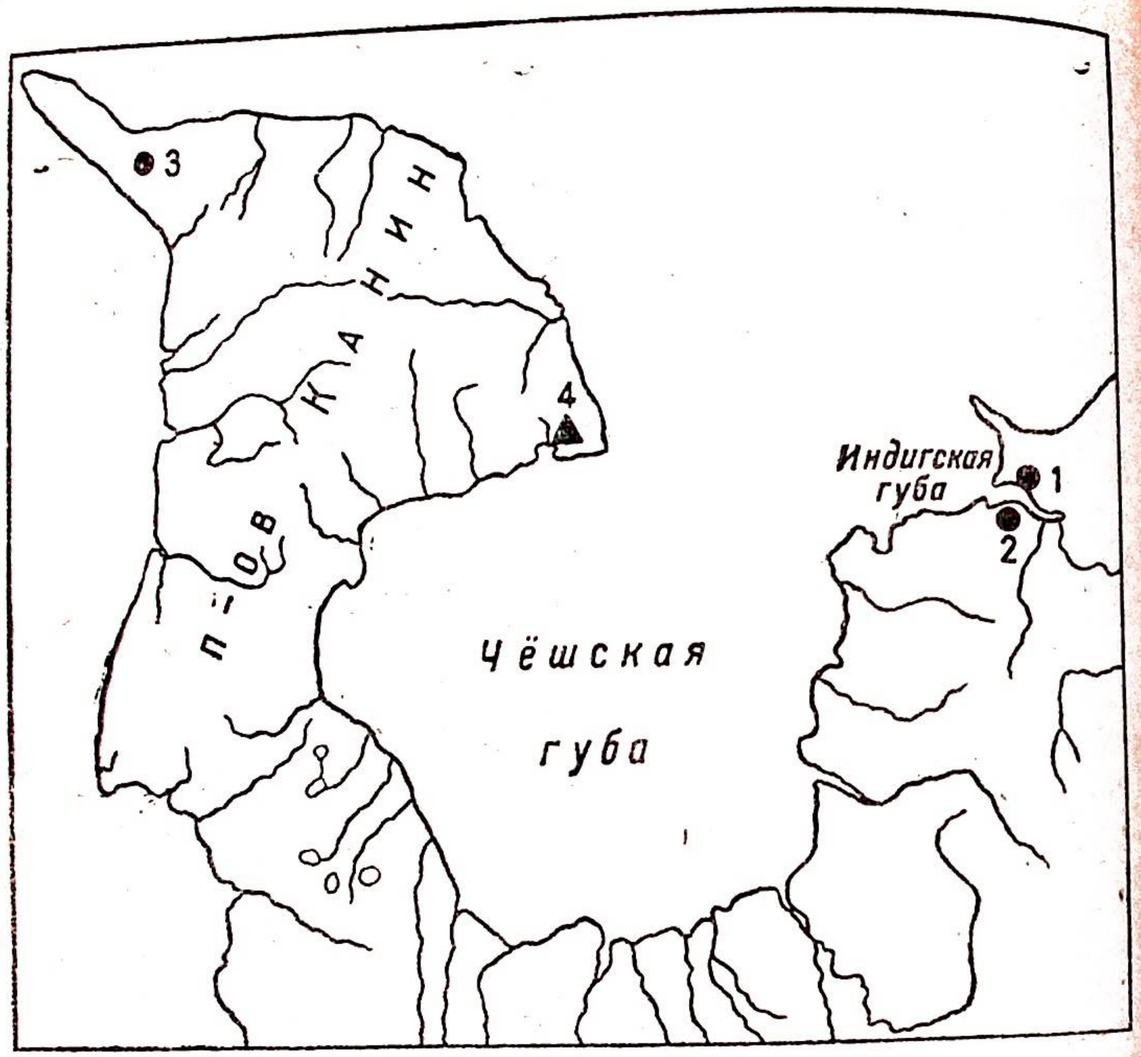


Рис. I. Схема археологических находок 1959—1961 гг.
1 — стоянки, 2 — отдельная находка.

2. **Стоянка Индига II.** Находится на Черном мысе Индигской губы, против поселка Индиги, на морской террасе, имеющей высоту 2 м. Здесь найдены кремневый нож (рис. II, 1) и несколько отщепов.

Нож сделан из массивного пластинчатого отщепа и имеет листовидную форму с несколько асимметричными боковыми краями. Обе его стороны обработаны крупной плоской ретушью со вторичной подправкой по краям.

Два аналогичных ножа имеются в Волосовском кладе кремневых орудий, найденном в культурном слое Волосовской неолитической стоянки на Оке и описанном И. К. Цветковой [1]. Эти ножи считались уникальными и являются единственной прямой аналогией ножу стоянки Индиги II на территории Севера Европейской части СССР.

Укрепленный в рукоятке нож использовался, вероятно, как охотничье оружие.

[1] И. К. Цветкова. Волосовский клад. М., 1957, табл. XX.

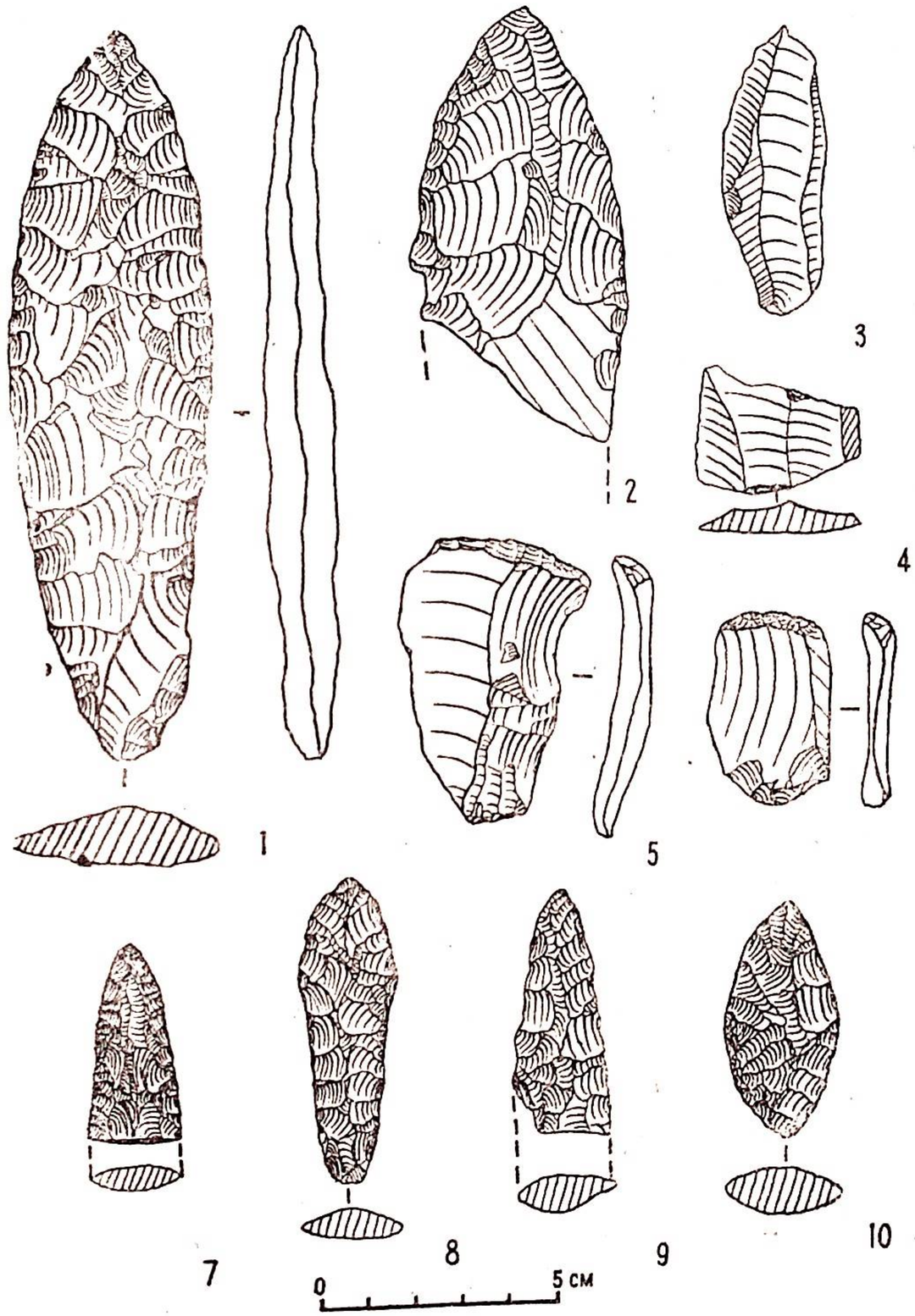


Рис. II. Кремневые орудия стоянок на побережье Чешской губы и полуострова Канин.
1 — нож, 2 — обломок наконечника копья, 3—4 — пластины, 5—6 — скребки, 7—10 — наконечники стрел (1 — стоянка Индига II, 2—7 — стоянка Индига I. 8—10 — стоянка Канин Камень, 8 — отдельная находка на р. Талькуяга).

3. **Находка на Канин Камне.** На полуострове Канине, на вершине одной из сопок у хребта Канин Камень, в 7 км к северо-востоку от рыбного промысла Тарханово, найдены: обломок наконечника стрелы (рис. II, 9), наконечник стрелы листовидной формы (рис. II, 10), относящийся, по-видимому, к концу III — середине II тыс. до н. э., и несколько отщепов.

4. Там же, на полуострове Канине, на 1 террасе речки Талькуяги, притока р. Жемчужной, впадающей в бухту Жемчужную, на высоте 30 м, в 1 км от морского побережья, найден кремневый наконечник стрелы с сильно удлиненным черешком (рис. II, 8), обработанный плоской ретушью. Это новый тип наконечника стрелы, аналогов которому на Севере Европейской части СССР мы не знаем.

Новые находки кремневых орудий на побережье Чёшской губы и на полуострове Канине говорят о заселении этой территории человеком еще в эпоху неолита и раннего металла.

В. А. ЛАТЫШЕВА

ПЬЕСА «ШОНДІЛАНЬ!» КАК ЭТАП В ТВОРЧЕСТВЕ САВИНА (ИЗ АРХИВОВ В. А. САВИНА)

Первая пьеса В. Савина «Ыджыд мыж» («Большая вина») — случайное «озорство» в его творчестве. Тот строй «драматургического мышления», в результате которого была создана эта драма, нехарактерен для Савина, он порожден подражанием вульгарной буржуазной мелодраме. Красота покорности судьбе, которую отчасти проповедует эта пьеса, чужда Савину.

Его оригинальная драматургия начинается пьесой «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» («При восходе солнца цветок увял»), провозглашающей главное, что свойственно Савину: героическую устремленность, пафос революционной борьбы, реалистичность, оптимизм. Эти начала преобладают в его остальных пьесах. Савин, по преимуществу,— певец героя цельного характера, героя, который оказывается более привлекательным, чем «сложные» характеры «Ыджыд мыж». И неудачный для героя финал или смерть героев в трагедийных пьесах Савина — уже не «неожиданная развязка» всех сюжетных узлов, а логическое следствие показанных событий, исторически неизбежный исход. Уродующие героя дореволюционные обстоятельства и протест против них («Вабергач» — «Водоворот», «Кулӧмдінса бунт»—«Устькуломский бунт»), а не просто несчастных и угнетенных, делает Савин-драматург предметом художественного отображения. В этом его творческий спор с драматургом Жугылем, в этом — преемственность лучших образцов его драматургии от революционных традиций русской литературы. «Для меня человек — всегда победитель,— писал Горький в очерке «Леонид Андреев»,— даже и смертельно раненный, умирающий». Эти слова могут быть отнесены и к Савину, к его лучшим пьесам: «Шонді петігӧн...» (1919), «Райын» («В Раю», 1922), «Инасьтӧм лов» («Неприкаянная душа», 1927), «Кулӧмдінса

3. **Находка на Канин Камне.** На полуострове Канине, на вершине одной из сопок у хребта Канин Камень, в 7 км к северо-востоку от рыбного промысла Тарханово, найдены: обломок наконечника стрелы (рис. II, 9), наконечник стрелы листовидной формы (рис. II, 10), относящийся, по-видимому, к концу III — середине II тыс. до н. э., и несколько отщепов.

4. Там же, на полуострове Канине, на I террасе речки Талькуяги, притока р. Жемчужной, впадающей в бухту Жемчужную, на высоте 30 м, в 1 км от морского побережья, найден кремневый наконечник стрелы с сильно удлиненным черешком (рис. II, 8), обработанный плоской ретушью. Это новый тип наконечника стрелы, аналогов которому на Севере Европейской части СССР мы не знаем.

Новые находки кремневых орудий на побережье Чёшской губы и на полуострове Канине говорят о заселении этой территории человеком еще в эпоху неолита и раннего металла.

В. А. ЛАТЫШЕВА

ПЬЕСА «ШОНДІЛАНЬ!» КАК ЭТАП В ТВОРЧЕСТВЕ САВИНА (ИЗ АРХИВОВ В. А. САВИНА)

Первая пьеса В. Савина «Ыджыд мыж» («Большая вина») — случайное «озорство» в его творчестве. Тот строй «драматургического мышления», в результате которого была создана эта драма, нехарактерен для Савина, он порожден подражанием вульгарной буржуазной мелодраме. Красота покорности судьбе, которую отчасти проповедует эта пьеса, чужда Савину.

Его оригинальная драматургия начинается пьесой «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» («При восходе солнца цветок увял»), провозглашающей главное, что свойственно Савину: героическую устремленность, пафос революционной борьбы, реалистичность, оптимизм. Эти начала преобладают в его остальных пьесах. Савин, по преимуществу,— певец героя цельного характера, героя, который оказывается более привлекательным, чем «сложные» характеры «Ыджыд мыж». И неудачный для героя финал или смерть героев в трагедийных пьесах Савина — уже не «неожиданная развязка» всех сюжетных узлов, а логическое следствие показанных событий, исторически неизбежный исход. Уродующие героя дореволюционные обстоятельства и протест против них («Вабергач» — «Водоворот», «Кулӧмдінса бунт»—«Устькуломский бунт»), а не просто несчастных и угнетенных, делает Савин-драматург предметом художественного отображения. В этом его творческий спор с драматургом Жугылем, в этом — преемственность лучших образцов его драматургии от революционных традиций русской литературы. «Для меня человек — всегда победитель,— писал Горький в очерке «Леонид Андреев»,— даже и смертельно раненный, умирающий». Эти слова могут быть отнесены и к Савину, к его лучшим пьесам: «Шонді петігӧн...» (1919), «Райын» («В Раю», 1922), «Инасьтӧм лов» («Неприкаянная душа», 1927), «Кулӧмдінса

бунт» (1927), «Вабергач» (1920 г.), «Парма ныв» («Дочь пармы», 1930 г.).

Большинство пьес Савина написано на дореволюционные темы. Три из них трагедийны. Но в них смертельно раненные жизнью герои умирают протестантами и, в конечном счете, цель ради которой они умирают, зритель хорошо понимает. Две пьесы из названных («Шонді петігӧн...» и «Кулӧмдінса бунт») имеют в своей основе «общую (общественную) завязку», одна из них (Вабергач») — «частную». Но эта, на первый взгляд, «частная», завязка имеет также открытую общественную подоснову — протест личности против мира несправедливостей и унижений. В этом, осознанном автором, социальном протесте и верно направленной героике пьес — их социалистическое качество.

Тем не менее, пьеса «Шонді петігӧн...» отличается от «Вабергач» и «Кулӧмдінса бунт» присущим ей одной (из всех пьес Савина) свойством — несколько абстрактной, но искренней и высокой романтикой. Эта пьеса явилась поворотным этапом в творчестве Савина (от «Ыджыд мыж»), дающим совсем новое направление его драматургии. Пьеса эта значительна не только для творчества Савина. Она знаменательна для всей коми литературы, как первое большое романтико-революционное произведение, в котором драматург и его герой идеологически, мировоззренчески принимают революцию, которая наступает в финале пьесы.

Первая революционная коми драма «Шонді петігӧн...» соединяет в себе абстрактное выражение революционного энтузиазма с конкретным образом носителя его. Однако в пьесе все же преобладает абстрактная схема героя-революционера, как было вообще во множестве литературных произведений первых послереволюционных лет.

Подход к личности революционера в пьесе односторонен: приподнятость и исключительность этого образа обрывают его связь с окружающими, ограничивая действенную роль пьесы. Гриша в своей бескомпромиссной пролетарской революционности непонятен своим близким, далек для них, странен и, в какой-то мере, лишен «поддержки чувствами» окружающих, одинок.

Причина этого в том, что герой Савина идеально-романтичен, создан не столько на основе жизненных фактов, сколько на основе идеальных черт революционера, как его представлял себе Савин; за образом Гриши еще не улавливается реальное жизненное содержание. Пьеса производит впечатление, что сознательная революционная личность Гриши Сигерова выросла вне той среды, в которой он произносит свои предсказания, и, тем более, образ этот неорганичен для той среды. В принципе — здесь правда: большей частью именно на стороне, а не в пат-

риархальной коми деревне формировались революционные характеры, просыпалось пролетарское самосознание в душе потомственного крестьянина. Так было в годы назревания революции. В дальнейшем («Парма ныв», 1930 г.) Савин-драматург найдет конкретно-исторический путь «соединения» народа с революцией.

В пьесе «Шонді петігӧн...» уже намечена мысль о роли революционера в массе. Эта масса угадывается за ее представителями — прочими героями пьесы, выведенными на передний план как оформленные и ощутимые характеры, что также — очень большое достижение для произведения 1919 года, когда характер, индивидуализация казались для многих (и русских) советских писателей не только необязательной, но и ненужной целью. Характеры крестьян в «Шонді петігӧн...» реалистичны и убедительны своей бытовой и национальной достоверностью. Новизна и необычность рассуждений Гриши о царе и угнетении трудящихся поначалу непонятна для всех, кто слушает чтение его письма Все поражены смелостью Гриши и, в то же время, боятся за него и за себя.

Васька:

«Только́ бара, сӧ загреки, некодлы жӧ энӧ висьталӧ, ставнымӧс юрӧн нуасны. Вай ньӧжйӧникӧн лыддьы».

«Только, ради бога, никому не говорите, а то всех заберут. Тихо давай читай».

Здесь, за этой тревогой, не только страх и любопытство, не равнодушие, а активное действие мысли персонажей. Кажущаяся глухота всех персонажей к словам Гриши подчеркивает драматизм одиночества Гриши и в третьем действии, события которого происходят уже не в 1907 году, а в 1917 году. Старики уже «неисправимы». Впрочем, отец — снова на заработках в Богослове,— может быть, он и вернется оттуда другим. В матери живет лишь простая человеческая жалость к герою — еще не признанному ею сыну. Но Гриша уже не одинок, его слова жадно впитывает и повторяет Марфа, уже принял его жизненные принципы Иван — младший в семье... Хотя механический перенос всех революционных качеств на младшее поколение еще налицо в этой пьесе, но в ней чувствуется нарастание революционного настроения в среде всего коми трудящегося крестьянства.

Образ Гриши предстает как выражение авторского отношения к революции, к ее борцам, их образу мысли,— как авторский идеал, желаемое. Поэтому в образе Гриши много лирики, слитой с его романтическими стремлениями и предсказаниями будущего. И, несмотря на то, что этот образ далек еще от реалистического, ясно, что для Савина (в отличие от многих со-

ветских писателей начала 20-х годов) вопрос о характере героя в художественном произведении, о поисках героя, «об организующем начале революции, в которой выдвигался передовой человек, как носитель разума революции» (Ист. рус. сов. лит. I т., стр. 57) был уже выбран и определен. И (в 1919 году!) намечен и отчасти решен вопрос о характере вообще, как конкретном, человечном и типическом (образы Сопрон Васьки, Пеклы, Вани в «Шонді петігӧн...»), лишенном натурализма и вульгарного психологизма. Из всех характеров пьесы (пусть отчасти односторонних) Григорий Сигеров в большей степени лишен признаков сложного человеческого характера и, поэтому, лишен и реальных связей с жизнью и сюжетом.

В 1919 году во многих уголках коми края еще господствовали старые порядки; новое не сразу проникало в дальние деревушки. Изображение в драме (хотя и схематичное) нового человека, подчеркивание гуманистического и демократического в революции — для многих еще неясно представляемой — привлекало к себе внимание. Задача драматурга состояла не только в том, чтобы найти человека в революции, но и в том, чтобы найти революционное в человеке, т. е. осмыслить новое в его характере, а через него передать то новое, что несла действительность.

Григория Сигерова еще нельзя считать таким героем, но он интересен, как итог ощущения автором тех задач, которые стояли перед литературой. В отношении савинского героя к революции на первый план выступает сознательное начало, т. е. утверждается идейное содержание революции. Но эмоционально-романтическое приятие революции еще не означало конкретности свойств ее борца. Григорий, несомненно, коммунист, но он одиночка. В этом пока еще видит Савин романтическое.

В «Шонді петігӧн...» ясно чувствуется и реалистическая тенденция автора, особенно в изображении того, что связано со знакомым автору бытом: с характерами коми крестьян (Сопрон Васька, Пекла, Марпа, Пиля, Анна), хотя не они преобладают в драме. Этот реализм от пьесы к пьесе постепенно «захватывает» Савина: его «фантастические» пьесы «Райын» и «Инасьтӧм лов» — насквозь реалистичны, а «Вабергач», «Кулӧмдінса бунт» и «Парма ныв» уже лишены всякого романтизма и фантастики.

Пьесой «Парма ныв» (1930 г.) — о крестьянской коми девушке, с трудом и боязнью тянущейся к новой жизни и побеждающей свои страхи и колебания,— завершается восходящий путь Савина-драматурга. В этой пьесе показан процесс развития и укоренения в сознании людей новых форм жизни. И то, что процесс этот происходит в сознании женщины — наиболее бесправной и забитой в коми деревне — принимает особенно значительный смысл.

Среди рукописей Савина есть потрепаная школьная тетрадь [1], на обложке которой стоит: «Шонділань!» («К солнцу!»), драма в одном действии». Даты написания нет. Время действия — 1919 г.

Почти невозможно установить, перевод ли это русской пьесы, или сочинение самого Савина. Но судя по наивно-декларативной манере изложения, эту пьесу нельзя считать написанною в годы мужания и зрелости савинского таланта, когда драматурга интересовали уже конкретные характеры, и он строил свои пьесы — «Райын», «Инасьтӧм лов», «Кулӧмдінса бунт», «Вабергач», «Парма ныв» — на реальных жизненных ситуациях (все названные пьесы реалистичны и лишены декларативности).

Пьеса «Шонділань!» наиболее близка по своему пафосу к драме «Шонді петігӧн...» (1919), и не только близка, но и, несмотря на огромную разницу сюжетов, персонажей, является первым вариантом драмы «Шонді петігӧн...»

Разберемся, что подтверждает это предположение, важное для того, чтобы проследить, как Савин от «космизма» абстрактных сюжетов и представлений шел к реальному, национально-конкретному, характерному. Как от закономерной в скитаниях по России привычки думать по-русски (русские ремарки в коми драме «Шонділань!») он постепенно вновь переходит к отображению родного, свойственного ему с детства, и как снова проникнут его произведения обаяние этого родного в драме «Шонді петігӧн...»

Шел второй год после Октября, трудный и опасный для революции год. Идея солнца, света — такая популярная уже на стыке веков аллегория будущей счастливой жизни,— теперь сделавшаяся реальностью, вдохновляла Савина на создание пьесы, пропагандирующей революцию и ее завоевания в романтическом, привлекательном, зовущем, поэтическом тоне. Эта цель поэта, обращавшегося к драматургии, определялась горячим желанием Савина донести смысл революции до сознания темного коми зрителя. Как мы видим, идея написания «Шонділань!» совпадает с основной мыслью и целью драмы «Шонді петігӧн...», неговоря о сходстве названий пьес: «К солнцу!» и «При восходе солнца...».

Утверждая, как завершенный, лишь второй вариант пьесы, Савин приблизил пьесу «во времени» к современности и сделал ее более действенной.

Интересно, что «Шонділань!» вначале была дописана при таких именах действующих лиц:

Бур Морт — странник, ен пӧрысь морт — (Добрый Человек — странник, крепкий пожилой человек); Яков — ар 22, озыр пи (Яков лет 22, сын богатых); сылӧн мам — ар 45 (его мать — лет 45); Педӧр — пӧрысь крестьянин (Федор — старый крестья-

[1] Государственный Архив Коми АССР, фонд 958/51 с, ед. хр. 9.

нин); Нина — сылӧн ныв, ар 22 (Нина — его дочь, лет 22), Гриша — пабрикаын уджалысь (Гриша — рабочий); Виктор — парекодса машинист (Виктор — машинист парохода).

Имена — вполне подходящие для коми пьесы, обычные, близкие для коми. Но автор перечитал пьесу (вернулся к ее на- чалу) и понял, что время и место действия ее (1919 г.) делают современную ему революционную действительность — мечтой, значит возвращают зрителя назад и обесценивают «активность» пьесы. Тогда, чтобы выделить основную мысль, подчеркнуть свою главную цель, Савин перемещает действие в Италию 191[illegible] года, исправляя имена действующих лиц (кроме Бур Морта) в последовательности: Альберто, Синьора, Джузеппе, Ада, Ро- бочӧй, Матрос карабвывса (Матрос с корабля). В этом виде становится понятной все настроение драмы: устремленность ее героев к лучшему, к солнцу, к востоку,— к той стране, в кото- рой счастье — уже достояние трудящихся. Уверившись в право- мерности этой замены, автор во всей рукописи меняет имена действующих лиц.

«Шонділань!», как и большинство пьес Савина, написана «в один присест» (правка другими чернилами очень незначи- тельна). Но это говорит, скорее всего, не о законченности рабо- ты, а о неудовлетворенности автора пьесой вообще. Савин в этом виде лишь «набросал» то, что его привлекало, то, что про- сило его высказаться, но тут же, в этих «набросках» Савин по- чувствовал неестественность изображенного, холодность его участников, чуждые самому себе и зрителям намеки на «за- морский» пейзаж, и оставил свой замысел, решив сохранить лучшее из него для иной, понятной коми крестьянину, пьесы. Этой пьесой и стала «Шонді петігӧн...»

Савин осознает главное — победу революции и свое отноше- ние к ней: революция во всем — в большом и в малом, в со- здании коми литературы и в «коми рытъяс» («Коми вечера»), служащих просвещению родного народа. Эти две цели — нераз- делимы. Для писателя-энтузиаста они — одна цель. И эта цель вызвала к жизни его первую драму с ее агитационно-про- пагандистскими и, в то же время, возвышенно-романтическими монологами главного героя о революции. Ради этих слов Гриши Сигерова и написана пьеса. Эти слова — слова самого автора, обращенные к многочисленным зрителям. В рукописи «Шонді- лань!» подобной цели служат монологи не одного героя. Здесь прославление революции как бы распределено между Бур Мор- том, Адой и Альберто, из которых больше всего запоминается образ Ады, ее волнующие речи и самоотвержение. Несмотря на то, что Альберто с Гришей Сигеровым сближает их смертельная болезнь и обостренное — перед гибелью — чувство наступления близкой весны, света, солнца революции, не Альберто выступа- ет главным героем «Шонділань!», а Ада. Она собирает вокруг

себя действие,— если можно так назвать бессюжетную кон- струкцию пьесы.

Функция Бур Морта — пришельца из далекой заветной страны — заключается только в его назначении, как «безучаст- ного», «стороннего» двигателя, «начала» действия, отправного толчка к движению чувств и стремлений Ады, а затем — всех остальных персонажей. У Ады «Бур Морт» возбуждает стрем- ление попасть «в страну, откуда всходит солнце», «где все рав- ны», где все трудятся и сыты, где счастливы матери и радостна жизнь. Призывы Ады находят отклик у других персонажей, но только Альберто согласен пойти с ней в эту страну. Рабочий и Матрос не хотят пойти туда. Они будут бороться за такую же жизнь в своей стране. Из речей Ады они поняли, что за день сегодня, 1 мая, и они решили идти на демонстрацию, чтобы «показать хозяину хоть раз, что труд создает все».

В фигуре Альберто автор соединяет, казалось бы, несоеди- нимое: сын богатой владелицы земель, больной и томящийся в доме своей матери, рвущийся «на волю», к классовой справед- ливости и любви. Дочь крестьянина Ада — его друг.

Альберто:

«Ме тэ дінын и шойчча, тэ дінын мем лӧсьыд, Ада. Тайӧ керкаас ог, ог ме сэсся сэтчӧ пыр, ог пыр... (по- лӧ, кутчысьӧ Адаӧ)».

«Я с тобою отдыхаю, рядом с то- бою мне хорошо, Ада. В этот дом... нет, не зайду я больше туда, не зайду... (в страхе хватается за Аду)».

Он готов пойти вместе с девушкой, но он слабее ее духовно и физически. Автор последовательно подчеркивает в нем эту сла- бость:

«Ада, кутшӧм лӧсьыд сійӧ му вылас! Ме бара ловзи, сьӧлӧм кӧсйӧ чеч- чыштны, кыдзи важӧн... Кӧні сійӧ Бур Мортыс? Ӧтлаын, ӧтлаын мунам сыкӧд сэтчӧ!»

«Ада, как хорошо на той земле! Я снова ожил, сердце снова бьется, как прежде... Где он, Добрый Человек? Вместе, вместе с ним уйдем туда!»

Когда Ада перед своим отцом — землепашцем страстно об- личает покорность и пассивность народа, рисуя картины труда изнуренных женщин и детей, Альберто останавливает ее, закры- вая лицо руками:

«Кутшӧм омӧль олӧм!.. Эн висьтав, Ада, та йылысь!.. Ог вермы кыв- зыны!»

«Как плоха жизнь! Не говори, Ада, об этом!... Не могу слушать!»

А когда она снова говорит о счастливой стране, Альберто:

«(быттьӧ вунӧдчӧ): Ак, шуда олан- інӧй! Майбыр, гажа муӧй! Кӧні нӧ, кӧні нӧ тэ!..»

«(будто в забытьи): Ах, счастливая страна! Прекрасная земля! Где же, где же ты!..»

В этой экзальтированности героя мы узнаем «непостоянную» психологию Митрея (из «Ыджыд мыж») и героев Жугыла (20-х гг.)... Здесь герой Савина еще не приобрел той савинской твердости и здорового жизнелюбия, которые будут его отличать в более поздних пьесах. Он еще ущербный, изломанный, не нашедший применения силам своим или неспособный верно направить свои стремления. Это в какой-то мере сказалось на образе Гриши Сигерова, несмотря на его внешнюю целеустремленность. И громадная разница в образах Альберто и Гриши служит доказательством того, что поиски будущим драматургом образа, близкого и понятного народу, шли в верном направлении — в направлении все большего целеустремления, твердости, неподверженности героя второстепенным для дела революции чувствам.

Этим требованиям в драме «Шонділань!» более отвечает образ Ады:

«Пӧщай, батьӧ! Ме тэнӧ радейтлі, тэ вӧсна тӧждысьлі... ӧні сэсся ме муна! Тэ муӧ пырысь, кулысь, ме — вылысь чужысь, быдмысь; тэ — нартитӧм, ме — мездысьӧм! Пӧщай, батьӧ!»

«Прощай, отец! Я любила тебя, заботилась о тебе, сейчас я ухожу! Ты — в землю входящий, умирающий, я — вновь рождаюсь, расту; ты угнетенный, я освобожденная! Прощай, отец!»

Нетрудно увидеть, что в уста Ады Савин вкладывает мысли современной себе молодежи, когда она шла в комсомол, тянулась всеми силами к новому, наперекор отцам, их упрямству, консерватизму, а иногда и вражде к новой жизни. В эти годы бытовала формула: «вылысь чужысь, быдмысь», «вновь рождающийся, растущий», «муӧ пырысь, кулысь», «в землю входящий, умирающий»...

Целеустремленность Ады по сравнению с главным героем драмы «Шонді петігӧн...»— более жесткая и фанатичная. Поэтому ее образ (как и все в «Шонділань!») более условный, даже символический. Образ Ады гораздо в большей мере, чем образ Гриши, в пьесе «Шонді петігӧн...» лишен теплоты человеческих черт. Сходство этих образов — в отказе от родственных и всяких других чувств ради дела более высокого и важного.

Ада (с горечью)

«Альберт, он кӧ вермы, кольтчы
Альберт: А тэ?
Ада: Ме муна
(на лице внутренняя борьба, но твердая решимость овладевает ею)»,

Альберт, если не можешь, оставайся.
Альберт: А ты?
Ада: Я уйду!

— сходство характеров Ады и Гриши — в страстной убежденности в своей правоте.

В пьесе «Шонділань!» символичен и образ Альберто, как «выломившегося» из своей среды, но не приставшего к другой стороне, богача «нового поколения». По-горьковски символичны и его болезнь, и его обреченность и слабоволие. Самые названия

действующих лиц: «Робочӧй», «Матрос» с большой буквы предстают как символы сил мирового пролетариата и такой популярной в первые послереволюционные годы мысли, как мировая революция.

О преемственности пьес говорит не только присутствие в обеих пьесах имен «Гриша» и «Виктор» (в первом наброске «Шонділань!»), намекающих на автобиографичность частностей той и другой пьесы. Много сходного в заключительных сценах смерти Гриши и Альберто.

«Альберто, муса, садьмы, ме тані, ме тэкӧд, ме тэнад Адаыд.

Альб. (как в бреду). Ме муна... тэ тӧдан... Муна сэтчӧ... тэкӧд... кӧні югыд... (пытается привстать, падает) мыйла сэтшӧм пемыд... Пемыд... Пемыд локтӧ (Пауза)... (Нина и мать стоят над умирающим. Слышно пение майских песен.)

Альб. (лэптӧ юрсӧ, кывзӧ радпырысь). Сьылӧны! Майскӧй сьылан-кыв... (нюжӧдӧ киясьсӧ, ныввабаяс кутӧны). Гажа... тулысӧй... кулысь морт сьӧлӧмсяньыс ыстӧ тэныд медбӧръя бурсиӧм... Ада... тэ мун... тэ мун... сэтчӧ... кӧні олӧ югыд шонді... мун... ме тшӧкта... Радейтӧм кузя... мун... Тэ бӧрся мунасны... ён йӧз, збой йӧз... Тані пемыд, пемыд (еле слышно). Пӧщай!.. Мун... мун... Мед ме тэнсьыд медбӧръя мунӧм кок шытӧ кыла...

Морт. (У калитки, к Аде и рабочим. Спокойно). Туйӧ, вокъяс!.. Сэтчӧ, кысянь петӧ шонді (он медленно уходит. Ада оборачивается последний раз).

Альб. (с невероятным усилием протягивает к ним руки и шепчет). Кысянь петӧ... пе...тӧ... ю-гыд шонді... (Остается неподвижным, около него на коленях тихо плачут мать и старик... с полей радостно несется песня.)

«Альберто, милый, проснись, я здесь, я с тобой, я твоя Ада.

Альб. (Как в бреду). Я уйду... ты знаешь... Уйду туда... с тобой... где светло... (пытается привстать, падает) почему так темно... Темно... Темнота наступает (Пауза)... (Нина и мать стоят над умирающим. Слышно пение майских песен).

Альб. (поднимает голову, с радостью слушает). Поют! Майскую песню... (протягивает руки, женщины удерживают его). Весна... красная... умирающий человек сердечно шлет тебе последний привет. Ада... ты уходи... уходи... туда... где светлое солнце. Уходи... я велю... Ради любви уходи... За тобой пойдут... сильные люди, смелые люди... Здесь темно, темно (еле слышно). Прощай!.. Уходи; уходи... Пусть я услышу звук твоих последних шагов...

Морт. (У калитки к Аде и рабочим. Спокойно). В путь, братья!.. Туда, откуда восходит солнце! (он медленно уходит. Ада оборачивается последний раз).

Альб. (с невероятным усилием протягивает к ним руки и шепчет). Откуда восходит... восходит... светлое солнце...

Занавес медленно закрывается».

— Та же мизансцена, что в 3 явлении 3 действия «Шонді петігӧн...», где умирающий юноша в бреду: вокруг него — его близкие, далекие для него в эту минуту; песня «Смело, товарищи, в ногу» (А в «Шонділань!» — «майская песня» с поля):

«**Микол** (дрӧгнитӧ, юрсӧ лэптӧ). Кывзӧ! Кывзӧ!.. Мый нӧ тайӧ? (Сьылӧм матыстчӧ.) Вӧля йылысь! Кывзӧ!.. Кывзӧ!.. (Кӧсйӧ чеччыны кӧвать вылысь.) Ме сэтчӧ жӧ! Воӧма!.. Воӧма!.. Лэдзлӧ менӧ!.. (стр. 42, В. Савин, 1959, «Пьесаяс»). (Долыда).

«**Микол** (вздрагивает, поднимает голову). Слушайте! Слушайте!.. Что же это?... (Пение приближается.) О воле!.. Слушайте!.. Слушайте!.. (Хочет привстать с кровати.) Я туда!.. Наступило!.. Наступило!.. Пустите меня... (стр. 42, В. Савин, 1959, «Пьесаяс»).

Югыд шондiӧй!.. Дыр жӧ ме тэнӧ виччыси! (шогпыр). Кыптан тай, эськӧ, зарниӧй, да менам олӧмӧй кусӧ... Сӧмын тайӧ заводитчӧмыс на... Медъёна революция гыыс водзын на... сiйӧ кыптас, паськалас став мирас... Мамӧй!.. Муса мамӧй!.. Ме ӧд тэныд пи!.. (Ставныс шемӧс.)

Мамӧ... эн шогсьы!.. Уджалысь йӧз вӧсна, мамӧ, кокни кувнытӧ... Сӧмын тадзтӧ кувны сьӧкыдджык... Косьын, косьын кӧ нӧшта кокни кувнытӧ. Тэ... муса вокӧй!.. Кыдз верман... тӧждысь уджалысь йӧзлы... кокньыд олӧм лӧсьӧдӧм вӧсна... Накӧд мун!.. Пет найӧ вӧля вӧсна косьӧ. Косьыс эз на ӧд помась, сiйӧ ӧзiӧ, ӧзiӧ яр биӧн (сьӧлӧм дiнас кутчысьӧ.) Эн пов... мун!.. уМн водзӧ... выль туйӧд!.. Мун!.. Мун водзӧ... (Гораа) Югыдлань! Выль олӧмлань. (Бура дыр кызӧ, сэсся... ланьтӧ. Кулӧ.)

Пекла (видзӧдӧ шемӧса). Гришукӧй! (Уськӧдчӧ.)

Иван (копыртчӧ). Вокӧй!.. Кусiн, муса вокӧй! Шонді петiгӧн зарни дзоридзӧй, косьмин!.. (Гораа.) Гришукӧй, мый понда тэ косьмин, сiйӧ некор оз кус!... Ті ӧзтiнныд, ми паськӧдам. Узь долыда, уджалысь йӧз вӧсна тӧждысьысьӧй!.. Бурӧн казьтыласны тэнӧ найӧ!

Ылiсянь матысмӧ кыпыд музыка».

сы»). (Радостно.) Солнце ясное!.. Долго же я тебя ждал! (Грустно.) Поднимаешься, золотое, да моя жизнь угасает... но это только начало... Самая сильная волна революции еще впереди... Она поднимется, разойдется по всему миру... Мама! Милая мама!.. Я ведь твой сын!.. (Все в недоумении.)

Мама... не горюй!.. За рабочий народ, мама, легко умирать... Только так-то умирать — труднее. В бою, в бою еще легче умирать. Ты... милый брат!.. Как сможешь, старайся облегчить... жизнь рабочему люду.. С ним иди! Выйди в битву за его волю. Битва еще не окончена, она разгорается, разгорается ярким огнем. (Хватается за сердце). Не бойся, иди вперед... (громко.) К свету! К новой жизни. (Долго кашляет, затем умолкает... Умирает.)

Фекла (смотрит удивленно). Гришенька! (Бросается.)

Иван (наклонившись). Брат мой!.. Угас, милый брат мой! При восходе солнца высох, золотой (наш цветок!.. (Громко.) Гришенька, из-за чего ты погиб, то никогда не погаснет!.. Вы зажгли, мы разожжем. Спи спокойно, борец за трудящихся! Добрым вспомянут тебя они!

Издали приближается торжественная музыка».

Преемственность между пьесами бесспорна. Даже сам образ необыкновенного цветка перешел из одной в другую. В «Шонділань!» —это сначала цветы Ады, принесенные к двери больного Альберто, цветы, по поводу которых он почти сентиментально умиляется, а затем — это образ 1 мая, образ весны и цветов, которые будут принесены на могилу юноши, так ждавшего эту весну.

В «Шонді петiгӧн...»— от этого образа осталось только немного неожиданное в устах Вани сравнение:

«Кусiн, муса вокӧй! Шонді петiгӧн, зарни дзоридзӧй, косьмин!..»

«Угас, милый брат мой! При восходе солнца высох, золотой цветок!..»

Эти слова, произносимые в финале любимым и любящим братом Гриши, освещают всю пьесу романтическим «минорным» светом и согревают образы Гриши и Вани.

Тема света, солнца играет одну и ту же роль в пьесах. В одной она сливается с таинственной и чудесной страной, в другой — со временем, которое наступает. Небольшую разницу

в трактовку этой темы вносит не предполагаемый год написания обеих пьес (1919), а время действия в пьесах: третье действие «Шонді петiгӧн...» происходит в 1917 г., а драмы «Шонділань!» — в 1919. Мысль одной пьесы: «Тэ бӧрся мунасны... ён йӧз, збой йӧз... «За тобой пойдут ...сильные люди, смелые люди»... соответствует: «Ті ӧзтiнныд, ми паськӧдам».— «Вы зажгли, мы разожжем» — другой, где тема света сливается с темой революционного огня и, в конце концов, и в той, и в другой пьесе звучит как надежда на прекрасное будущее.

На примере эволюции Савина-драматурга от пьесы «Шонділань!» к «Шонді петiгӧн...» можно еще раз убедиться, что в коми литературу Савин пришел уже знакомым с литературным жанром драмы (русской, украинской). Об этом говорят ремаркй в рукописи «Шонділань!» В них чувствуется знание и проверенность автором не только различных сценических эффектов, но и «литературное толкование» этих эффектов — штампов, заимствованных самодеятельностью у профессионального театра. Вот эти ремарки от начала пьесы до ее конца, на русском языке: (нежно, твердо), (взволнованно, указывая на горизонт), (с силой), (гордо), (страстно), (с возрастающим страданием), (прерывающимся голосом), (спокойно), (восторженно), (обессиленно падает на скамейку), (с дрожью), (порывисто и хрипло), (с ужасом указывая на стену), (поддерживая), (как бы ища чего-то), (еле слышно), (безудержно рыдает), (становится поодаль), (в последнем проблеске сознания). Много ремарок говорит о стиле пьесы: романтическом, возвышенном, многозначительном. Часто во имя ложной многозначительности автор жертвует жизненностью героев и положений. Но надо воздать должное молодому драматургу: он сразу понял свою ошибку и причину, от которой искренняя одухотворенность автора превращалась в сентиментальность. Надо было приблизить возвышенные монологи героев к жизни, из отвлеченных сделать их конкретными, картинные мизансцены заменить естественными, понятными народу. И вот уже некоторые ремарки «Шонділань!» набросаны смесью русского и коми языка: (чошкӧдчӧ — настораживается), (торжественно Альбертлы — торжественно Альберту), (пуксьӧдӧ сiйӧс, с тревогой — усаживает его, с тревогой), что является шагом к реализму, к жизни. Так Савин пришел к новому варианту того же замысла и написал «Шонді петiгӧн...», в которой живут и действуют до боли близкие коми зрителю герои: Сопрон Васька, его жена, сын, и пьеса начинается обычной и близкой зрителю картиной:

«Сопрон Васька, олӧма морт, гӧль крестьянин. Занавес восьтiгӧн Васька дӧмлӧ тюни. Пекла (сылӧн гӧтыр) печкӧ. Иван (налӧн пи) пызан сайын лыддьысьӧ.

«Сопрон Васька, пожилой человек, бедный крестьянин. При открытии занавеса Васька чинит валенки. Фекла (его жена) прядет, Иван (их сын) читает за столом.

Иван (лыддьӧ нюжӧдлӧмӧн). Крестя-нин пашет, окотник с-стре-ля--ет, пе-тук поёт, с-сес-тра плачет, брат, гу-гу-ля-ет... (юрсӧ лэптӧ). Мам!.. Кылан? Мамӧ! Кор нӧ ме велала?— Ог тӧд, сё шайтӧй... Он кӧ дышӧдчы, регыд велалан. Лыддьы, дитя, лыддьы.

Пекла. Сьӧкыд жӧ, тыдалӧ, коми йӧзыдлы велӧдчыны. Гришукыд тай этша бӧрдліс-а. Тэ моз жӧ вӧлі лыддяс, лыддяс да тінь, сідзи и бӧрддзас, коньӧрӧй: нинӧм тай нӧ шуас, мамӧ, ог гӧгӧрво...»

Иван (читает растягивая). Крестьянин пашет... и т. д... (поднимает голову). Мам!.. Слышишь, мама! Когда же я научусь?— Не знаю, соколик мой... Если лениться не будешь, скоро научишься. Читай, дитя, читай.

Фекла. Трудно же, видно, комилюдям-то учиться. Мало ли Гришенька-то плакал. Как ты, бывало, читает, читает, да так и заплачет бедняжка: почему же, мама ничего я не понимаю...»

Если в «Шонділань!» большое, реальное горе героя — его болезнь и сознание невозможности для него близкого счастья — оказывается менее важным, чем жалостная театральная поза, то драма «Шонді петігӧн...» уже начинается глубоко жизненным в своей обычности, а поэтому — убедительным горем мальчика, стремящегося стать как брат и научиться грамоте, вынужденным на непонятном языке учиться ей; горем матери, 6 лет не знающей ничего о сыне, но защищающей его от отцовского осуждения; наконец — скрытым горем отца, потерявшего надежду на возвращение и близость сына.

Если в «Шонділань!» великодушно-рыцарское предсмертное «освобождение от клятвы» звучит вполне в духе «святой театральной наивности»,

Ада... тэ мун... тэ мун... сэтчӧ, кӧні олӧ югыд шонді... мун... ме тшӧкта... Радейтӧм кузя... мун...

Ада... ты уходи... ты уходи... туда, где светлое солнце... уходи... я велю... Ради любви уходи...

то в «Шонді петігӧн...» гибель замечательного юноши становится более значительной, но еще недостаточно жизненно-правдивой. Виной этому — патетика, с которой в 1919 году еще немыслимо было расстаться молодому драматургу, потому что именно она, в этот трудный час побудила поэта взяться за драму — обратиться непосредственно к самому народу за сочувствием революции и прославить революцию.

Эта драма начинала в коми литературе искусство подлинно-демократическое, искусство борьбы — не развлечения, не надрыва.

Эта романтическая драма впервые в коми литературе провозгласила необходимость определенного характера в художественном произведении и принесла в коми литературу наиболее определенный образ из всех образов периода ее зарождения.

П. И. ЧИСТАЛЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОМИ АССР (1918—1932 гг.)

Свежий ветер Великой Октябрьской социалистической революции рассеял покров темноты и невежества, пробудил сознание людей и вызвал их к активной общественной жизни и деятельности.

В первые же послеоктябрьские годы возникают новые формы самодеятельного искусства, народного музыкального творчества [1]. В 1918—1919 годах повсеместно открываются Народные дома («Нардомы»), организуются культурно-просветительные кружки в селах Корткерос, Помоздино, Вильгорт, Сторожевск, в Усть-Сысольске (Тентюково, Кируль), в волостях Большелугской, Киберской, Пыелдинской и др. Целью этих кружков было содействие культурному и духовному развитию местного трудового народа. Деятельность их протекала в различных комиссиях: лекционной, театральной, народного хора и др., руководила ими местная интеллигенция [2].

С усилением влияния большевиков культпросветкружки от разрешения узких чисто «культурнических» задач переходили к широкой пропагандистской работе среди местного населения [3], выступали с острыми антирелигиозными «куплетами на злобу дня», исполняли революционные песни на русском и коми языках и т. д.

Процесс дальнейшего развития новых форм и методов художественной и агитационно-массовой работы все более активи-

---

[1] Профессиональное национальное (коми) музыкальное искусство начало развиваться позже — в конце 30-х годов, поэтому в данной статье, естественно, освещаются вопросы, связанные с самодеятельным, непрофессиональным музыкальным искусством.

[2] Подробные сведения по данному вопросу см. в газете «Зырянская жизнь» от 11/VII, 3/VIII, 20/X, 4/XII-1918 г. 5/I, 16/I, 12/IV, 2/V-1919 г.

[3] Я. Н. Безносиков. «Первые шаги культурной революции в Коми крае (1918—1920 гг.). «Историко-филологический сборник» Коми ФАН, вып. VI, 1960, стр. 62.

зируется. Перестраивается песенно-музыкальный быт народа: традиционные «войпуки» («вечеринки») уже не удовлетворяют молодежь, она идет на концерты и вечера в народные дома и клубы, сама участвует в работе народных хоров, театральных самодеятельных коллективов.

В это время начинают появляться ростки музыкально-просветительной деятельности среди местного населения. В июне 1918 г. в Усть-Сысольске состоялся концерт русских артистов, сопровождавшийся сообщением музыкально-теоретических сведений по исполненным произведениям русских композиторов. В июле 1919 г. успешно прошел концерт артистов Московской оперы.

Город Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) — хозяйственно-политический центр Устьсысольского уезда — являлся и центром кипучей музыкально-общественной жизни Коми края. Здесь проводились концерты-экспромты в честь отъезжающих на фронт гражданской войны частей и отрядов Красной Армии, концерты-митинги с сообщениями о внутреннем положении страны и призывами к местному населению об активном участии в проводимых кампаниях («Неделя фронта», «Неделя просвещения» и т. п.)[1].

Так, во время союзной «Недели красной молодежи» (с 15 по 21 февраля 1920 г.) рекомендовалось проведение «праздников просвещения молодежи». «Праздник — это вечер, на котором все секции, кружки и студии демонстрируют результаты своей работы,— говорилось в обращении к молодежи.— Можно придать празднику характер конкурса, приурочить открытие новых клубов»[2].

«Культпросветчики» (т. е. члены культпросветкружков) одними из первых откликались на такие призывы: участвовали в коммунистических субботниках, устраивали концерты, показывали спектакли. Вырученные средства направлялись в фонды помощи фронту, просвещения, местным партийным организациям и т. п. Все это способствовало вовлечению широких масс трудящихся в активную общественную жизнь.

Наиболее массовой формой исполнительской деятельности явились повсеместно проводимые вечера коми и русских песен, декламации, постановки — «Коми рыт». В концертах и вечерах принимали участие профессиональный союз музыкантов (духовой оркестр под управлением И. Андронникова), а в бо́льшей мере — любители пения и музыки, объединившиеся в самодеятельные народные хоры, струнные оркестры. Среди них следует отметить Устьсысольские хоры под руководством П. Заварина, И. Покровского и В. Савина, Визингский хор и оркестр балалаечников под руководством Н. Надуткина и М. Арановича.

[1] Газ. «Зырянская жизнь», 29/XI-1918 г. и 17/I-1920 г.
[2] Газ. «Зырянская жизнь», 8/II-1920 г.

Особенной активностью и целеустремленностью отличалась «выездная труппа» артистов-любителей, организованная и руководимая энергичным и вездесущим Виктором Савиным. Вот как оценивает их работу местная газета «Зырянская жизнь»: «За последнее время выездной труппой артистов-зырян был дан целый ряд спектаклей в деревнях уезда.

В течение «Недели фронта» и «Недели красной молодежи» труппа под руководством Н. Виттора (литературный псевдоним В. Савина — П. Ч.) посетила свыше 20 селений, устраивая спектакли и вечера «Коми рыт»[1]. На базе этой труппы в 1921 г. с целью создания самодеятельного народного коми театра был организован «Сыкомтевчук» («Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукӧр»). В репертуаре его были драматические и музыкальные произведения: пьесы, коми народные и современные песни, русские революционные песни.

В конце 20-х годов начинают выходить так называемые «Живые газеты», проводятся тематические «концерты-вечера», которые явились одной из новых форм развития художественной самодеятельности [2].

В ноябре 1921 г. было создано коми областное отделение 'Всерабис'а (председатель правления В. Савин). Организованные при нем театральные труппы (коми и русская) ставили спектакли, устраивали концерты с участием духового и симфонического оркестров. В феврале 1922 г. Усть-Куломским политпросветом была организована первая сельская платная труппа артистов.

Учитывая особую важность общественной и массово-политической работы среди населения, расширенный пленум Коми областного комитета РКП(б) в мае 1922 г. принимает постановление о работе в массах. В нем указывалось о необходимости оживления работы изб-читален, библиотек, клубов, о создании базы для более широкой и целенаправленной деятельности культурно-просветительных кружков. Это постановление сыграло большую роль в расширении культурно-просветительной работы на местах.

Возникают все новые самодеятельные музыкальные коллективы: струнный оркестр в Важгорте (руководитель С. Пятиев), хор и струнный оркестр в Визинге и Усть-Куломе (П. Флоренский), хор и домро-балалаечный оркестр при Усть-Вымском профклубе (Г. Клюев), хор и духовой оркестр при Усть-Сысольском профклубе (В. Савин, И. Оплеснин). С начала 20-х годов включаются в активную работу профессиональные музыканты И. Оплеснин и Н. Забоев, подготовившие много кадров музыкантов-исполнителей и руководившие крупными музыкальными

[1] Газ. «Зырянская жизнь», 10/III-1920 г.
[2] Газ. Удж» («Труд»), 20/IV, 1/V, 9/VII-1921 г.

коллективами в г. Сыктывкаре (хор и оркестр радио, городской духовой оркестр).

Таким образом, организационно-творческие формы художественной самодеятельности были весьма разнообразными и подвижными. Они отвечали духу времени. Возрос масштаб художественных коллективов: вместо единичных культпросветкружков создается широкая сеть Народных домов и изб-читален.

Жизнь, насыщенная революционными событиями, породившая новые формы музыкальной общественной жизни, вызвала и новые формы народного музыкального творчества. Из среды коми народа выдвигается ряд талантливых поэтов и композиторов, они чутко улавливали дыхание современной жизни и, опираясь на традиции народного песенного творчества, начали создавать новые советские массовые песни.

В создании песенных текстов большая заслуга принадлежала коми поэтам В. Савину, М. Лебедеву, В. Лыткину, В. Чисталеву, Е. Колегову, А. Маегову. Несколько позже в общий хор поэтов-песенников вливаются Я. Чупров, И. Симаков и др. В газетах часто отмечались и имена талантливых самоучек, также стремившихся откликнуться на события современной жизни своими песнями. Об одном из таких «самосветящихся огоньков»— Якове Морохине из дер. В. Вочь Усть-Куломского района упоминает «Югыд туй» («Светлый путь» № 10 от 17 I. 1922 г.). Газета «Коми сикт» («Коми деревня») в своем литературном приложении «Коми гижӧм» («Коми творчество» № 2 от 29 мая 1926 г.) публикует рецензию В. Савина на рукописный сборник только что начинавшего свой творческий путь — ныне известного коми поэта — И. Вавилина. В сборнике — более 20 песен (в основном переводных). Одна из них — «Ягын быдмӧ ӧтик пожӧм» («В бору растет одна сосна») бытует и по настоящее время, причем не с рекомендованным автором мотивом «Коробушки», а с другим — по характеру созданного музыкального образа более близким тексту песни. Таких примеров можно было бы привести десятки. Все авторы — от более «маститых» до впервые взявшихся за перо — стремились к тому, чтобы песня поднимала народ на борьбу с врагами молодого советского государства, была в передовых рядах борцов — строителей нового социалистического общества. Эти песни находили отзвук в сердцах людей, волновали их своей злободневностью, революционным пафосом.

Чтобы ускорить процесс проникновения песни в народ, русские революционные и современные массовые песни переводились на коми язык и печатались в газетах под рубрикой: «Песни революции надо знать каждому...» («Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу» и др.) При создании оригинальных поэтических произведений использовались знакомые мелодии популярных русских и коми народных песен. В примечаниях

к публикациям таких стихотворений прямо указывалось на какой мотив (напев) можно их исполнять: «Красный путь» В. Савина — на мотив «Марсельезы», «Том уджалысь йӧз» («Трудовая молодежь») В. Лыткина — на напев «Молодой гвардии», солдатская песня «Ылын, ылын роч Кавказын» («Далеко, далеко на русском Кавказе») Е. Колегова — на мотив «Вдоль по линии Кавказа». На напев песни «Проводы», особенно распространенной в 20-х годах, рекомендовались к исполнению «Менам мамӧ» («Моя мама») В. Лыткина, «Гӧрд солдатӧ муныӧм» («Проводы в красные солдаты») П. Шеболкина, «Дасӧд во» («Десятый год») Г. Федорова и др.

Таким образом, было распето много песен, ставших в последствии весьма популярными в народе. Авторы текстов, правда, не всегда «входили» в музыкальный образ песни-первоисточника, что зачастую приводило к противоречию между содержанием новой песни и характером мелодии, к смешению стилей. Примером могут служить: «Том йӧзлӧн гаж» («Веселье молодежи») и «Чапаев» П. Шеболкина, предлагавшего исполнять их на напевы песен «Среди лесов дремучих» и «Ермак», или «Рытын» («Вечером») И. Симакова на напев «Сама садик я садила». В песенный быт проникали и такие песни, как «Бур батькӧд-мамкӧд олӧм» («Хорошая жизнь с отцом и матерью») М. Лебедева, «Вӧлі шоныд гажа тулыс» («Была теплая веселая весна») Я. Чупрова, «Джуджыд керӧсын» («На крутом берегу») П. Шеболкина. исполнявшиеся на мелодии распространенных в то время песен отнюдь невысокого качества «По Мурманской дорожке», «Понапрасну Ванька ходишь», «Кирпичики». Прав был В. Савин, отметивший такой серьезный недостаток в песнетворчестве, как несоответствие текста напеву.

В ряде случаев творческая переработка напевов и текстов приводила к созданию новых песен, к пополнению национального репертуара. К таким песням можно отнести, например, эмоционально насыщенный, полный душевной теплоты напев «Кутшӧм шоныд да лӧнь» («Как тепло и тихо»— слова М. Лебедева), далеко ушедший от мелодии весьма посредственной затасканной

Пример № 1.

канной песни из обихода мещан-обывателей «Ах, зачем эта ночь». Пример № 1.

Создание **коми современной музыки** (в основном — песни, т. к. других жанров, можно сказать, в то время не было) шло по пути усвоения новых интонаций русской массовой советской песни и проникновения в интонационно-ладовый строй традиционных коми песен. Первым, кто умело претворил это в своем творчестве, был коми поэт и композитор Виктор Алексеевич Савин (1888—1943).

В. Савин, пришедший в литературу стихотворением «Гӧрд звӧн» («Красный звон») в 1918 году, вырос до ведущего коми поэта, драматурга, композитора. Он был и одним из самых активных общественных и музыкальных деятелей. Вся его жизнь была посвящена развитию искусства народа коми.

Ӧунаысь ме сьывлывлі,
Йӧзсянь «аттьӧ!» кывлывлі;
Пӧлянӧн моз чипсася,
Йӧз сьӧлӧмӧ чуксася
Коми сьыланкывйӧн.
...Сьылӧм менам оз на быр,
Кувтӧдз кута сьывны пыр.
Коми йӧзӧс гажӧда,
Шогсӧ налысь пальӧда
Коми сьыланкывйӧн...»

«Песню сердцем вышил я,
И к народу вышел я,
Как в рожок играючи,
Горе разгоняючи
Коми песнею.
...Только песнь не кончится:
Петь до смерти хочется;
Песнею — отрадою
Свой народ я радую —
Коми песнею..»

Так писал он в одном из своих стихотворений, ставшим впоследствии песней «Сьылӧм сьылӧм» («Песня сердца», перевод И. Молчанова). В. Савин внес неоценимый вклад в создание современного песенного репертуара. Только за 15 лет творческой деятельности он написал 73 песни (стиха), сам сочинил музыку к 39 песням. К сожалению, не опубликованные в свое время и утерянные в рукописи, многие из этих песен не дошли до нас. Но и то, что было издано или стало известно через записи от народных исполнителей, является значительным, может быть, не столько по количеству, сколько по богатству мысли, яркости музыкального языка.

В. Савин горячо любил родной край, ему были понятны и близки родные напевы, поэтому талантливые произведения проникнуты национальным колоритом, самобытностью и эмоциональностью. Отсутствие профессиональной музыкальной подготовки, правда, не позволило ему преодолеть ограниченность в музыкально-выразительных средствах и широко раскрыть свое дарование.

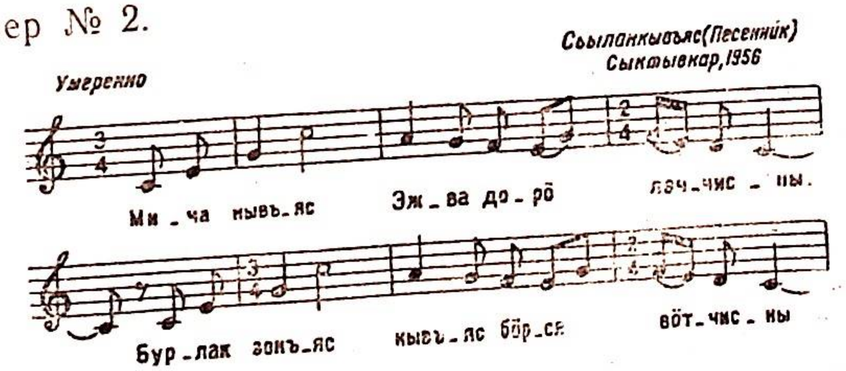
Большинство песен, написанных В. Савиным, благодаря содержательности текста, выразительности, рельефности мелодий, близости их к народным истокам, быстро проникло в быт народа. Так, например, песня «Чужи-быдми сьӧд вӧр шӧрын» («Родился и вырос среди темного леса»), написанная в 1920 году,

широко распевалась не только в Коми области, но и за ее пределами, в частности, в Коми-пермяцком национальном округе: «Сьылісны тшӧтш «Чужи-быдми» неуна мӧд ногӧн лӧсьӧдлыштӧмӧн кытсюрӧ»,— отмечает автор в своих очерках о поездке к коми пермякам в августе 1929 года[1]. Многовариантность, о которой упоминает В. Савин, свидетельствует об активном процессе народного песнетворчества. В результате этого, в ряде случаев авторские песни исполнялись в новой «редакции», причем более близкой к ладово-интонационному строю коми народной песни. Так случилось с одной из первых песен В. Савина «Веж видз вывті муна» («По зеленому лугу иду»— 1919)[2].

Творческий диапазон композитора-мелодиста В. Савина широк: от повествовательных одночастных песен («Чужи-быдми...») — до музыки к своим драматическим произведениям («Крепость»). Его мир музыкальных образов богат и красочен. С разных сторон раскрывается, например, тема молодости: развернутый напев с частой сменой лада и ритма в «Тувсов вой» («Весенняя ночь») своей эмоциональной настроенностью вызывает у нас грустные, но светлые воспоминания о прошедшей молодости, игровой частушечный напев «Аддзысян тай» («Увидимся еще») воссоздает жизнерадостный характер неукротимой, кипучей натуры молодой девушки. Призывно звучит песня-марш «Том войтыр, садьмӧй!» («Молодые люди, проснитесь!»).

Круг созданных В. Савиным музыкальных художественных образов расширяется трогательно-лирической темой в песне широкого дыхания «Югыд кодзув» («Светлая звезда»). Свежими интонациями радостного ощущения новой жизни веет в песне «Ӧтчыд овлӧ» («Однажды бывает»), или как она бытует в народе — «Мича нывъяс» («Красны девицы»). Эта песня привлекает широкой распевностью, позитивностью мироощущения и до сих пор исполняется в народе. Первые фразы этой песни стали позывными коми радиостанции.

Пример № 2.



[1] В. Савин. Коми муын. «Ордым» № 10, 1929 г.
[2] А. Осипов. Виктор Савинлӧн сьыланкывъяс. Журнал «Войвыв кодзув» № 5, 1959, г. Сыктывкар.

В классику коми музыкального искусства вошло много песен В. Савина, среди них шуточная «Туту-руту Семен». Динамический рассказ о непутевом охотнике Семене, с удовольствием поменявшего свадебный пир на охоту, передается энергичным быстро текущим напевом. Смена мелодико-ритмического рисунка и размера напева придают ему характер юмора, народной игры:

Пример № 3.

Лирические песни, близкие к традиционным, дополняются другими произведениями В. Савина, пронизанными интонациями русских революционных и советских массовых песен 20-х годов. Наиболее значительной из них является песня-марш «Варыш поз» («Ястребиное гнездо»), возвышающаяся до высокого гражданского пафоса. Некоторые песни, как «Коми кып» — «Подъем коми» и другие менее удались автору: безликие напевы, лишенные внутреннего содержания и национальных элементов, не были восприняты народом. В данном случае не помогли и современность тематики и внешняя структурная форма песни-марша.

В области перевода русских песен и создания современных коми песен (текстов) работали также поэты Е. Колегов, А. Маегов, В. Лыткин и, особенно, М. Лебедев.

Поэт Михаил Лебедев (1877—1951) обогатил песенный репертуар многими оригинальными текстами, которые быстро распространялись в народе: «Пукала кӧть ветлӧдла» («Хоть сижу, хоть гуляю»), «Коми му кузя ме муна» («Я иду землею Коми») и др. Последняя песня бытовала в нескольких мелодиче-

ских вариантах, наиболее известный из них исполняется и теперь в многочисленных кружках художественной самодеятельности.

Пример № 4

Наиболее широкой известностью в народе пользовались песни Лебедева на знакомые мелодии популярных русских песен. На первых порах это было положительным явлением, т. к. способствовало быстрому распространению современных песен. Частое обращение к такому методу в то же время ограничивало рамки возникновения новых поэтических и музыкальных форм.

Такой процесс создания песен, в который втягивались все новые и новые силы, был характерен для 20-х — начала 30-х годов. Песни поднимали злободневные темы борьбы с невежеством, со старыми пережитками взглядов на семью. Они раскрывали процесс становления нового человека в его борьбе за социалистический быт, образование и просвещение. Большое значение приобретает жанр коротких песен-частушек.

Песня — не единственная форма, имевшая место в народном музыкально-поэтическом творчестве коми. В 1919—20 гг. выходят пьесы в стихах с пением, по определению автора М. Лебедева, «оперетки»: «Мича ныв» («Красна девица») и «Бур ань» («Добрая женщина»). Почти весь стихотворный текст был положен исполнителями на музыку (сочинением оригинальных напевов или подбором подходящих к тексту знакомых мелодий). Участники театрально-музыкальной самодеятельности в крупных хорошо организованных коллективах (г. Усть-Сысольск, сс. Корткерос, Шошка, Керчемья, и др.) быстро поставили и с успехом показывали их населению. В самодеятельных коллективах ставились и другие пьесы Лебедева: «Пӧрысь тун» («Старый колдун»), «Настук» («Настя» — 1918 г.).

Все эти постановки были далеки от совершенства. Один и тот же напев часто служил характеристикой разных действующих лиц; на весь спектакль в ряде случаев приходилось 5–4 напевов. Такая нивелировка приводила к утомительно-скучному однообразию ритмо-мелодического материала. Вот, к примеру, одна из ведущих мелодических линий в «оперетке» «Мича ыыв» в записи от участников первых постановок Сыктывкарского (быв. Кирульского) народного хора.

Пример № 5.

Недостаточный динамизм этой и других пьес Лебедева, отсутствие речитативов, инструментального сопровождения и других необходимых элементов, сдерживало и без того слабо разработанную музыкальную драматургию спектаклей.

Однако эти народные песенно-музыкальные спектакли (к ним можно отнести и театрализованный показ старинной народной свадьбы) сыграли свою положительную роль в развитии жанров народного творчества и в создании традиций для современных народных театров. Они послужили также росту творчески сильных коллективов (Сыктывкарский, Помоздинский народные хоры), выявлению талантливых исполнителей А. Обрезкова (Сторожевск), С. Лопырев (Керчемья), А. Попова (Помоздино), а позже — А. Вежева, Ю. Трошева (ныне заслуженная артистка РСФСР) и др.

Стремление к новому в самодеятельном искусстве выливалось и в такие формы, как создание литературно-музыкальных композиций в виде составления современного по содержанию текста с использованием коми и русских песен (или целиком с текстом, или только мелодий). Так написана «Öксинь» («Аксинья») В. Савина (1925 г.), призывающая коми девушек к новой жизни, к свету. Публикация текста композиции преследовала, кроме того, и другую цель — помочь организовать досуг молодежи в виде проведения содержательных и доступных вечеров.

Положительной стороной композиции является также умелое использование автором напевов и текстов народных песен, введение в композицию монолога (соло), диалога (дуэт), ансамблей и хора. Иногда такие композиции громко назывались «ораториями»[1]: «Ми лоам дась!» («Мы будем готовы!») — оратория-монтаж, «Иналам став вöр» («Сплавим весь лес») — «сплавная» оратория В. Савина (1932 г.) или просто: коллективно-хоровая декламация («Гора омра» — «Звонкая дудочка»). Рекомендовались в том же стиле развернутые сценарии вечеров пения, декламации, игр-постановок. Все эти формы служили средством пропаганды современного, острого и злободневного материала, направляли творческую энергию исполнителей в общее русло строителей нового социалистического общества.

Широкий размах получает фольклорная работа. В 1918 г. в Усть-Сысольске начала работать «Коми комиссия» по собиранию народных песен, сказок, преданий. Активно включается в это дело местная интеллигенция, организуются и направляются в районы специальные фольклорные группы. Особенно плодотворной оказалась совместная поездка В. Савина и П. Анисимова по Вишере летом 1926 г. В результате этого В. Савин опубликовал серию очерков о собирании коми народных песен («Мусюр сайын» — «Висер вожöд коми йöзкостса сьыланкывъяс чукöртöм»). В них имеются интересные наблюдения, зарисовки песенно-музыкального быта вишерцев, кроме того, им приводятся записи коми народных песен с примечаниями о формах бытования и характере их исполнения[2]. П. Анисимов, записавший мелодии песен, впоследствии издает их в виде сборника и отдельных листовок[3].

Большой вклад в коми фольклористику внесли ученые А. Сидоров и В. Лыткин, писатель-фольклорист П. Доронин. А. Сидоров с 1917 года включился в активную собирательскую работу. В 1932 г. он, изучая музыкально-песенный быт Прилузья, первый из советских исследователей обратил внимание на народную инструментальную музыку коми, а впоследствии описал игру на зарчипсанах — парных трехствольных продольных флейтах[4]. П. Доронин, начиная с 1921 года и по сей день, систематически и плодотворно занимается собиранием и изучением коми народ-

---

[1] Это были не «оратории» в подлинном их смысле, как крупные музыкальные произведения для хора, солистов и оркестра, а именно литературно-музыкальные композиции, предназначенные для исполнения на сцене чтецами, солистами и хором; иногда с драматическим сюжетом, а чаще — это стихи и песни, объединенные общей тематикой.

[2] В. А. Савин. Кывбуръяс, поэмаяс, пьесаяс, висьтъяс, очеркъяс. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 1962.

[3] П. А. Анисимов. Коми сьыланкывъяс. М., 1926. 10 песен-листовок. Сыктывкар, 1941.

[4] А. С. Сидоров. Плясовая народная музыка в Прилузском районе у коми (с зарчипсанами). Изв. Коми филиала ВГО, Сыктывкар, 1951, т. I, в. I.

ного поэтического творчества. Сохранились фольклорные з
писи (1925—1929 гг.) В. Лыткина, крупного ученого-филолога
Хорошую инициативу проявили учащиеся Сыктывкарского
педтехникума и студенты Коми государственного пединститута
которые во время каникул отправлялись по деревням и селам
с целью записи фольклора. С 1925 по 1936 год ими собрано
большое количество народных песен и сказок, которые вошли
в рукописный 10-томник, ныне хранящийся в фондах Республи
канского краеведческого музея.

Исследованию народного творчества посвящена небольшая
книжка-памятка Г. Старцева «Коми фольклор»[1].

В 1928 году при Обществе по изучению Коми края создается
«музыкально-этнологическая секция» под руководством боль
шого энтузиаста фольклориста П. Анисимова. Собирание со
временного фольклора поощряется комиссиями, проводящими
конкурс на лучшее национальное произведение (1929 г.). В 1930
и 1931 гг. бюро Коми ОК ВКП(б) принимает специальные ре
шения о дальнейшем подъеме и развитии национальной куль
туры, о проведении культурной революции[2].

Большое значение придавалось публикации собранного
фольклорного материала, а также современных репертуарных
песен. В 1921 г. из печати выходит «Гӧрд пӧлян» («Красная ду
дочка») — сборник революционных (переводных) песен и стихот
ворений В. Савина, М. Лебедева, Е. Колегова. Вслед за этим
Коми книжное издательство выпускает в свет сборники коми
народных песен и распространенных стихотворений коми авто
ров: «Парма юргӧм» («Гудит парма», 1922), «Коми сьыланкывъяс» («Коми песни», 1922). В 1923 году выходит сборник
революционных песен и стихотворений на коми-пермяцком языке
«Гора дзуль» («Звонкий шар»).

Народные и современные песни, а также детский фольклор
публикуются на страницах периодической печати: газеты «Югыд
туй» («Светлый путь») и журналах «Ордым» («Просека»), «Ко
ми просвещенец» (1925—1927 гг.).

Не имея достаточной полиграфической базы, газета «Югыд
туй» умудряется даже печатать песни с мелодиями — с по
мощью особой цифровой системы[3]. Эта инициатива, безуслов
но, принадлежит В. Савину, всеми силами стремившемуся к про
паганде народной песни.

Что бы могли обозначать следующие символические цифры,
точки, запятые?

---

[1] Г. А. Старцев. Коми фольклор, Сыктывкар, 1933.
[2] Газ. «За новый Север», 17/IX-1930 г. и 16/I-1931 г. Журнал «Культурфронт» № 3—4, 1930 г.
[3] См. газ. «Югыд туй» от 24/II-1925 г.

. , , , ; . . , , , :
, 4 4 2 2 1 1 4 4 3 2 1

, , , , . . , , , , , .
4 4 4 2 1 1 4 4 2 1 1 1 ,

Оказывается, это специальный шифр, где цифры с 1 по 4 означают звукоряд до -фа («чистой гаммы» — в данном случае натурального мажора), знаки препинания — длительность нот. За единицу их принята точка, равная «одному удару», т. е. четверти; запятая, точка с запятой и двоеточие равнялись соответственно: «пол-удару» (одной восьмой), «полутора ударам» (трем восьмым) и «двум ударам» (половинной ноте). Для «фермато» — произвольного продления длительности ноты — существовал знак круглой скобки«)». Автор этого шифра предлагал тем, кто знаком с нотами, предварительно выписать зашифрованную мелодию на нотоносец. Мы соответствующей нотацией фрагментарно приводим записанную в с. Пажга песню-сказку «Пӧльлӧн сьыланкыв» («Песня дедушки»).

Пример № 6.

Эта система имела существенные недостатки. Она не определяла ладового соотношения звукоряда, почему автор был вынужден прибегнуть к дополнительной терминологии: до, ре, ми, фа; не были введены метрическая организация звуков, обозначение темпа, пауз. Но с ее помощью все же удавалось донести музыкальные записи до исполнителей, тем более, что учителя школ были знакомы с музыкальной грамотой и могли, в конечном счете, воспроизвести голосом или на инструменте зашифрованную мелодию песни.

В литературном архиве писателя В. Чисталева нам удалось обнаружить разные записи двух коми народных песен: нотная — В. Савиным и цифровая — для балалайки — В. Чисталевым[1], сделанные ими в 1920 г. В. Савин позже неоднократно упоминал о нотных записях песен, о способах переложения и воспроизведения их на балалайке и других музыкальных инструментах[2]. Все это говорит о том, что уже в то время проводилась

---

[1] П. Чисталев. Тима Веньлӧн литературнӧй архивысь. «Войвыв кодзув» № 7, 1960 г.
[2] См. журнал «Ордым» № 8—9, 1927 г.

работа по записи и последующей пропаганде коми народных старинных и современных песен.

В 1926 г. угро-финский отдел Совнацмена Наркомпроса РСФСР в Москве издает первый в советское время музыкальный сборник коми песен «Коми сьыланкывъяс» (составитель и автор переложений П. Анисимов). Этот сборник возник в результате многолетней собирательской работы музыканта-фольклориста П. Анисимова. Значительную часть сборника занимают коми народные традиционные песни, как, например, «Öксинья-пö краса» («Аксинья-красавица»), «Нывъясöй пö нывъясöй» («Девушки, девушки»), «Асъя кыа» («Утренняя заря») и др., современные песни (в основном песни В. Савина) и частушки. В нем опубликованы также переведенные на коми язык русские революционные песни и ненецкие народные песни.

Сборник представлял в то время наиболее полное собрание коми песен, записанных с их мелодиями. Ценность его заключалась и в том, что в нем в основном помещены не случайные, а наиболее типичные, яркие в художественном отношении песни, особенно распространенные в быту коми народа. В то же время сборник страдает неполнотой текстов, отсутствием научной паспортизации; обработка мелодий песен для смешанного (в основном 3-х—4-х голосного) хора выполнена без учета народного многоголосия, порой со слишком усложненной хоровой фактурой и неестественным для коми песен голосоведением.

Коми книжное издательство выпустило ряд тематических сборников, в том числе: «Коми сьыланкывъяс» («Коми песни», 1929 г.), куда вошли песни революции, Красной Армии, современные песни о молодежи, труде, народные песни; «Революционнöй коми сьыланкывъяс», 1931 г.— сборник революционных песен на коми языке (с нотами); «Выль сьыланкывъяс» («Новые песни», 1932 г.)— сборник современных песен коми поэтов. В 1932 году издаются три песни-листовки с нотами В. Савина («Ударная весна», «Трактористка», «Звучники»).

Эти издания в некоторой степени систематизировали разбросанный песенный материал, помогли определению репертуара в коллективах художественной самодеятельности.

Мы проследили небольшой отрезок истории развития музыкальной культуры народа коми. Этот период (1918—1932 гг.) характеризуется коренной перестройкой музыкально-общественной жизни, активным движением самодеятельности, возникновением новых форм народного творчества. Путь становления советского национального музыкального искусства был неизведанным и, несмотря на огромный энтузиазм его творцов, не гладким и не безошибочным.

Современная коми песня того периода, впитавшая в себя традиционные элементы, ростки нового в песнетворчестве и испытавшая на себе положительное влияние русской советской песни, не сумела еще определить свое лицо. Ощущалась разностильность, вызванная отсутствием профессиональных композиторских кадров и некритическим отбором бытующих русских песен, на мелодии которых распевались многие новые по содержанию песни.

Самодеятельное исполнительское искусство во всех его жанрах и формах, музыкальное народное творчество в своем дальнейшем развитии освободилось от ненужных наслоений, добилось новых достижений и явилось основой профессионального музыкального искусства коми народа.

Ф. В. ПЛЕСОВСКИЙ

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ПЕСНИ

В фольклоре коми-пермяков есть все основные жанры, но в отличие от устной поэзии других народов Прикамья и Поволжья, у коми-пермяков большое место занимает эпос, бытующий в форме преданий о героях-богатырях, главными из которых являются Перя-богатырь и его брат Мизя.

Предания о Пере записаны не только среди коми-пермяков, но и среди русских, живущих в Пермской области. Эти записи свидетельствуют о взаимовлиянии, взаимопроникновении в устной поэзии коми и русских. Предания о коми богатырях, бытующие среди русских, говорят также о том, что ассимиляция носителей фольклора не всегда приводит к забвению произведений народного творчества ассимилируемого народа.

Коми-пермяцкие предания достаточно глубоко и разносторонне рассмотрены в работе В. И. Гусева, составителя сборника о Пере-богатыре[1]. В сборнике опубликовано 43 варианта предания. В вводной статье к сборнику составитель показал исторические основы преданий, раскрыл их народность, идейную и художественную ценность, глубокий патриотизм их творцов и воспитательную роль, какую предания имели в прошлом и имеют еще и в настоящее время.

Подобного анализа других жанров коми-пермяцкого фольклора еще не сделано.

Предлагая вниманию читателей настоящую статью, автор ставит задачу дать не только идейно-тематический и образно-поэтический обзор коми-пермяцких песен, но и установить, есть ли что-либо общее в песнях двух родственных народов (пермяков и зырян). И если будет обнаружена близость образов, мотивов, сюжетов в фольклоре родственных народов, то исследователь может более конкретно говорить об оригинальных мотивах, оставшихся в их песнях от периода общности, а также и о влияниях, которым подверглась культура обоих народов после распада этой общности.

[1] Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Кудымкар, 1956.

В фольклоре пермской группы народов большое место занимают произведения, построенные по принципу кумуляции. Краткий обзор этим песням-сказкам нами уже был сделан[1]. В настоящей статье будут рассмотрены песни социально-бытового содержания.

Бытовые песни

Песен, исполнявшихся коми-пермяками на русском языке, записано большое количество. Более ста текстов таких песен предполагал включить в свою книгу о коми-пермяках В. Янович[2]. В сборнике В. Т. Сторожева[3] опубликовано около 40 песен, которые разбиты им на такие виды: игровые, круговые, плясовые, солдатские, свадебные и песни о скоморохах.

Тексты бытующих среди коми-пермяков песен характеризуются в основном как бытовые. Песен балладных, эпических, разбойничьих, ямщичьих, тюремных и т. д. в фольклоре коми-пермяков почти нет. Большое место в фольклоре коми-зырян занимают трудовые песни. К этой группе из пермяцких песен можно отнести песню об обработке льна. Песня эта во многом сходна с русской, и, по-видимому, заимствована[4]. Начинается она рассказом о посеве льна и кончается кройкой холста.

Говоря об этой песне, нельзя, однако, не отметить следующее: в отличие от коми-зырян, которые эту песню также заимствовали[5], коми-пермяки эту песню исполняют в вопросо-ответ-

[1] Ф. В. Плесовский. К вопросу о развитии песен коми и удмуртов. Историко-филологический сборник, вып 7. Сыктывкар, 1962.

[2] Рукопись В. Яновича «Пермяки» находится в архиве ВГО в Ленинграде. Р. 29, оп. 1, № 87.

[3] В. Т. Сторожев. Коми-пермяцкий фольклор. Молотов, 1948.

[4] См. сб. Русские народные песни. М., 1957, № 177. Под дубравою лён-лён.

[5] Записана нами в с. Ужге Койгородского района в 1957 г. Исполняли Турышева Анна Мих. (70 лет), Турышева Евстолия Степ. (73 л.) и Кузнецова Ирина Степ. (59 л.). Поется.

Шабдісö пö вöд кödзимö, кödзимö (2 р.)
Шабдісö пö вöд нетшкимö, нетшкимö (2 р.)
Шабдісö пö вöд ольсалім, ольсалім (2 р.)

и т. д. После каждой строчки поется еще припев:

ой дидела... кödзимö... нетшкимö... и т. д.

Эту песню, по-видимому, также заимствованную от русских, удмурты исполняют немного иначе:

Ми йэтінмэс кизимо вераса,
Пыд тышканым лёгаса, мыжгаса
(припев)
Ми йэтінмэс уримы вераса,
(припев)
Ми йэтінмэс ичкимы вераса.
(припев)

Мы лен сеяли, разговаривая,
Пятками топча, притаптывая
(припев),
Мы лен пололи, разговаривая,
(припев)
Мы лен дергали, разговаривая
(припев)

и т. д. См Архив. УдНИИ, инв. 26, стр. 372. Зап. в дер. Титова Шарканской вол. УАССР.

ной форме: на вопрос, как выполняется та или иная работа, в ответе следует иллюстрация, показ трудового процесса; вот и этак, вот и так лен сеять; вот и этак, вот и так лен дергать и т. д.

Количественно меньше, чем у коми-зырян, у коми-пермяков и песен с эпическим содержанием. Коми-пермяцкий эпос о Пере-богатыре не развился в форме былин. Правда, в сборнике В. И. Гусева опубликован один стихотворный вариант, но составитель признает его как литературную обработку. Действительно, и у коми-зырян эпический фольклор, исполняемый в форме былин, сравнительно небогат.

Кроме прозаических рассказов о Пере-богатыре, у народов коми сохранились эпические песни о полонении девушки татарами. Песни этого цикла у коми-зырян известны широко и в различных вариантах [1]. Вариант этой песни, бытующий среди пермяков, был опубликован 100 лет тому назад Н. Роговым [2]. Этот вариант почти не отличается от основного варианта коми-зырянских текстов, т. е. Роговым опубликован тот вариант, в котором девушка, уводимая в плен черными татарами, просит своих родных выкупить ее, но ей отказывают в этом. Отец, мать, брат, сестра, невестка отвечают, что девушка не стоит коня, лошади, жеребца и приданого.

Люлю кисель	Люлю кисель,
Ӧрина челядь!	Дети Арины!
Вабич гӧгӧр быдваын	На скамьях везде
Лӧк отир пукавӧны,	Злые люди сидят.
Гӧгӧрын и быдваын	Кругом и повсюду
Сьӧд татараяс сувавӧны,	Черные татары стоят.
Мича ныв сетӧны,	Красивую девушку отдают
Псвӧны босьтыны.	В полон увести.
Айиней тэ, айиней,	Отец ты, отец,
Вешты жӧ менӧ.	Выкупи же ты меня.
Нывиньӧй тэ, нывиньӧй!	Доченька ты, доченька!
Мый вывӧ ме вешта?	Чем же заменю?
Айиней, жӧ, айиней,	Отец ты, отец,
Бур мериныт вывӧ.	На хорошего мерина.
Нывиней тэ, нывиней!	Доченька ты, доченька!
Сы дона ачыт абу.	Сама ты того (мерина) не стоишь.
да с. в.	и т. д.

Почти полное текстуальное сходство в песнях обоих народов можно, на первый взгляд, трактовать как наследие, сохранившееся в их фольклоре от общепермской эпохи. Есть, однако, в песне одно важное обстоятельство, требующее объяснения, а именно: упоминание татар. Татары, как известно, непосредственного соприкосновения с коми-зырянами не имели. Набеги татар начались в XIII—XIV вв., а коми жили в это время

[1] Ф. Плесовский. Устно-поэтическое творчество народа коми. Историко-филологический сборник, вып. IV, Сыктывкар, 1958.
[2] Н. Рогов. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб. 1860.

уже в бассейнах Выми, Вычегды, Сысолы, Лузы, Вашки, куда татары непосредственно не доходили. Лишь в некоторых вариантах песен коми (зырян) рядом с татарами фигурируют менчи (манси). Потому все это наводит на мысль о возможности заимствования этой песни зырянами от пермяков. Песня эта у коми-зырян, далее, бытует, судя по большинству записей, в Прилузском, Койгородском, Помоздинском и Усть-Куломском — в ближайших к Коми-Пермяцкому национальному округу районах Коми АССР. Это также говорит в пользу заимствования песни коми-зырянами от коми-пермяков. С уверенностью утверждать это, однако, мы не можем, зная, что татары в более поздние времена символизировали враждебную силу вообще.

Основными группами, определяющими характер лирики коми-пермяцких песен, надо считать песни семейно-бытовые и песни о нужде и горе. Особое место среди них занимают песни о кукушке. Кукушка в этих песнях выступает в роли символа. Символизирует эта птица девушку, ожидающую выдачу замуж.

Коми-пермяцкая поэзия, как и поэзия коми-зырян, как нам уже приходилось говорить [1], бедна оригинальной символикой. Кукушка — одна из немногих птиц, выступающих в этой роли. Другие птицы — ворона, ворон, ястреб, сокол, сорока часто употребляются для сравнений в бытовой речи, иногда даже в качестве метафор. В лирической поэзии они, однако, еще не устоялись в значении символов, хотя отрицать, что дальнейшее развитие народной поэзии приведет к этому, нельзя. Кукушку, таким образом, можно признать, фигурально выражаясь, пертвой ласточкой в системе троп (т. е. в системе метафор, сравнений, символов и т. д.), которая выделена из других птиц в качестве исполнителя определенной роли так называемого действующего лица.

Кукушка, как мы уже говорили, в песнях обоих народов — символ девушки, ожидающей выдачи замуж. Выдача замуж за нелюбимого, предстоящая тяжкая и обездоленная жизнь, порадили сравнение девушки с бездомной птицей. К кукушке обращаются в песнях с просьбой ответить на вопросы: сколько времени еще остается ей быть в девушках; любит ли ее милый парень, назовет ли он ее своей женой и т. д. Во всех песнях явственно звучат мотивы грусти. Особенно тревожит девушку возможность выдачи замуж на чужбину, за незнакомого, за нелюбимого человека. Так же, как ость колосящегося ячменя застрянет в горле кукушки (букв. закроет горло), и птица перестанет куковать,— говорится в одной песне,— также после Петрова дня кончится вольная жизнь девушки [2].

[1] Ф. Плесовский. К вопросу о развитии песен коми и удмуртов. Историко-филологический сборник, вып. 7, Сыктывкар, 1962.
[2] Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество. Кудымкар, 1960, стр. 179.

Тӧдтӧм йӧз да пемыд вӧр пытшкӧ (да ой)
Гортсим иньдасӧ.
Чужӧй нянь дорӧ да нелюбӧй сайӧ (да ой)
Менӧ сетасӧ.
Ог ме понды сэки югыт шор дорас (да ой)
Эстӧн пукавны.
Веж турун вылас да чочком кыдз увтас (да ой)
Другӧс видзчисьны.

Перевод:

К незнакомым людям да в темный лес (да ох)
Отошлют из дому.
К чужому хлебу да за нелюбимого (да ох)
Меня отдадут.
Не смогу ведь больше я у светлого ручья (да ох)
Сидеть вот здесь.
На мягкой траве да под белой березой (да ох)
Ожидать милого.

Коми-зырянские песни о кукушке исполняются в основном во время свадеб. Особенно популярны такие песни в Сторожевском, Троицко-Печорском и Ижемском районах [1]. Указанные песни народов коми по художественным особенностям, по силе воздействия, эмоциональной насыщенности не уступают лучшим образцам лирических песен других народов.

Глубоким лиризмом отличается также песня о девушке, которая размышляет: а не сделать ли скрипку из кедрового дерева; если сделать, то кого попросить играть? А может попросить Филиппа? В конце песни говорится, что петь будет сама девушка [2].

Грустные мотивы, звучащие в лирических песнях пермяков, бесспорно, порождены тяжелой участью коми женщин в условиях патриархального быта, когда женщина была наиболее бесправным членом в семье и обществе.

По бытовым песням пермяков видно, далее, что и положение мужчин-пермяков немногим было лучше. Песни говорят о том, как мало радостных, счастливых минут было в жизни коми-пермяцкого народа. Некоторые песни уже с начала восклицают о горе:

Ой ну да, ой ну да ойнушки,
Прикатили горюшки.
Кыдз ме понда овнытӧ,
Ой вунсӧ джендӧднытӧ?
Ой вунсӧ джендӧднытӧ.
Гажаэсӧ вуннэсӧ,
Гажаэсӧ вуннэсӧ,
Мичаэсӧ ойесӧ?!

Ой ну да, ой ну да ойнушко,
Навалило горюшко.
Как я стану жить,
Дни и ночи коротать?
Дни и ночи коротать.
Веселые дни,
Веселые дни,
Красивые ночи?!

[1] И. Осипов. Висервожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс. Сыктывкар, 1941, ... Войвыв кодзув, 1958, № 1.
[2] SYrjanische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Etymologischem Wörterzeichnis. Von T. E. Uotila. Helsinki -938, s 30.

Трагической безысходностью бедняка навеяна песня, рассказывающая о развалившейся избе, о павшем скоте, о старосте, требующем подать, об описи овец и свиней за неуплату налога.

Подать корӧны бура.
Староста вот вовис.
Мӧдӧ босьны пода,
Баля-порсьӧс гижис.

Подать просят хорошую.
Староста налог принес.
Стал забирать скот,
Овец и свиней описании [1].

Вот другой пример: в песне «Олі ме, тӧждыси пыр» крестьянин безыскусственно и просто поет о своем трагическом положении; не знает он покоя и отдыха, но достатка нет, семья его бедствует, дети голодают, а жена ругает лентяем. Примечательно окончание песни:

Мун жӧ чожжык, умӧль лун,
Менӧ коль, кымӧра ой.
Гажа песня оз понды
Керкуись петавны[2].

Уходи поскорей, ненастный день,
Оставь меня, облачная ночь.
Веселая песня тогда
Будет слышна в доме.

Характерна также песня «Мы в посывке», созданная пермяками-рабочими Кувинского завода и исполняемая ими на русском языке. Песня, названная творцами «Песней новой, песней бравой», рассказывает о мытарствах и страданиях крестьян, отбывающих барщину на Строгановских заводах, описывает то, как рабочие по-бурлацки жили, как им жить не давали, как их обманывала и обсчитывала заводская администрация: «конторщик горбатый, пишичек плешатый»[3].

Мы в посывке дов(л)го жили.
Писенок св(л)ожили.
Письню нову, письню браву,—
По бурв(л) ацки жили.
Нам то жить то не давали —
На совет гоняли.
На совет, совет гоняли,
Совет совешшали.
Мы советик совешшали
Сук(х)ари сушили.
Мы сукарики сушили,
Сумы набивали.
Эти сумы набивали
Ремнем зашивали.
Сумы да ремнем зашивали;
Коней поимали;

Мы да коней поимали,
Ямщичка выбрали.
Мы да ямщичка выбрали,
Коней ворочати.
Коней, коней, ворочати,
Пек(х)отой шагати.
Велики ли эти версты
Ознобили персты.
На ю(у)горе косогоре
Стояв(л)а контора.
Конторушка новой, бравой,
Конторщик горбатый,
Что конторщичек горбатый,
Пишшичек плешатый.
Они пишут на г(б)умагу,
На тонку листочик.
Нам сулили буйну пв(л)ату,
Нам дали в(л)оплату.
Нам дали лопату.

[1] В. И. Субботин. Коми сьыланкыввез. Изд. НКПроса, 1927, № 24.
[2] Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество, Кудымкар, 1960, стр. 175.
[3] По сообщ. Яновича, записана им (с голоса) крестьян Верх-Юсьвинской волости Соликамского уезда Федора Мехоношина на Кондовском руднике Кувинского завода того же уезда. Архив ВГО, Р. 29, оп. 1, № 87, стр. 190—191.

Канаву копати,
Руду добывати.

Наиболее популярной бытовой песней у коми-пермяков, судя по количеству записей и публикаций, является песня о парне, пытающемся сбежать из дому. Причина бегства — в неприязни родителей к своему сыну. Большая сила воздействия, которой обладает песня, достигается, как и в других пермяцких песнях, не яркими эпитетами или метафорами, а перечислением мелких деталей, подробностей о поступках героя.

Песня не поясняет, почему парня не любят родные. Певцов, по-видимому, привлекала грустная картина полного одиночества из-за обид и несправедливостей, которые пермяцкой молодежи приходилось испытывать даже в родной семье. У песни нет даже определенного конца, т. е. рассказа о конечной судьбе парня: во всех вариантах она кончается рассказом о поисках родителями ушедшего из дому сына, просьбой вернуться обратно и т. д.

Ае да мамӧ оз любитӧ,
Сое да вокэ оз радейтӧ.
Босьта ме, босьта котомочкасӧ,
Босьта ме, босьта бедьсӧ киям,
Муна ме, муна кузь туй кузя,
Вокта ме, вокта сед вӧр шӧрӧ,
Пукся ме, пукся вапыт коз увтӧ,
Босьта ме, босьта кусок нянь котомкаысь,
Понда ме сӧйны — нивышны ог вермы,
Муна ме, муна шор кошшины,
Вокті ме, вокті керӧс дорӧ,
Сэтӧн ае да мамӧ ва кузя
Пыжьен уены.
Пыжьен уены да менӧ кошшены,
Менӧ кошшены да гортӧ бергӧтӧны:
Берт, пӧ, тэ берт, зоніней, гортӧ [1]

Отец и мать не любят меня,
Сестра с братом не любят меня.
Возьму я, возьму котомочку,
Возьму я, возьму палку в руки,
Пойду я, пойду по длинной дорожке,
Приду я, приду в темный лес,
Сяду я, сяду под разлапистой елью,
Достану я, достану кусок хлеба из котомочки.
Стану я есть — проглотить не могу,
Пойду я, пойду искать ручей.

Пришел я, пришел к крутому берегу,
Вижу там отца и мать:
На лодке плывут.
На лодке плывут, меня ищут,
Меня ищут да домой зовут,
Вернись ты, вернись, сынок, домой.

В грустные тона окрашена и сравнительно небогатая любовная лирика на родном языке у коми-пермяков. Так, в песне о встрече с любимой — «Пемыт ойӧн» (Темной ночью) преобладает надрывный драматический тон. «Темной ночью мать меня родила, с семи лет холст без ниток ткать заставила,— сетует на свою судьбу парень.— Сяду я на берег реки и печаль будет веять в сердце. Парень в отчаяньи собирается покончить с собой.— Тогда и жизнь моя кончится, а сердце Анисьи разорвется с печали»[1].

Бытовая лирика коми-пермяков характеризуется, таким образом, тем, что преобладающими в них являются мотивы грусти и печали, горя, нужды. Значение этих песен для современности в том, что они помогают глубже уяснить условия жизни трудящихся в прошлом. Эти песни в прошлом играли немалую роль. Показывая социальную и семейно-бытовую неустроенность, несправедливость в отношении к трудящимся, угнетение их — эти песни возбуждали протест против царивших в прошлом свинцовых мерзостей. Правдивый рассказ об условиях жизни, показ картин социального гнета неизбежно порождал желание изменить такие порядки, такие условия, такой строй.

Пели пермяки, однако, не только грустные песни. Минуты веселья, выпадавшие на их долю, непременно сопровождались веселыми, жизнерадостными песнями, полными юмора, веселых шуток, игривых намеков. В праздники, на свадьбах молодежь вела хороводы, пела плясовые и игровые песни. Правда, шуточные, плясовые, игровые и хороводные песни пелись преимущественно русские. Количество таких песен было весьма значительным. Судя по сборнику Сторожева, такие песни составляли около половины всех песен, исполнявшихся пермяками на русском языке. Но пелись такие песни и на родном языке. Примечательной особенностью их является шутка, насмешка, юмор. Такова, например, песня о молодежи, устраивающей после веселой пирушки свидания у картофельной ямы[2], задорная, шуточная песенка «Ичетик Иванок» («Маленький Иван»), рассказывающая о парне, который подобно птичке крутится около девушки, безуспешно пытаясь поцеловать ее[3], песни о встречах влюбленных, о посещениях парнем девушки[4] и т. д. Шуточно-сатирическая песенка «Маминей, маминей»[5] иронизирует над попыткой девушки обмануть свою мать, чтоб скрыть свою беременность. Песня эта известна и у коми-зырян. Решить, кто у кого ее заимствовал, не представляется возможным. От-

---

[1] Архив ВГО. р. 29, оп. 1, № 87. Сходные варианты опубликованы П. А. Володин. Песни пермяков. 1887, № 1, ж. Московитянин, 1897, № 1; в русском перев. В. Шишонко. Пермская летопись, IV период, стр. 613; Н. Рогов. Опыт грамматики коми-пермяцкого языка. СПб, 1860; Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество, Кудымкар, 1960, стр. 178.

[1] В. И. Субботин. Указ. сб; сб. Коми песня. Составитель М. Д. Вавилин; Кудымкар, 1959; Коми пермяцкӧй народнӧй... Кудымкар, 1960, стр. 179.

[2] Архив ВГО. Р. 29, оп. 1, № 87 (архив Яновича).

[3] Там же, стр. 193

[4] Архив ВГО. Янович В. Пермяцкие песни с русским переводом. Р. 79, оп. 1, № 91 (Воге веччем, вэв кутэм); Архив коми-пермяцкого окружного музея в Кудымкаре, Инв.—25. Обследование деревни, сбор произведений народного творчества. Н. Коса (Кытӧн менам любушка). П. А. Вологдин. Песни пермяков. Мелодии и тексты, записанные в Соликамском уезде. Пермь, 1887, (Кумушка менам). Записана на Пихтовском железном руднике, Кувинской волости. Н. Рогов. Опыт грамматики коми-пермяцкого языка, СПб, 1860. (Пеганукӧ кута).

[5] Н. Рогов. Указ. работа (Маминей, маминей); Архив ВГО. р. 29. оп. 1, № 87, текст № 98 (Маминей, маминей);

метим лишь, что дерзкий ответ девушки на расспросы матери — «Сколько имела дружков?»—«Сорок пять» — в зырянских песнях не встречается[1].

Заслуживают еще быть отмеченными приемы создания комической ситуации в коми-пермяцких песнях. Так, в песенке «Маленький Иван» это достигается включением рифмующегося рефрена «Тӧрӧкан абу ован» («Таракан — не жилец»)[2] в песню о веселой пирушке — мнимой боязни леса: как бы медведь не съел, как бы белка не загрызла[3]. В песенке о Моке, поймавшем птичку, встречаем комичный эпизод щупания: отец и мать Моки пытаются узнать — с яйцом ли птица[4]. Шуточно-юмористический характер имеют и величальные песни пермяков. Приводим один характерный пример из этой группы песен. Песня эта у пермяков весьма распространена.

Басӧк нылка волькыт юра, волькыт юра,
Волькыт юра, кузь чикися, кузь чикися,
Кузь чикися, алӧй лента, алӧй лента,
Алӧй лента, чочком йӧрнӧс, чочком йӧрнӧс,
Чочком йӧрнӧс, лӧз дубаса, лӧз дубаса,
Лӧз дубаса, гӧрд запона, гӧрд запона,
Гӧрд запона, сера йыа, сера йыа,
Сера йыа, чочком чулки, чочком чулки,
Чочком чулки, сьӧд чаркиа, сьӧд чаркиа[5].

Красивая девушка с гладкими волосами (букв. с гладкой головой),
с гладкими волосами
С гладкими волосами, с длинным бисером, с длинным бисером.
С длинным бисером, с алой лентой, с алой лентой,
С алой лентой, в белой рубашке, в белой рубашке,
В белой рубашке, в синем дубасе, в синем дубасе.
В синем дубасе, с красным запоном, с красным запоном,
С красным запоном, с пестрым поясом, с пестрым поясом,
С пестрым поясом, в белых чулках, в белых чулках,
В белых чулках, в черных туфлях, в черных туфлях.

Частушки

Коми-пермяцкие частушки, хотя записано их еще немного, содержат, как и русские частушки, не только рассказы о любви, ревности и т. д., но и критику отживающего, старого, высмеивают пережитки прошлого в быту.

Говоря о частушках, надо отметить, что широкое бытование их у пермяков отмечалось уже в начале нашего века. Об этом

[1] И. Осипов. Р. Висервожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс. Сыктывкар, 1941, № 24.
[2] Архив ВГО. р. 29, оп 1, № 87, стр. 193 (Тӧрӧкан тэ, тӧрӧкан).
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Архив. Рес. музея в г. Сыктыкаре. Инв. 200, стр. 444. Запись студентки Коми пединститута Мининой в дер. Чазево, Косинского р-на в 1935 г. Аналогич. текст наход. в Архиве ВГО, р. 29, оп. 1, № 87, опублик. сб. Коми песня. Кудымкар, 1959, состав. М. Д. Вавилин; в сборн. Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество. Кудымкар, 1960, стр. 165.

мы можем судить по рукописному сборнику В. Яновича, хранящемуся в архиве ВГО. Называется он «Пермяцкие песни с русским переводом». Приводится в нем песня, записанная Яновичем в с. Юсьва:

Аннушка Бористовка,
На картинке писана,
Не чернивом, не пером,
Из воканки спомоем.
Ты, тятя, купи коня,
Я буду кататься.
Ты, мама, жени меня,
Не буду шататься.

К этой песне В. Янович дает следующее характерное примечание: «Последняя песня, будучи местной заводской, ничего, слава богу, общего с обыкновенными заводскими песнями, кроме мотива, не имеет. Привожу ее, чтобы читатель мог увидеть высказанную в песне причину ранних браков среди пермяков»[1].

По понятным причинам Янович не приводит частушек социального характера — «Обыкновенных заводских» (Янович был начальником земской управы). Кроме этой песни, далее, автор включил в сборник одну частушку на коми-пермяцком языке, почему мы и говорим, что частушки у коми-пермяков возникли раньше, чем у коми-зырян. Текст этот таков:

Додо горотэ мунэ,
Писня горэтэ сивэ:
Додо, Додо, Додо, Додо,
Додо, Додо, Додо, Додо[2].

Федор в город едет,
Песни громко поет:
Федор, Федор, Федор, Федор,
Федор, Федор, Федор, Федор.

К сожалению, частушками в Коми-Пермяцком округе долго никто не интересовался. От двадцатых годов в записи остались лишь следующие частушки:

1. Нижнӧй Косан олӧ отир,
   Сылӧ сёйны нем абу.
   Кыдзи локтӧ ыджыд празник,
   Сідз и вина юӧны.
2. Пемыд вӧрын, сьӧд вӧр шӧрын
   Коми отир олӧны.
   Сьӧд нянь вексӧ сёйӧны,
   Чорыт дӧра ноллӧны.
3. Ог ме ноллы, ог ме ноллы
   Чочком чвета чышансӧ,
   Ог ме любит, ог ме любит
   Деревенскӧй зонкасӧ.

В нижней Косе люди живут:
Есть самим нечего.
Как приходит большой праздник,
Так и водку хлещут.
В темном лесу, в глухой тайге
Люди коми живут.
Черный хлеб только едят
И суровый холст носят.
Не ношу я, не ношу
Белый платок.
Не люблю я, не люблю
Деревенского парня.

Лишь в сороковые годы частушки пермяков стали появляться в печати[3]. В последнем сборнике коми-пермяцкого фолькло-

[1] Архив ВГО. Разряд 79, оп. 1, № 91. 1903 г.
[2] Там же.
[3] Сб. Частушкаэз. Комипермгиз. 1947

ра опубликовано свыше 80 частушек. В этот сборник вошли также частушки и из изданного ранее сборника [1].

Как и в песнях, в частушках пермяков находим сходные произведения с коми зырянскими частушками [2]. Приведем несколько таких примеров. Такие частушки, как:

Кымӧр кайӧ, кымӧр кайӧ,
Ог тӧд, зэрас али оз,
Милӧй локтӧ, милӧй локтӧ,
Ог тӧд, кежас али оз.
Кӧні тэ, кӧні тэ,
Кӧні тэ гуляйтан?
Кӧні тэ, муса милӧй,
Вильсӧ завлекайтан?
Ой том кыдзӧй, том кыдзӧй,
Томӧн тай пӧрӧтӧмась.
Ой, том нылӧй, том нылӧй,
Томӧн тай ылӧтӧмась,

Облако идет, облако идет,
Не знаю, задождит ли,
Милый идет, милый идет,
Не знаю, завернет ли.
Где ты теперь, где ты теперь,
Где ты теперь гуляешь?
Где ты, дорогой мой милый,
Другую завлекаешь?
Ой, молодая березка, молодая березка,
Рано тебя срубили.
Ой, молодая девушка, молодая девушка,
Рано обманули.

поются почти повсюду и в коми-зырянских деревнях, и являются, по-видимому, заимствованными от коми-зырян.

Частушки пермяков и по тону и по тематике прямо противоположны традиционным, дореволюционным бытовым песням. Частушки пермяков убедительно свидетельствуют о том, что этот народ, прежде забитый и угнетенный, обрел крылья в годы советской власти. Не о нужде и горе поет пермяцкая молодежь, о радостном и свободном труде, об энтузиазме, с которым она борется за достижения все новых и новых побед на пути строительства социализма и коммунизма. Частушка, говоря о новой жизни, отмечает:

Луннас ыб вылын уджалам,
Рытнас кывзам музыка,
Бура олам мийӧ талун,
Ашын пондам бурджыка.

Днем работаем в поле,
Вечером слушаем музыку,
Хорошо живем мы сегодня,
А завтра будем жить лучше.

Девушка-пермячка заявляет в частушках, что любит она только труженика (Ме любита, ме любита только уджалісьӧс); отвергая ухаживания парня, говорит ему, что милый ее — комбайнер (Ме мӧдікӧс любита, менам милӧй — комбайнер); она не без гордости заявляет, что милый ее выучился на инженера и работает в городе:

Милӧй Перемын велӧтчис,
Лоис инженерӧн,
Ӧні сія городын
Машинаэз керӧ.

Милый в Перми учился,
Стал инженером.
Он теперь в городе
Делает машины.

[1] Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество, Кудымкар, 1960, стр. 201—210.
[2] Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пӧслӧвичаяс. Сыктывкар, 1956.

Пермячки с гордостью говорят и о том, что доярка и зоотехник стали почетными профессиями в деревне (Ме доярка ӧні ачым, зоотехник — милӧйӧ).

Тракторист стал почетным человеком коми-пермяцкой деревни, и девушка гордится тем, что именно ее любит тракторист.

Босьті платье гӧлубӧйӧ,
Босьті кофталӧ батист,
Менам милӧйӧ, любӧйӧ
Ӧні лоис тракторист.

Купила голубое платье,
Купила батисту на кофту.
Мой милый, любимый
Теперь стал трактористом.

Частушек о любви и у коми-пермяков значительно больше, нежели частушек на другие темы. Примечательной особенностью этих частушек является то, что они искренне, с предельной четкостью и ясностью говорят о глубоком и чистом чувстве, о переживаниях молодежи, как девушек, так и парней. И в пермяцких частушках о любви слышны иногда мотивы ревности, грусти, измены и т. д. Но, в отличие от традиционных песен, нет в этих частушках надрыва, пессимизма, одиночества. Большую социальную значимость среди современных коми-пермяцких частушек имеют сатирические частушки. Они не менее поэтичны, чем частушки о любви. Приводим только два примера.

Ой, милёнок, тэ милёнок,
Кутшӧм стыд, кутшӧм позор:
Ми ударнӧя уджалам,
Тэ лунтыр ныръштан гор.
Уна вунді, уна вунді —
Некинлӧ мерайтны:
Бригадирыс мунӧма
Логгезӧт гуляйтны.

Ох, миленок, ты миленок,
Какой стыд, какой позор:
Мы работаем ударно,
Ты же спишь по целым дням.
Много жала, много жала —
Некому обмерять:
Бригадир наш ушел
Гулять по оврагам.

Приведенные примеры показывают, что коми-пермяки поют частушки на родном языке и социальные, и сатирические, и любовные. Частушки пермяков отличаются глубоким лиризмом и яркой поэтичностью. По композиции, по размеру и ритмике частушки коми-пермяков сходны с русскими, основные композиционные приемы их построения — противопоставление, художественный параллелизм и развитие одной мысли, т. е. те же приемы, что характерны для русских и для коми частушек.

Сравнительно небогатый песенный репертуар на родном языке у коми-пермяков значительно пополнился в годы советской власти. Большой популярностью пользуются здесь песни, сочиненные поэтами республики Коми. Судя по сборникам песен, в 20—30 гг. некоторые стихи Савина вошли в песенный репертуар коми-пермяцких певцов [1]. Немало песен было написано

[1] См. Сборник коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество, Кудымкар, 1960. В сборник включены: Чужи-быдми; Ӧтпыр овлӧ В. А. Савина; Джуджыд керӧсын М. Лебедева.

и местными поэтами[1]. Пермяцкие поэты, кроме того, перевели немало русских песен на родной язык.

* * *

В заключение краткого обзора коми-пермяцкой народной лирики мы можем сказать, что она представляет несомненную историческую и художественную ценность. Песни пермяков показывают, в каких тяжелых условиях жили трудовые массы этой национальности. И, несмотря на это, народ создал произведения, обладающие большой силой эмоционального воздействия. Эмоциональность песен коми-пермяков достигается не только и не столько системой троп — метафорами, эпитетами, сравнениями, сколько реалистическим показом характерных сторон быта, поступков лирического героя.

По тематике и композиционно-художественным приемам песни коми-пермяков представляют собой очень близкие варианты песен коми-зырян. Основные композиционные приемы песен коми-пермяков — повествовательность, ступенчатое сужение образа (чаще встречающееся в песнях любовных). Специфические особенности песен коми-зырян — частичный параллелизм, так называемый цепной параллелизм, обобщенные формулы, диалог — в песнях коми-пермяков не встречаются.

Общим наследием от общепермской эпохи, сохранившемся в фольклоре обоих народов, надо признать песни-прибаутки и некоторые песни бытового содержания. Развитие коми-пермяцкой песенной лирики шло тем же путем, которым шло развитие лирики коми-зырян. Отсутствие параллелизмов в пермяцких песнях мы объясняем забвением трудовых песен импровизаций. В отличие от коми-зырян, усваивавших в течение веков художественные приемы русских песен,— символику, систему эпитетов и использовавших их при создании своих, оригинальных песен, пермяки ограничивались включением в свой репертуар русских песен. Отбирали из них те песни, которые наиболее соответствовали условиям их жизни и их потребностям.

[1] См. коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтическӧй творчество, Кудымкар, 1960.

Е. С. ГУЛЯЕВ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Сравнительным языкознанием установлено, что современные коми языки (зырянский и пермяцкий) и удмуртский язык в прошлом, еще в первом тысячелетии нашей эры, составляли единство, и предки коми и удмуртов говорили на одном общепермском языке, имели общий словарный фонд.

Анализ словарного состава пермских языков, проведенный рядом исследователей-компаративистов, показал, что значительная часть лексики, которой пользуются современные коми и удмурты, является общей, и ее следует рассматривать как наследство общепермского языка-основы. Доля общего словарного фонда составляет, как показали разыскания проф. В. И. Лыткина[1], приблизительно 80% корневых слов современных коми и удмуртского языков.

Однако работу по выявлению древних общепермских слов в современных пермских языках никак нельзя считать законченной. На территории республики и за ее пределами[1] в последнее время ведется довольно интенсивная исследовательская работа по собиранию диалектной лексики, которая может существенно расширить наши представления об общепермском словаре.

Предлагаемые заметки представляют собой попытку использовать новые лексические данные и найти параллели некоторым коми словам из удмуртской лексики. Часть рассматриваемых здесь слов была выявлена лишь в последние годы, поэтому она, естественно, почти или совсем не рассматривалась в литературе.

Основой для сопоставления коми и удмуртских слов являются их фонетические соответствия, а также общность их значения. В данной статье мы опираемся на звукосоответствия, которые представлены в нижеследующей таблице.

[1] В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.

[2] В 1959 году изучением говора ижемских коми в Зауралье и на Кольском полуострове занималась диалектологическая экспедиция Коми филиала АН СССР (см. «Историко-филологический сборник» Коми филиала АН СССР. Выпуск 6. Сыктывкар, 1960).

Звукосоответствия		Примеры	
коми язык	удм. язык	коми слова и их значения	соответствующие удмуртские слова
а	а	*ай* „отец", *казь* „сеть"	*айы, казь*
.	у	*адас* „постать", *пань* „ложка"	*удыс, пуныы*
'	ӧ	*чаль* „мизинец", *баксыны* „мычать"	*чӧлыы, бӧксыны*
и(йи)	ы(йы)	*ид* „ячмень"	*йыды*
и(йи)	у(йу)	*йи: йики* „ость злаков"	*ю (йу)* „посев, жито"
о	уа	*кор* „лист", *коньӧр* „жалкий"	*куар, куанер*
.	у	*озыр* „богатый", *кольта* „сноп"	*узыр, культо*
.	ы	*коз* „ель"	*кыз*
.	ӧ	*шом* „закваска"	*шӧм*
ӧ	ӧ	*нӧк* „сметана", *ӧд* „скорость, сила"	*нӧкы, ӧды*
.	о	*кӧрт* „железо", *ӧжын* „долото"	*корт, ожон*
.	а	*кӧвтны* „ловить бреднем"	*калтыны*
.	э	*кӧнтар* „тетерка"	*кентур*
.	у	*ӧкмыс* „девять"	*укмыс*
э	э	*небыд* „мягкий", *кельыд* „бледный"	*небыт, кельыт* „рыжий"
.	и	*вем* „мозг", *пес* „дрова"	*вим, пис*
.	о	*керка* „изба", *эскыны* „верить"	*корка, оскыны*
.	у	*сэтӧр* „смородина"	*сутэр*
.	а	*эновтны* „забросить" *эзысь* „серебро"	*аналтыны, азвесь*
у	у	*мудӧд* „насыпь", *тури* „журавль"	*мудэт, тури*
.	ы	*юр (йур)* „голова", *куйӧд* „на воз"	*йыр, кыед*
ы	ы	*кык* „два", *кыд* „отруби"	*кык, кыд*
.	и	*сысъявны* „цедить"	*сісъяны*
р	дз[1]	*руч* „лиса", *роч* „русский"	*дзичы, дзуч*
ч	т	*чеччавны* „прыгать", *чер* „топор"	*тэтчаны, тір*

На основе приведенных звуковых соответствий представляется возможным рассматривать словами общепермского происхождения следующие лексические единицы коми языка:

[1] По полиграфическим причинам удмуртские аффрикаты здесь передаются средствами коми графики, т. е. сочетанием букв **дз, тш, дж.**

1. кз.[1] *азь* «закваска для похлебки; ботва», *азьгум* «борщевик (дудчатое растение)», кп. кс. *азьгум* «борщевик», кп. (Рогов) *азь* «квашеная капуста, употребляемая для щей», удм. *узьыгумы* «дягиль лесной» (*гумы* «полый стебель растения»).

2. кз. уд. *альны: вотысыс альӧма* «ягод очень много», *пувйыс альӧма* «брусники очень много; хороший урожай брусники», удм. *аляны* «распространиться; разрастись (о поросли)».

3. кз. сс. (Паджга) *бериктыны* «перевернуть игральную кость *(шег)*», удм. *берыктыны* «перевернуть, перелицевать».

4. кз. *варс «гной;* сукровица», удм. *варсь* «сусло», (Видеман) *варсь* «Blutwasser».

5. кз. *весйӧд* «перегородка; загородка из жердей, например, в хлеве», кп. *везйӧт* «перегородка», удм. *висъет* «комната; перегородка», *висъяны* «перегородить, отделить».

6. кз. вым. *дзез: турун дзез* «кузнечик» (*турун* «трава»), удм. *дзоз,* сев. *дзозы* «кузнечик».

7. кз. охотн. *идны, йидны* «лущить, выбирать семена из шишек, есть (о белке)», *идас* «корм белок (например, семена шишек)», удм. *юдыны* «крошить, мелко резать», *юдэс* «кусок (отрезанная часть чего-л.)».

8. кз. *йигны, игны* «бить, ударять жердью по дереву (чтобы вспугнуть белку)», кз. (Г. С. Лыткин) *йиг* «жердь», кз. *иган, йиган* «жердь; засов, щеколда», кп. кс. *иган* «засов», удм. *йыганы* «стучать, бить, колотить».

9. кз. *йигравны* «искать на ощупь», *йигӧр* «ощупывание, ощупь», удм. *йыгыръяны* «осязать, ощупывать», *йыгыри* «наощупь», *ки йыгыриен утчалы* «искать на ощупь».

10. кз. уд. *кес* «щипцы», *сакар кес* «сахарные щипцы», удм. *кис* «тиски; клещи, щипцы».

11. кз. *кисьлӧс* «дранка, дрань, колотые доски», удм. *кислэс,* (Видеман) *кисьлэс* «кряж (обрубок дерева)».

12. кз. нв. вым. *козаоз,* печ. *козаоль,* вс. *кузаль* «северюха (мужское соцветие ели)», кп. (В. И. Лыткин) *козоль* «северюха», удм. *кызаузы,* средн. *кызалзи* «северюха».

13. кз. *-кол, -ков: войколӧн* «с ночевкой», *войков* «время с ночевкой» (*вой* «ночь»), кз. вв. иж. печ. *лунколэн* «на день» (*лун* «день»), кз. вв. (Устькулом) *аскоо (<аскол)* «утренник, утренний мороз» *(ас-, асыв* «утро»), кп. кс. *ойкӧл, ойкӧлӧн,* «с ночевкой» удм. *кӧл-: кӧланы* «ночевать, спать», *кӧлыны* «спать, переночевать». В общепермское время слово *кол (кӧл)* означало, по-видимому, «время; часть суток», например, *лункол* возник из *лун-кол* «светлое время суток; день».

14. кз. вв. *коньӧ, конюк* «теленок (ласкат.)», *коньӧяс лудысь локтӧны* «телята идут с пастбища», удм. *кунян* «теленок».

15. кз. *корсавны* «сохнуть, сушиться на ветру», *корсӧдны*

[1] Список условных сокращений дается в конце статьи.

«сушить», удм. *куарсаны* «завянуть (о листьях растений)», *турын куарсатыны* «сушить сено».

16. кз. иж. (Обь) *кот: котку* «брюшина» (*ку* «кожа»), кп. кс. *кӧта* «стельная», удм. *кӧт* «живот, желудок».

17. кз. вв. (Локчим) *кӧй* «мелкий белый червяк (в мясе)», удм. *кей* «моль», *кей сиiз* «моль изъела».

18. кз. вв. (Устькулом) *кӧл: весиг кӧлӧ эз вайлы* «даже не упомянул; даже не напомнил», удм. *кал: кал бырыны* «изнемочь (например, от жары)», *калэ вуыны* «дойти до какого-либо психологического состояния», *эктон калэ вуи* «захотелось плясать». Общепермское слово *кӧл (кал)* сохранилось лишь в фразеологизмах коми и удмуртского языков. В свое время оно обозначало, вероятно, «способность соображать и чувствовать». К этому же комплексу относится, по-видимому, слово *кал* в фразеологизме *абу ас кал вылас* «он не в своем уме; проявляет умственную слабость», зафиксированном на нижней Вычегде (с. Зеленец). Как можно заметить, в этом фразеологизме фонетический облик рассматриваемого слова ближе к удмуртскому, нежели к верхневычегодскому варианту *кӧл*. Аналогичное прослеживается в некоторых других словах (ср. кз. вв. сс. *керны,* кп. *керны,* но нв. уд. *карны,* удм. *карыны* «делать»).

19. кз. *кӧнасьны* «пригореть; прикипеть», удм. *кунаны* «становиться затхлым, прогоркнуть», *кунам* «затхлый, прогоркший».

20. кз. сс. (Вотча) *кӧт: муыс паччӧр кодь кос, ва кӧт абу* «земля совершенно сухая, не содержит ни капли влаги», нв. *кӧта, ва кӧта* «влажный, содержащий влагу», удм. *кот* «мокрый, сырой, влажный», *зоркот* «непогода» (*зор* «дождь»), *ылькот* «сырость» (*ыль* «сырой, мокрый»).

21. кз. л. (В. И. Лыткин) *кӧчат* «уключина», удм. *кечат* «накрест», *кечатпу* «могильный крест; виселица».

22. кз. *кыдны,* иж. *кыдооны* (<кыдалны) «порваться по краю, рваться (при шитье кожи; при починке валенок и т. д.); расползтись (о ткани)», удм. *кыданы* «распускаться (о вязаных вещах)».

23. кз. *лӧльӧ* «улитка; гусеница», *рак лӧльӧ* «улитка (в ракушке)», кп. *лӧль, льӧлё, ляля* «улитка», удм. *люльы: куаллюльы* «улитка» (*куальым* «раковина, ракушка»).

24. кз. вв. сс. иж. л. *лӧс, лӧск* «подволока, темный чердак», нв. (Айкино) *лӧс* «горизонтально расположенные бревна (два или четыре), которые связывают и скрепляют жилую часть дома с пристройкой (сеновалом), при этом один конец бревен покоится на задней стене сеновала, другой же заходит вовнутрь темного чердака», удм. *лӧс* «подстав, подклад (под скирды); леса строительные». Можно полагать, что в общепермское время слово обозначало «жердь, брус в хозяйственных сооружениях». *Лӧс,* возможно, имеет соответствия в дальних родственных языках (ср. мар. *лепш* «походная люлька у древних марийцев», морд. *лався* «полка» и т. д.).

25. кз. *льӧль, льӧльӧ,* кп. *льӧль,* удм. *лёлё* «молоко, молочко (детск.)».

26. кз. вв. *моз* «ледяная корка на снегу (после дождя); гололёд», удм. *муз* «поверхность под ногами (пол, земля)».

27. кз. нв. (с. Айкино) *мур: уль мурӧн муръявны* «стать яловой (о корове)», удм. *муры* «яловая».

28. кз. *надз* «1. скупой; 2. медлительный, мешкотный», кп. *надз* «скупой»,? удм. *нӧзь* «1. терпеливый; 2. живучий; 3. неповоротливый; 4. медленно».

29. кз. *нинӧ-: нинӧкод* «никто, буквально никто» (*код* «кто»), *нинӧкыдз* «никак» (*кыдз* «как»), *нинӧкор* «буквально никогда» (*кор* «когда»), удм. сев. *нено-: ненокин* «никто» (*кин* «кто»), *ненокуу* «никогда» (*ку* «когда»), *ненокытысь* «ниоткуда» (*кытысь* «откуда»). Первый гласный в отрицательной частице кз. *нинӧ-,* удм. *нено-* в одном из родственных языков претерпел, по-видимому, изменения.

30. кз. уд. *ыровтчыны,* вв. *ыровмунны* «вздремнуть, соснуть», удм. *ырулскыны* «соснуть, вздремнуть».

31. кз. *ньӧмдыны* «заболеть; сдохнуть; заразиться (о ране)», вым. *ньӧмӧс* «опухоль», удм. сев. *ньӧмскыны* «заразиться; пристать (о болезни)».

32. кз. *ӧзын* «причал; стоянка для лодок; сплавной рейд», удм. (Видеман) *озон: выжанні озон* «перевоз; паром» (*выжаны* «переправляться»).

33. кз. вым. *паньӧм,* иж. *панем* «каша, поджаренная на масле», удм. *пунем* «1. пюре (из овощей); 2. саламата».

34. кз. *паньтӧм,* кп. кс. *паньтӧм,* удм. *паньтэм* «тезка».

35. кз. иж. *пача* «ветви ивы; верба», удм. *пучы* «верба, почка (дерева)».

36. кз. вв. (Деревянск, Ручь) *пашкан* «ягоды шиповника»,? удм. *паш-: пашпу* «орешник» (*пу* «дерево»), *пуш-: пушмульы* «лесной орех» (*мульы* «косточка плода»), *пушмульыпу* «орешник». Непонятной является вторая часть коми слова (*-кан*). Возможно, она сопоставима со словами дальних родственных языков (ср. ханты *кан* «разновидность шиповника»).

37. кз. *пӧт, пӧттурун* «мокрица, лебеда», иж. *пӧттурун* «подмаренник», удм. *пот* «лебеда», *сьӧд пот* «чернобыльник».

38. кз. *пыд: кызпыд,* кп. кс. *кызпыд* «сильный кашель при воспалении дыхательных путей» (*кызны* «кашлять»), удм. *пыд* «грипп».

39. кз. иж. уд. *резь,* удм. *дзєзь* «поводок узды».

40. кз. *родны* «побаиваться, стесняться, испытывать неловкость»,? удм. *дзудыны* «недоумевать, затрудняться, растеряться».

41. кз. вым. уд. *сёр* «тропинка», *кӧч сёр* «заячья тропа», кз. уд. *сёртуй: гӧр сёртуй* «борозда, след сохи», кз. вым. *сёръёны* «проторить, протоптать тропинку», удм. *сюрес* «дорога, путь».

42. кз. вв. *сором,* уд. нв. вым. *сорым* «прясло, звено изгороди», удм. *сурым* «звено изгороди».

43. кз. *сӧз* «мягкая часть (концы) трубчатой кости; костный мозг; хрящ на месте срастания переломленной кости»; *сӧз пыскыны* «выжать все соки (силы)», сс. (Паджга) *пиньсӧз* «дентин, мякоть зуба» (*пинь* «зуб»), удм. *сузы: ныpсузы* «носовой хрящ» (*ныр* «нос»), *сузы* «дресва».

44. кз. вым. уд. *сызьны* «обещать, пообещать, обещаться, сулить, посулить», удм. *сізьыны* «обещать, завещать, посвятить», (Видеман) *сызины* «помнить, вспоминать».

45. кз. лл. *сэзьны* «снять крышку, покрышку, открыть, раскрыть», *одеялӧ сэзьны* «снять одеяло (с кого-л.)», удм. *сузяны* «очистить, вычистить, чистить».

46. кз. нв. вым. уд. *сэрп* «погань; скверна; пачкотня, грязь, нечистота», нв. *сэрпавны* «осквернить, испоганить», кп. (В. И. Лыткин) *сэрп* «погань», удм. *сарпаны* «запачкать, испоганить», *сарпаськыны* «пакостить (о кошке)».

47. *кз. тамыш* «косой, косоглазый; очень близорукий», *тамышӧн видзӧдлыны* «посмотреть недружелюбно», кп. *тамыш: слепӧй тамыш* «плохо видящий человек», удм. *тумошо* «смешной, забавный», удм. южн. *тамаша* «смешной; несчастье». Исходным значением рассматриваемых слов могло быть «необычный, не совсем нормальный».

48. кз. *топ* «точно, ровно, точь-в-точь; совсем, совершенно», *топ буретш* «как раз», уд. топӧн «совсем, совершенно», кп. *топ* «точно», кп. (Вихман) *топа* «правильно, пунктуально, точно», удм. *тупен-тупен* «как следует; обстоятельно, подробно».

49. кз. *тӧзь* «лабазник», удм. *тузь* «медуница; лабазник».

50. кз. вв. *тӧравны* «заботливо ухаживать за кем-л., окружать вниманием; стараться; следить», кз. вв. лл. *тӧрасьны* «ухаживать, следить, стараться; возиться, хлопотать», кз. лл. *тӧрсьыны* «есть, кушать», удм. (Видеман) *тӧртыськыны* «служить, услуживать кому-л.», (Видеман) *тӧре карыны* «направлять, наводить; давать советы». Общепермский корень *тӧр-* присутствует также, по-видимому, в удмуртских словах *тӧре* (Видеман) «главный; судья», *тӧро* (Удм.-рус. словарь, М., 1948 г.) «тысяцкий (на свадьбе)», *тӧрсэрег* «передний угол дома» (*сэрег* «угол дома»).

51. кз. вв. *туршасьны* «намереваться, собираться», *турышитчыны* «надумать; решить; отважиться», иж. (Обь) *турышсьыны* «напрячься», удм. *тыршыны* «стараться; стремиться».

52. кз. скр. *тюкӧд* «берестовый поплавок, берестовая балберка в рыболовной сети», удм. *тюкы* «поплавок».

53. кз. сс. вв. *утшыс, вутшыс* «рогатка, деревянный ошейник, ярмо для скота», удм. *утшыс* «клещи хомута», *утшыс кал* «гуж у хомута».

54. кз. вв. (Устькулом, Деревянск) *чешкыль* «удар по ладони; шлепок, затрещина», *чешкыльӧн ворсны* «играть в жучка», удм. *тэшкыль* «щелчок».

55. кз. вв. сс. *чирпӧг,* уд. *чирп* «сор, застрявший в ячеях сети», *чирпавны, чирпасьны* «застревать в ячеях сети; путаться (о нитках при тканье)»,? удм. *чарпут* «спутанный, путаный», *чарпа* «щебень, мелкий камень».

56. кз. *чомӧр* «национальное кушанье, подаваемое на празднике по случаю окончания сельских работ (приготовляется из толокна или ячменной муки на масле)», удм. *чумер* «клецки».

57. кз. *шурыд* «добродушный, мягкосердечный; веселый», удм. *шырыт* «добродушный, гостеприимный».

* * *

Отсутствующие в печатных работах лексические данные сообщены А. Ванеевым (с. Буткан), А. Я. Поповой (с. Айкино), М. М. Кутькиной (с. Пожег, Верхняя Вычегда), А. И. Кушмановой (с. Вотча), А. П. Ладановой (с. Зеленец), Н. Е. Нестеровой (с. Устькулом), А. А. Колеговой (с. Коквицы), Л. А. Надуткиной (с. Паджга), В. Д. Надуткиным (с. Паджга), М. Г. Михайловой (с. Нёбдино). Коми-пермяцкие слова сообщены Р. М. Баталовой (с. Баталово Юсьвинского района Коми-пермяцкого национального округа Пермской области) и Л. С. Грибовой (д. Петухово Кочевского района Коми-пермяцкого нац. округа).

Условные сокращения

кз.— коми-зырянский язык.
вв.— верхневычегодский диалект коми-зырянского языка.
нв.— нижневычегодский » » » »
уд.— удорский » » » »
сс.— среднесысольский » » » »
вым.— вымский » » » »
иж.— ижемский » » » »
печ.— печорский » » » »
л.— лузский » » » »
лл.— лузско-летский » » » »
скр.— присыктывкарские говоры коми-зырянского языка.
кп.— коми-пермяцкий язык.
кс— косинский говор коми-пермяцкого языка.
удм.— удмуртский язык.
средн.— средний диалект удмуртского языка.
сев.— северный » » »
южн.— южный » » »
мар.— марийский язык.
морд.— мордовский язык.

А. Е. ВАНЕЕВ

РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА КОМИ СТИХА

Стихотворная речь с присущими ей богатым содержанием, ярко выраженной экспрессивной интонацией и красочной музыкальностью издавна пользуется особой любовью у всех народов. Не случайно такой большой отряд художников, какими являются поэты, обращается именно к стиху, чтобы волнующими словами выражать свои мысли и чувства.

Но что же из себя представляет стих, стихотворная речь? Чем отличается стих от прозы? Может быть, только ритмом да иногда еще рифмой?

Профессор Л. И. Тимофеев считает ритм и рифму важными признаками стихотворной речи, однако тут же замечает, что ими далеко не исчерпывается понятие «стих». Стих прежде всего является особой системой речи. «По своему типу стих ближе всего к тому типу языка, который называют аффективным. Вообще под аффективным элементом в языке следует разуметь его эмоциональную окраску, то, что придает языку субъективный оттенок, вносит в него эмоционально-оценочный элемент»[1].

И этот аффективный, эмоциональный пласт языка дополнительно подчеркивается, приподнимается, «окрыляется» средствами стиха.

«О шуда му! Тэ,
Рӧдинаӧй менам,
Кор судзсис эськӧ
Менам дзоля сыв,
Сэк помтӧг-помтӧг
Кутлі эськӧ тэнӧ,
Кыдз рӧднӧй мамсӧ
Кутлӧ рӧднӧй ныв».

«Земля моя!
Счастливая, родная,
Тебя б руками
Малыми обнять.
Порыву нежному
Конца не зная,
Как обнимает сын
Родную мать».

(В. Елькин)

Нельзя, конечно, думать, что в эту стихотворную строфу подобраны слова, уместные только для поэтических произведений и нежелательные для произведений других литературных жанров. Нет. Но содержащиеся в строфе отдельные риторические фигуры, рифмы, ритм и рожденная ими возвышенная, торжественная интонация позволяют нам говорить об этом отрывке, как о стихе. Слова наряду со своим обычным смысловым значением получили здесь и субъективно-оценочное, эмоциональное значение. Иначе говоря, слова в стихе стали значительно богаче, интереснее, содержательнее.

[1] Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., Гослитиздат, 1958, стр. 18.

Из многих выразительных средств стиха (ритм, рифма и т. д.), на которых держится эмоциональность, на передний план, несомненно, следует выделить интонацию. «Экспрессивная интонация становится, таким образом, чрезвычайно важным содержательным элементом речи, передающим определенное состояние говорящего, она становится не только элементом формы, но и элементом содержания, устранение которого разрушает самый смысл речи»[1].

Поэты должны знать и сознательно использовать в своих произведениях выразительные возможности стихотворного ритма, звучной и интересной рифмы, но никак нельзя вставать на путь абсолютизации этих элементов стиха. Наивно было бы считать стихотворный ритм каким-то обособленным, самостоятельным, ничему не подчиняющимся элементом стиха, хотя ритм и усиливает, выделяет, подчеркивает важные моменты содержания, чем обусловливается его художественная оправданность и необходимость. Главной все же является поэтическая интонация, и прежде всего она определяет ритмико-интонационную особенность стиха.

Своеобразная ритмико-интонационная структура характеризует поэзию В. Елькина. Его стихи настроены на «веселый лад», дышат мажорной интонацией. В. Елькин стремился находить громкие звучные слова, которые при чтении могли бы сопровождаться выразительными жестами. Риторические фигуры, вроде: «О, шуда му!» и своеобразно подобранная лексика придают его стихам торжественное, возвышенное звучание. И коми читатели искренне благодарны В. Елькину за то, что он нашел выразительную поэтическую интонацию, чтобы ярко и сильно передавать в своих стихах пафос строительства социализма в нашей стране и величие дел коммунистов.

В одни годы с В. Елькиным работал в коми поэзии и талантливый лирик А. Размыслов. Но как не похожи эти два поэта по интонационному строю своей лирики! Вот какими словами говорит А. Размыслов о любимой своей родине:

«Чужан му тэ менам,
Синмӧн судзтӧм,
Тэнад вынлӧн некӧн абу пом.
Пӧрысьмам ми... Мудзам.
Тэ пыр мудзтӧм...
Тэ пыр лунысь-лунӧ лоан том».

«Родина ты моя,
Не окинешь взглядом,
И силе твоей нет конца.
Мы состаримся... Устанем.
А ты никогда не устанешь...
С каждым днем ты будешь моложе».

[1] Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха., М., Гослитиздат, 1958, стр. 28.

Даже говоря о широте родной земли, о ее величии, А. Размыслов находит негромкую, задушевную интонацию, как будто обращается к родной матери, которую давно и нежно любит.

Отдельные коми критики делали необоснованные упреки молодому поэту, будто его лирика настроена сугубо пессимистически, будто в минорной интонации его поэзии нет никаких просветов. Правда, некоторая задумчивость свойственна стихам А. Размыслова. Но какова их природа?

«Рытъя кыа лöнькöд тэ он рöдмы,
Дугды дöзмöдчыны, вой тöв-швичкун.
Мый кöть шу, а тэ он тöд öд
Шонді пуксян кадлысь мичлун».

«Тихой вечерней заре ты не родня,
Перестань шалить, проказник-ветер.
Что ни говори, а ты не знаешь
Красоту времени захода солнца».

Задумчивость А. Размыслова незаметно переходит в задушевность, сердечность, интимность. И даже такая, на первый взгляд, незначительная деталь, как пристрастие к женским рифмам — не случайное ритмико-интонационное явление в стихах молодого поэта. Тонкий лирик А. Размыслов прекрасно чувствовал, что женские и дактилические рифмы непринужденно настраивают на нужную интонацию напевные, плавные, музыкальные его стихи.

«Тулысöй! Лов кыптан кадöй!
Ыліöдз юралан шыяс!..
Нюмдöны, мусаöсь, радöсь,
Кокниа пасьтасьöм нывъяс».

«Весна моя! Радующая пора!
Далеко слышимые звуки!..
Улыбаются, милые, радостные
Легко одетые девушки».

Интонация этого стихотворения несколько протяжна, но нельзя не чувствовать смысловую, глубинную мажорность этих строк.

Лирическая интонация настолько тесно связана с мыслями и чувствами поэта, с содержанием его поэзии, что часто по одной интонации можно безошибочно определить принадлежность произведения перу того или иного поэта. В то же время нельзя думать, что характерная для поэта, скажем А. Размыслова, интонация бывает всегда строго однообразной, без всяких нюансов. Различное содержание, разнообразные средства художественной выразительности, неодинаковое эмоциональное наполнение поэтических образов, меняющаяся ритмика — все это влияет на высоту эмоционального тона лирического произведения.

Завидное разнообразие интонаций свойственно поэзии С. Попова. Но и это разнообразие имеет какую-то определенность. Так, бодрые и энергичные строки у него можно встретить чаще, чем строки с протяжной интонацией. С. Попов стремится к передаче полноты чувств, но делает это не срываясь с оптимистических, жизнеутверждающих позиций.

«Коркö волан кö Волгалань тэ,
Пöся сывйышт тась ранитчöм мусö,
Кöні Миша Шуктомовлöн кусі
Шонді югöр моз югзьыштöм нэм».

«Если когда-нибудь ты будешь на Волге,
Обними горячо ту израненную землю,
Где угасла Миши Шуктомова
Промелькнувшая солнечным лучом жизнь».

Достаточно нам прочесть одну эту строфу, чтобы услышать, почувствовать вовсе не обыденную, не простую интонацию. И если иногда ругают поэтов за высокопарность в стихах, в которых таковая и не нужна, то здесь высокое, патетическое содержание может звучать только в соответствующей интонации, и торжественность, приподнятость в этом стихотворении просто необходимы. Разве можно было каким-то другим, равнодушным тоном говорить об израненной и истерзанной, но не сдавшейся приволжской земле?! Без повышенной интонации эти стихи оказались бы бескрылыми.

С. Попову хорошо известно, что стихотворная интонация является не только и не столько элементом поэтической формы, сколько одним из активнейших элементов содержания лирических произведений. Поэтическая интонация так сильно обусловливается лексикой и эмоциональным наполнением поэтических образов, что часто при одном и том же размере, метре (скажем при четырехстопном усеченном анапесте,— таков размер поэмы С. Попова «Вошлöм морт» («Без вести пропавший»); даже соседние строки могут иметь разную интонацию.

«Вöльнöй лэбачöс он кут пленын!..
Сувтöй öтвылысь, дона вокъяс,
Водзö тышкасьны,
овны, венны!..
Уна кыпыд кыв, уна висьт на
Тайö мортыслысь быдöн кывліс...
...Тувсов асылö коммунистöс
Стража миянысь гусьöн лыйліс,
Лыйліс миянлысь муса ёртöс,
Коді сьöлöмас ставлы кöдзис:
— Вошtан ассьыд кö чужан горттö —
Нэмыд чöж сэсся ковмас бöрдны!»

«Вольную птицу не удержишь в плену!
Вставайте, братья дорогие,
Бороться, жить, побеждать!..
Много окрыляющих слов, много рассказов
Слышал каждый от этого человека...

В весеннее утро коммуниста
Тайком от нас расстреляла стража,
Расстреляла нашего лучшего друга,
Кто сеял в сердце каждому:
— Потеряешь свою Родину —
Весь век тебе придется плакать!»

Лейтмотивом первых строк является неудержимое стремление к свободе и решимость бороться за нее даже в невероятно тяжелых условиях плена. И в этом месте мы слышим сдержанную, но четкую интонацию, которая затем вдруг прерывается горьким вздохом о расстреле коммуниста. Но остались в живых его друзья, не вставшие на колени, и постепенно вырастает третий, самый главный лейтмотив и возникает соответствующая ему новая интонация: «Потеряешь Родину — весь век придется плакать!»

В поэме С. Попова изредка появляется и эпически спокойная, повествовательная тональность, но она время от времени перебивается новыми интонациями: многоплановость поэмы неизбежно приводит к различным авторским оценкам происходящих событий, а, значит, и к контрастным интонациям:

«Воштан другӧс кӧ, зэв дыр бӧрдан,
Воштан Рӧдина...
— Видзӧд, Семӧ,
Татшӧм кымӧръяс, ва да вӧр ді
Сэсся мӧдлаын кӧнкӧ эм-ӧ?»

«Друга потерять — долго плакать.
Потерять Родину...
— Посмотри, Сема,
Такие облака, реки и опушки
Разве можно еще где-то найти?»

Начало строфы — это сложное сплетение интонации и смысла. Ведь здесь речь идет не только о стойкости солдата и о его глубокой вере в непобедимую силу своей Родины, но в этих же словах где-то в глубине подтекста незримо чувствуется и тема ненавистного фашистского плена. И вдруг, прямо в середине строки поэт перебивает эту интонацию, чтобы резче выделить другую, светлую тему — сыновнюю любовь к родной земле. Итак, контраст двух образов — образа ненавистного фашистского плена и светлого образа нашей Родины — наглядно проявляется и в контрастности интонаций.

Поэтическая интонация очень тесно связана и с звуковой организацией стиха. Богатые звуковые повторы, какими являются повторы слов, всегда заметны в стихе, всегда они выполняют определенную художественную функцию.

«Луныс коли важӧн
Шонді лэччис улӧ,
Бара воис рытъя ворсан кад.
Ывла вылын гажа,
Ывла вылын тулыс,
Ывла вылын гӧгӧр быдмӧ сад».

«День давно угас,
Солнце опустилось,
В село пришла вечерняя пора.
За окном веселье,
За окном весна,
За окном кругом растут сады».

(В. Елькин)

Понятно, что повторы не имеют собственного смыслового значения. Но, с другой стороны, никак не скажешь, что они выступают как необязательная поэтическая роскошь: повторы усиливают эмоциональное напряжение и оживляют, изменяют интонацию. Повторяющиеся слова невозможно произнести на одной ноте: интонация обязательно или затухает, или нарастает. «Звук работает на интонацию, заставляет выделять повторяющееся слово, и в свою очередь интонация работает на звук, т. е. выделяя повторяющееся слово, подчеркивает, придает наибольшую выпуклость его звуковому составу»[1].

Умелая звуковая организация стихотворной речи и контрастность поэтических интонаций выступают дополнительными, сильными средствами эмоционального воздействия на читателя. Но коми стихи часто еще страдают однообразием, шаблонностью интонаций. Создается впечатление, что большинство интонаций заимствуется из уже известных стихов, а не рождается вместе с новыми стихами.

Не удивительно поэтому, что так быстро обратили на себя благосклонное внимание читателей своеобразные по интонации стихи молодого коми поэта Г. Юшкова. Вот каким предстает перед нами герой одного из его стихотворений:

«Тошкын ӧмӧй сӧмын
Мужик мортлӧн чин?—
Гусьӧникӧн Педьӧ
Читкыртыштліс син.
Медтӧ тӧлкыд вӧлі,
Сьӧлӧм вӧлі мед.
Ныльд бара сюрас,
Мый кӧть ме и дед».

«Разве только в бороде
Мужская сила?—
Подмигнул исподтишка
Дедушка Федор.
Был бы ум
Да было бы сердце,
А девушки и для меня найдутся,
Ничего, что я дед».

В этих словах вырисовываются черты оригинального характера. Человек, любящий веселую шутку, слегка подтрунивает над своей старушкой: хочет пойти на лужайку, где веселится молодежь. Г. Юшков нашел точную интонацию, передающую индивидуальность этого характера, манеру его речи, окрашенной тонким юмором и еле заметной иронией. Такая характерная и новая интонация, конечно, легко запоминается.

Невольно ловишь себя на мысли, что никогда раньше не слышал стихов с подобной интонацией, когда читаешь и стихотворение Г. Юшкова «Мамӧ, тэ нинӧм он тӧд» («Мама, ты ничего не знаешь»).

---

[1] Л. Тимофеев. Звук и стих, газета «Литература и жизнь», 1960, 26 августа.

«Войбыд тэ гуляйтан, нылӧй,
Асылӧдз некор он пыр.
Кӧсйи ме юавны тэнсьыд:
Тадзисӧ кыссяс на дыр?
Узьтӧмӧн гожӧмыс коли.
Эн на мӧй ветлӧмсьыд пӧт?
— Кыдз тэныд висьтавны, мамӧ?!
Мамӧ, тэ нинӧм он тӧд!

Всю ночь ты гуляешь, дочка,
До зари не заходишь домой.
Хочу я спросить у тебя:
Долго ли это будет продолжаться?
Почти все лето не спала.
Неужели еще не нагулялась?
— Ну, как тебе сказать, мама?!
Мама, ты ничего не знаешь!

Этот не очень сложный диалог между матерью и дочкой вызывает у каждого добродушную улыбку. Можно простить некоторые не совсем оправданные условности, которые допускает Г. Юшков в речи матери, зато зримо можно представить скромную и стеснительную, впервые полюбившую девушку, которая пока ничего не может сказать, кроме: «Ну, как тебе сказать, мама?! Мама, ты ничего не знаешь!». Можно по-хорошему позавидовать умению молодого поэта в индивидуализации характеров.

Новизна интонаций исходит из новизны содержания, которое неразрывно связано с лексикой и фразеологией поэтических произведений. Но вместе с тем Г. Юшков учитывает и синтаксические особенности коми речи, добиваясь свежести интонаций. Поэтому его стихи кажутся более близкими, более по-коми написанными, чем стихи других молодых коми поэтов.

Все это, однако, не значит, что Г. Юшков всегда находит самую выразительную и самую интересную интонацию. Иногда он не прочь петь на давно знакомый лад. Бывает, что молодой поэт только подмечает, но не развивает интересную интонацию. Не застрахован он и от фальшивых интонаций.

Так, одно из лучших лирических произведений Г. Юшкова «Ичӧтдырсяысь» («Из детских лет») начинается строками:

«Кывзысьтӧг жӧ кӧть ме олі,
Ӧтчыд мамӧ кинас воліс.
Кучкис меным сійӧ зырйӧн».

«Хотя и рос я непослушным,
Только однажды меня **мама побила,**
Ударила меня лопатой».

Молодой поэт на встречах с читателями часто читает это стихотворение, и приведенные строки неизменно вызывают или смех, или улыбку. А ведь общее содержание стихотворения отнюдь не юмористическое: в нем речь идет о тяжелом детстве того поколения, которое росло в суровые годы войны, когда на хрупкие плечи мальчишек ложились в колхозе обязанности взрослых. А начало стихотворения (первые три строки) как бы дают повод подумать, что в стихотворении будет рассказано о чем-то очень смешном, озорном, о бездумных мальчишеских шалостях. И несмотря на то, что сам автор читал эти строки очень серьезно, у слушателей все равно можно было видеть улыбки до следующей, до четвертой строки, где уже говорится: «Это было во время войны». По сути дела с этих слов и начинается стихотворение, развитие его действия. А та присказка из трех строк в начале стихотворения в смысловом отношении вовсе не нужна, а интонационно — фальшива. Читатель с первых же строк начинает следовать определенному интонационно-ритмическому строю стихотворения, а он оказывается обманчивым. В данном случае Г. Юшков заставляет «перестраиваться» в ходе чтения стихотворения, но та, первоначальная интонация все же долго еще звучит в ушах, вызывая вполне понятную досаду читателя. В данном случае мы наблюдаем крайне нежелательный разрыв между формой и содержанием в начале стихотворения.

До сих пор мы говорили об интонационном строе стиха, как о самостоятельной художественной категории. Мы говорили, что поэтическая интонация является не только элементом художественной формы, но и одним из важнейших компонентов содержания поэтического произведения.

Вместе с тем поэтическая интонация непосредственно и тесно связана с ритмической структурой стиха. Немногие будут отрицать силу воздействия стихотворного ритма, хотя и не все одинаково объясняют его художественные функции. Особенно важно при анализе поэтического произведения ставить перед собой вопросы: «Каково отношение между стихотворным ритмом и смыслом, содержанием стихотворения? Может быть, ритм, как и интонация, имеет самостоятельное эстетическое и смысловое значение?»

«Попытки связать содержание поэтического произведения со стихотворной формой неизменно кончались неудачей, если стихотворный ритм становился в непосредственную зависимость от содержания. Между ритмом и содержанием лежит ряд посредствующих звеньев. Ритм не выступает в стихотворении в качестве некоторой метрической схемы. Ритмическое движение взаимодействует с интонационным движением, создавая единый комплекс — ритмико-интонационный рисунок»[1].

Итак, если интонация выступает в поэтическом произведении вполне самостоятельным элементом идейного и эмоционального содержания, то художественные возможности ритма не столь широки: он не имеет самостоятельного значения, а приобретает силу только в содружестве с другими выразительными средствами языка. Выразительность и эмоциональность стихотворного ритма правильнее всего рассматривать в единстве с интонацией, т. е. предметом нашего анализа будет ритмико-интонационная структура стиха.

Перед нами концовка стихотворения молодого поэта Г. Юшкова «Медым» («Пусть»):

---

1 В. Е. Холшевников. О типах интонации русского классического стиха. Уч. зап. ЛГУ, № 295, серия филологических наук, вып. 58, 1960, стр. 34.

«Медым сё ар бӧрын мортлӧн
Ворсас вир;
Медым, му шар пасьта лоӧ —
МИР!

Пусть даже у столетнего человека
Играет кровь;
Пусть на всей земле будет
МИР!

Наибольшую смысловую нагрузку принимает на себя последняя строка стихотворения. Эта строка выделена поэтом из общего контекста не только тем, что написана заглавными, крупными буквами. Главным образом поэт привлекает внимание читателя и заставляет дольше задержаться на последней строке сменой ритма стиха. Перед словом «Мир!» в последней строке не достает двух слогов. Следуя первоначальному ритму читатель ждет их, в его голове как бы возникает «гул» недостающего ритмического отрезка. Но этот ритмический отрезок специально ничем не заполняется. Этот незвучащий отрезок стиха подобен паузе, которая предшествует логическим ударениям. Поэтому не удивительно, что с наибольшей силой будет произнесено специально выделенное, самое главное слово стиха. Если бы последняя строка стихотворения оставалась в привычном, полном виде, если бы ритм стиха оставался неизменным, то поэт не достиг бы такого выделения, подчеркивания того слова, ради которого написано стихотворение.

Выразительную функцию ритмико-интонационного строя стиха очень тонко понимал первый коми поэт И. А. Куратов и часто использовал его художественную силу в своих стихах.

«Колӧ шуны веськыда.
Да!
Судзӧда, мый позьӧ судзны».

«Надо сказать прямо.
Да!
Достану, что возможно достать».

Во второй строке единственное слово, состоящее из одного слога и срифмованное с первой строкой, представляет собой вполне законченную интонационно-смысловую единицу. Поэт этим самым высказывает свою уверенность решительно, бесспорно. Если бы были восстановлены все недостающие слоги во второй строке, то поэт едва ли смог передать свою мысль с такой же силой и убедительностью. А здесь ритмически и интонационно выделенному слову как бы передана сила всех недостающих слогов.

Куратов прекрасно знал, что ритмическое своеобразие дает возможность найти свежие оттенки и для интонации стиха.

«Комиӧс эз кор (...) муса Уланд!—
Этшаник эз судз (...) горш и талант!

«Коми не позвал дорогой Уланд
Не достает, мол, немного жадности
и таланта,

[1] Многоточиями выделены ритмические паузы.

Вӧтлытӧг, зонъяс (...) оз лӧсяв тайӧ
Цивилизация поскӧд ог кайӧ».

Но если не гонят, парни, мы
и не пойдем:
Не будем подниматься по лестнице
цивилизации».

Первые три строки поэт как будто рассекает пополам ритмической паузой (в правильной метрической схеме не достает одного слога), а четвертая, завершающая строка — полная, без паузы. Последняя строка получила своеобразное интонационное звучание на фоне предшествующих строк. И это сделано Куратовым не ради бесцельной «игры» ритмом, а для выделения в смысловом отношении главной строки. Этим же одновременно достигнута интонационная завершенность стихотворения.

В поэтическом арсенале И. А. Куратова, как мы видим, можно найти многие средства, которые разнообразят и делают более интересным ритмико-интонационный рисунок его стихов. Поэт допускал, например, наличие двух размеров в составе одной строфы.

«Он тӧд на тэ, он,
Мича авъя зон,
Сьӧлӧмтӧ, олӧмтӧ,
Ас ыджыд дон,
Бурлунтӧ, шудлунтӧ
Он тӧд тэ, он!»

«Нет, не знаешь ты,
Молодец удалой,
Ни сердце свое, ни жизнь,
Цену себе,
Доброту свою, счастье свое
Нет, не знаешь ты!»

Строфа выглядит как оригинально построенная ритмическая мозаика. Первые две строки укладываются в схему трехстопного хорея, а затем поэт переходит на двухстопный дактиль. Благодаря этому переходу, естественно, меняется и интонация стиха. Вообще, хорей как стихотворный размер является самым популярным в коми поэзии и имеет множество ритмико-интонационных вариаций.

Изменение ритма, безусловно, не ведет прямо к изменению смысла стихотворения, но оно придает особую выпуклость выделяемому движением ритма отрезку стиха, оживляет его интонационно. Едва ли можно прочесть монотонно стихотворение А. Размыслова «Первый май»:

«Лэдзлы сынӧдас, завод, гудӧктӧ,
Пальӧд ывлалысь ылалӧм сады!
Алӧй флагъясӧн, йӧзъясӧн локтӧ,
Локтӧ таланьӧ веж тулыс кад.
Апрель мыйкӧ тӧрыт
Кӧдзыд йылысь сӧрис.
Тулыс помлӧн тӧвкӧд гӧрӧд
Талун ори шӧри.
Шӧри ори
Визув ю.
Тувсов горӧн
Жувгӧ юр.
Сьылӧ нывка,
Радлӧ зон...

Серав, ывла!
Тӧвлы пом!
Югыдлӧз кадӧй, кутшӧм тэ том!..»

Первая строфа, написанная анапестом, звучит плавно и величаво. Но далее автор хочет показать бурные порывы молодости, игривость весны и прибегает к соответствующему изменению ритма: вместо четырехстопного анапеста появляется трехстопный хорей, а затем даже двухстопный. Строка становится коротенькой, легкой, живой. Однако не следует забывать и о других элементах стиха. Звучные и точные рифмы, «весенние» поэтические образы вместе со сменой ритмических порядков активно помогают достичь такой жизнерадостной интонации стиха. Читая это стихотворение, мы ощущаем художественную убедительность и эстетическую удовлетворенность именно потому, что все выразительные средства стиха приведены в соответствие с сюжетной ситуацией, с темой и идеей поэтического произведения. Правильно замечает Л. И. Тимофеев: «В умении подчеркнуть смысловое движение своеобразным движением ритма, в умении придать значимой в смысловом отношении строке особый выразительный характер, в частности, при помощи ее своеобразного ритмического звучания, и проявляется мастерство поэта»[1]. Действительно, умение ритмико-интонационного построения стиха является важной областью поэтического мастерства, если поэты не подчиняют его только формалистическим целям украшательства и оригинальничания. Ритмико-интонационное новаторство поэта, его мастерство в названной области поэтики должны служить целям живой содержательности, т. е. чтобы в конечном итоге ярче, зримей и убедительней доносить до читателя идейную глубину и эстетическую привлекательность поэтического произведения.

[1] Л. И. Тимофеев. Проблемы теории литературы. М., Учпедгиз, 1955, стр. 106.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

РУССКАЯ ПЕСНЯ НА ВАШКЕ

Осенью 1961 г. в Удорском районе Коми АССР по обоим берегам р. Вашки, притока Мезени, работала небольшая фольклорная экспедиция, собравшая интересный песенный и сказочный материал, дающий представление о фольклорной жизни района[1].

Наблюдения этой экспедиции в какой-то мере дополняются материалами экспедиции И. И. Аврамова и Н. М. Греховодова, проводившейся в 1936—1937 гг. и побывавшей в Важгорте, Кослане, Кривом[2].

Удорский район в фольклорном отношении очень самобытен и во многом оригинален. Населенный в основном коми, он в то же время в изобилии сохраняет в своей духовной и материальной культуре северно-русские черты, приобретенные в течение многовекового соседства с русскими[3]. Одним из результатов приобщения коми к русской культуре является та богатая русская фольклорная струя, которая обнаруживается уже при первом знакомстве с поэтическим творчеством.

В районе и поныне сильна русская сказочная традиция. Опираясь на большое количество пересказов былин и сказок с былинными сюжетами, записанными в наши дни, и на свидетельства пожилых людей, можно говорить о прошлой богатой былинной традиции на Вашке. Много общего с севернорусским свадебным и похоронным обрядами наблюдается и в аналогич-

[1] В состав экспедиции входили сотрудник Коми филиала АН СССР Ф. В. Плесовский, занимавшийся собиранием сказок, и сотрудница сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) Т. И. Орнатская, наблюдавшая за жизнью русской песни среди коми населения.

[2] Рукописные материалы этой экспедиции и восковые валики с записями песен и частушек хранятся в фонограммархиве Пушкинского дома.

[3] Подробное этнографическое описание района дано в работах В. Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми» Изд. АН СССР, М., 1958 и «Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 г.». Краткие сообщения Института этнографии, вып. XIX, изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

ных коми обрядах. Но основное место в общем русском репертуаре района принадлежит песне. Здесь прежде всего следует отметить тот факт, что большинство исполнительниц с трудом объясняется по-русски, а их песни звучат на чистом русском языке. Это явление и раньше было подмечено фольклористами. Так, в 1889 г. Ф. М. Истомин в письме к А. Н. Пыпину писал: «...Зыряне на Печоре, ничего не знающие по-русски, поют русские песни и даже былины — это окаменелость своего рода; записал образчик тех и других»[1].

Однако трудно представить, чтобы песни и былины были «окаменелостями». Чтобы не согласиться с этим, достаточно хоть раз услышать необыкновенно тонкое, прочувствованное исполнение женщинами коми любой протяжной песни, требующей от исполнительниц не только тонкого музыкального слуха, но и понимания текста, потому что иначе невозможно было бы соблюсти многочисленные повторы слов и фраз, разрывы слов, иногда очень сложное композиционное построение. Да и вряд ли тогда было бы возможно явление перевода русских песен на коми язык, какое мы наблюдаем в некоторых районах республики[2]. Скорее всего здесь мы имеем дело с очень глубоким и органичным процессом усваивания русского материала самыми различными путями и по самым разным причинам. Так, на Удоре можно наблюдать разнообразные течения в фольклорном материале: здесь и мезенский, и архангельский, и печорский элементы, а также в какой-то мере и пинежский. Это объясняется тем, что через верховья Вашки шел путь из Усть-Цильмы; в Важгорт на ярмарки ехали из Устюга, с Пинеги и Ижмы.

Русская песня живет здесь с незапамятных времен. Ее пели отцы и деды, матери и бабки — и как драгоценное наследство передали своим детям и внукам. Русская песня здесь не чужая пришелица, а достояние целых поколений коми, способное отвечать их чувствам и привлекающее глубоко музыкальный коми народ великолепной мелодичностью.

Песенный репертуар района очень разнообразен, причем по всему течению реки в большой мере общий. Есть, конечно, и некоторые различия. Так, если в деревнях Муфтюга, Чупрово и Коптюга сохранилось много протяжных песен, а плясовые лишь вспоминаются, то в районе села Ертом преобладают песни плясовые и романсы, протяжные же полузабыты. Об очень популярных в первом из указанных районов песнях «Молодость ты наша», «Красная девушка», в Ертоме говорят: «Это старые поют, мы уж это забыли, мы уж по-новому маленько поем». Интересно, что село Важгорт, расположенное между этими районами, как бы примиряет их, сохраняя в своем репертуаре и протяжные и плясовые песни. Таким образом, намечается географический путь изменения репертуара.

[1] Письмо найдено М. Я. Мельц в рукописном хранилище ГПБ, ф. 621, № 359, л. 210 об.

[2] См. Материалы экспедиции Н. М. Греховодова и И. И. Аврамова.

Наиболее популярные по всему району песни («Не с калиною», «Уж ты сад ты мой сад», «Как во нашей во деревне», «И поля вы поля», «Молодость ты наша», «Ванька в Питере родился», «Отправлялся наш Олександра», «Единой с казаком») в большинстве своем протяжные. Они довольно хорошо сохранились и до сих пор поются на праздниках и семейных торжествах — обычно пожилыми женщинами.

Среди протяжных преобладают песни любовные и семейные. В песнях «Кого-то жаль», «Прощай жизнь, радость моя», «Унимала милого ночкой ночевала», «Экой Ваня» поется о разлуке девушки с милым. Лишь в одной из песен «Ты не спой ранешенек весной» молодец горюет о Любушке, которая уехала.

Ок, за четыре, да милая, ровно ста,
Ок, за только двенадцать уездных городов,
Ок, за только двенадцать,
Да милая, за пятнадцать».

В семейных песнях поется об измене мужа («Дунюше-то было с горя много», «Красная девушка», «Во слободочке ой да во новой»), которому «...чужая-то женушка да как лебедь белая. Ой да своя-то женушка да как чиганка черная».

В репертуаре района особенно много солдатских песен, перешедших в крестьянскую лирику. В д. Кирик от В. С. Тимаковой (56 лет) был записан великолепный вариант песни «Во Тобольском было славном городе», в которой поется об отдаче молодца в солдаты. О том, как

Во солдатушки жить-то тоскливо —
Ой да ли суха государева да солдатская еда —

поется в песне «Красная девушка». Солдатская походная жизнь необыкновенно ярко предстает перед слушателями из песни «Думу сдумали». О тоске солдат по родным и дому поется в песне «Не с калиною, да с малиною». Особенно популярна по всему району песня «И поля вы поля» — о смерти солдата в чужом краю.

Носителями старых солдатских песен выступают старики, когда-то служившие в армии. Так, в Важгорте записаны песни от 79-летних Колмакова И. П. и Бутырева А. П. «Хорошо, брат, вам на воле», «Что не ветер ветку клонит», «Последний нынешний денечек».

Старших исторических песен в репертуаре района не встречается. Из песен XIX века в живом бытовании находятся «Отправлялся наш Олександра» о смерти царя в Таганроге и же — «Похвалялся вор-француз» — о начале войны 1812 г. Записи последней песни, произведенные в Важгорте и Коптюге и

дополняющие друг друга, представляют собой наиболее полные и интересные варианты этой известной песни[1].

Путем расспросов удалось разыскать и записать песни «Заплакала наша Россиюшка» и «Пишет, пишет царь германской». Старики могут припомнить когда-то очень популярную, по их словам, песню «За Невагою», которую обычно относят ко времени Петра I. Сопоставляя записи экспедиции 1961 г. с текстами, записанными экспедицией 1936—1937 гг., видим, что многие тексты протяжных песен («И поля вы поля», «Собирался наш император», «Ты милая, ты миляшка», «Прощай жизнь», «Экой Ваня», «Кого-то жаль») дошли почти без изменений до наших дней. Исполнители объясняют это своей любовью к песням. А. К. Артемьева 52 лет из д. Муфтюга рассказывает, что в молодости, услышав пение, оставалась замерев на месте до тех пор, пока не утихала песня, и потом не успокаивалась, пока не запоминала ее в точности.

Хорошая общая сохранность протяжных песен не исключает наличия в репертуаре отдельных обрывков песен, продолжающих исполняться («Деревенка стоит да небольшая», «Не за реченькой девица гуляла»), и контаминированных текстов, части которых подчас совершенно не связаны общим содержанием («Со вчерашнего похмелья», «У Дунюши» и «Чтой вы девушки»).

Песня «Чтой вы девушки» состоит как бы из трех самостоятельных частей, связанных между собой общими образами.

Первая часть песни завершается словами:

Во гульбу пойдет (молодец-то)
Как соловейко запоет

Последний стих влечет за собой отрывок другой песни — о соловье:

— Куда ты летишь?
Я лечу к Маше через реченьку.
. . . . . .
. . . . . .
Да на той сторону...

о «той стороне» привлекают в песню и еще одну: о молодом солдате, стоящем на часах, из песни «Край пути-то было, край дорожечки»[2]. Завершается вся песня (после описания солдатской амуниции) словами:

«Э ой да ружья брякнули,
Да солдаты сплакали,
Солдаты сплакали,
Да во поход пошли,
Ой да во поход пошли

[1] Обе записи будут опубликованы Б. М. Добровольским в сборнике статей и материалов, посвященном 1812 году, издаваемом Ленинградским институтом театра музыки и кинематографии.

[2] «Песни Лешуконья». Архангельск, ОГИЗ, 1940, с. 21.

Да в путь-дороженьку,
Ой в путь-дороженьку
Да коть не дальную,
Ой да коть не дальную
Да все печальную».

Другой слой песен — частые, под которые плясали и пляшут. Таких песен в репертуаре района раньше было очень много. Теперь они («Идет лекрут молодой», «Чтой за гумнами тропинка лежит», «У Егорья ли во дворе» и др.) по признанию исполнителей забываются, и забываются потому, что давно уже перестали служить аккомпанементом к пляске: «Раньше-то у нас гармоней не было, так были кружальные песни. Теперь-то их не поют» — уверяют женщины из д. Муфтюга.

Действительно, у плясовой песни была довольно узкая сфера бытования: для вечеринок снимали на сезон избу, которую обычно сдавали бедняки, или те, у кого была дочь на выданьи, или парень-жених. На вечеринках, когда все были в сборе, девушки запевали плясовые песни, а кто-либо из парней побойчее выходил плясать и вызывал девушку. Та в свою очередь вызывала другого парня — продолжалось это до тех пор, пока вся молодежь не оказывалась в круге. Отсюда и название песен «Октан» — «собирающие». Обычно пелись песни: «Посеяла лебеду», «Славно кралечка написанная», «Я сегодня угорела — не могу», «Вечор было о поштовой о доме».

Последняя песня очень интересна, она состоит как бы из двух частей. В первой части описывается, как на молодца

Наступают богатыри-мужики,
Волостные все правленски писаря,
Они бреют-обривают молодца,

А он знает, что

Во солдаты горе-горькое житье,
Горе-горькое великое.

И просит:

Дайте волюшку до дому доходить,
Роду-племени проститися,
Со родным да разлучитися.

Песня записана от А. К. Артемьевой, которая рассказывает, что запомнила ее от своего отца, когда тот был рекрутом, а отец перенял ее у своего отца.

Большинство плясовых песен имеет как бы законченный вид, потому что обрамляются стихом, открывающим песню:

Вечерняя заря, утренняя звезда,
Как солнышко ходит,
Все ли я тебе, казаченка,
Все ли я тебе, молодого,
У меня да у младого
Есть маменька грозна,
Не велела гулять поздно,
Поздно, при вечора.
Вечерняя заря, утренняя звезда...

Этот же начальный стих, вставляемый в конец, дает возможность повторять всю песню сколько угодно раз.

Большое количество текстов сохранилось только в отрывках; так, записано начало песни «Идет лекрут молодой». Что было дальше — никто из стариков не может вспомнить.

Некоторые песни настолько прочно стали служить лишь аккомпанементом к пляске, что текст перестал осознаваться, осталась мелодия, ритм и фразы, не связанные по смыслу. Такова песня «Не жонись, не жонись, молодой»:

«Не видел во на улицы мужик,
Не удалый во березовой,
Заставил Васи горбышки ходить,
Да со правой руки резиново несет,
Резиновой да отпиратися,
Пойдем, девица, гулятися,
Добрые люди не станут прочитать».

Еще более случайным является текст песни «У нас-то Кривого[1] жить да хорошо». Многие песни представляют собой коротенькие припевки, повторяемые по надобности до десяти раз («Чоботарь, чоботарь», «Вечерняя заря, утренняя звезда», «Сенька тюрика[2] телегу продала», «Казак казачок», «На дороге баня топится»). Вот одна из таких припевок:

Казак казачок,
Казак миленький дружок,
Да хорошеньки ножки,
Да сафьяновой сапожки,
Я казаченька люблю,
За его замуж пойду.

Как и среди протяжных песен (с. Ертом, запис. от В. А. Ульяновой, 49 л.) встречаются тексты, в которых явно различаются составляющие их фрагменты разных песен, причем контаминация чисто случайная. Таковы, например, песни «Наш-то молодец корош родился» и «Что(й) за гумнами тропинка лежит». В последней песне слова «По той стороне мой миленькой живет, по той реченьке на лодочке плывет» влекут за собой новую песню:

Чтой на лодочке немножко людей,
По моему счету семь человек,
А восьмой водолей воду льет,
Девятой-от кашевар кашу варит,
Десятой-от удалой молодец,
Да он по садичкам погуливает...

По тематике плясовые песни Удоры разнообразны: здесь и рекрутская тема («Вечор был я во поштовой во доме», «Ой гуляньице — игранье мое»), и песни о сватовстве и замужестве («Улка ты улка моя», «Задавали нашу Катеньку», «Затыло было тыненько», «Кровать новенькая, березовенькая»), любовные песни («Славной кралечка написанная», «Угоняю я овечку»).

Если протяжные и плясовые песни являются неотъемлемой частью современного репертуара населения, то бывшие лет 30—40 назад широко распространенными песни тюрьмы, каторги и ссылки теперь забыты. Лишь некоторые из них при случае вспоминаются («Во Полтаве я родился»): приговоренный за грабеж к расстрелу парень мечтает о любимой девушке. Но путем бесед и расспросов удалось отыскать довольно интересные тексты.

В селе Важгорт живет старый революционер, 65-летний Константин Антонович Черноусов. От него и жены его Ф. А. Палкиной, 67 лет, мы записали много песен, которые исполнялись в тюрьме на о. Мудьюг под Архангельском во время английской оккупации. Среди них — грустные тюремные песни («За тюремной кирпичной стеною», «Скоро буду в кружном я судиться»), известные революционные песни («Варшавянка», «Вихри враждебные») и романсы («Ланцов из замка убежал»).

Очень интересна песня, сочиненная политическими ссыльными в 1918—19 гг., «Мой друг, о чем задумался» и исполнявшаяся на мотив известной песни «Трансваль, Трансваль». «Много народу за эту песню в тюрьмах сидело,— говорит К. А. Черноусов,— тюремщики на месте прошивали пулей того, кто пел ее»[1]. В песне заключенные революционеры вспоминают о днях победы революции в их краю, когда

Рабочий был правителем,
Крестьянин и батрак.

А вот теперь революционеры сидят в тюрьмах и

Царят теперь союзнички
Под руку с богачом,
А правда в грязь затоптана
Английским башмаком.

Песня завершается призывом к отмщению палачам за погибших борцов и словами, полными веры в победу революции.

На Мудьюге же исполнялся интересный вариант известной революционной песни 1905 года «Эх полным полна Петербургская пересыльная тюрьма».

В Важгорте живет Н. И. Старцев, 62 лет, известность которому вот уже долгие годы обеспечивает исполняемая им по любому поводу очень энергичная сатирическая песенка о Колчаке, ставшая действительно популярной в селе. В 1919 году в какой-то газете в Великом Устюге было помещено стихотворение о Колчаке. Н. И. Старцев запомнил его и стал распевать на «свой мотив» (мотив какой-то солдатской походной песни).

---

[1] Вм. «У нас-то в Кривом»...

[2] Тюрика — слово, неясное исполнительницам.

[1] Песня опубликована в газете «Молодежь Севера», Сыктывкар, 9 апреля 1961 г., № 43.

Песен литературного происхождения на Вашке немного. Самая популярная и распространенная из них — «Сижу за решеткой» по мотивам пушкинского «Узника», исполняется либо в малоизмененном виде, либо в совершенно неузнаваемом, представляющем собой обычную тюремную песню, где узником является женщина. Исполнительницы говорят об этом варианте: «Здесь ее все поют, старой песня, корошой» (Важгорт). В таком виде песня была записана в 1937 г. в д. Коздинга.

Встречаются песни, близкие к текстам Н. Г. Цыганова («Ночка темная», «Молодость»), И. З. Сурикова («Прошла молодость моя»), И. П. Мятлева («Зеленая веточка»).

Из городских мещанских романсов среди старшего поколения популярны «Чудный месяц», «На ту широкую долину». Вообще же их на Вашке сравнительно мало, и являются они достоянием среднего поколения. Несколько обильнее романсы представлены в Ертомском сельсовете. Интересно, что часто они распеваются как протяжные песни.

Все песни исполняются на русском языке. Если сказки, загадки и другие жанры бытуют как на русском языке, так и на коми языке, то песни исполняются только по-русски. Видимо, так обстоит дело лишь на Вашке, потому что экспедицией в 1936—37 гг. в д. Буткан на Мезени были записаны на коми языке песни «Последний нынешний денечек» («Медбӧръя лун»), своеобразная переделка песни «А мы просо сеяли». В с. Усть-Кулом в те же годы был записан буквальный перевод этой песни: «Ми пӧ броса кӧдзалім, кӧдзалім». В с. Айкино Усть-Вымского района бытует на коми языке популярная на Вашке песня «Кого-то жаль».

Сравнительно новое для коми фольклора явление — частушки, но тем не менее они сейчас широко распространены. На Вашке они представлены в изобилии. Пожилые исполняют их хором и без сопровождения; молодежь поет частушки в одиночку и обязательно под гармонь.

По содержанию преобладают частушки любовные:

Каково тебе, утеночек,
В холодной воде плыть,
Таково и мне, миленочек,
С тобой в разлуке жить.

За ними следуют шуточные:

Я любила два Ивана
В том конце и в этом,
Одного люблю зимою,
А другого летом.

Среди текстов много частушек с местной окраской:

Пусть, пусть говорят,
Пусть наговорятся,
Ертомские девушки
Да славы не боятся.

Мухтюга-то деревенька,
Кругом лесом обросла,
Я молоденькая девица
Без отца я выросла.

Пожилые женщины, исполняя протяжные песни, любят завершить песни особыми частушками:

Песню петь я не училась
И во школе не была,
Верно родимая маменька
Веселой родила.

Песня вся, песня вся,
Песня кончилася,
Не соленая капуста —
Вся испортилася.

Такое же явление было зафиксировано экспедицией 1937 г. в с. Ношуль Прилузского района. Здесь мы имеем дело с довольно устоявшейся традицией.

Как было замечено выше, русские песни в Удорском районе обычно на коми язык не переводятся; что же касается частушек, то для них это явление обыденное. Частушки поются как по-коми, так и по-русски.

Особых обрядовых песен на Вашке нет. Правда, называют свадебной плясовую песню «Вечерняя заря, утренняя звезда», но вряд ли ее можно считать хотя бы исключением из общего правила. Правда, в 1937 г. в с. Ношуль Прилузского района была записана песня «Пивовар, пивовар молодой», которую, как отмечают собиратели, поют во время варения пива к свадьбе, и в святки,— но это уже другой район.

Из обрядовой поэзии от удорских коми записаны причитания — свадебные, рекрутские и похоронные.

Современная свадьба утратила обрядовый характер, совсем не встречается свадебных песен, однако в памяти отдельных исполнительниц остались плачи. Когда-то они занимали в коми обряде то же место, что и в русской свадьбе, исполнялись невестой, крестной матерью или подружкой невесты на рукобитье, девичнике, на самой свадьбе. Так же пассивно сохраняются в памяти женщин и рекрутские причитания. Более живучими оказались похоронные плачи. В. С. Тимакова (д. Кирик) рассказывает, что в родительскую и троицкую субботу коми ходят на кладбище поминать покойников, и кто умеет — причитывает.

Исполняются и свадебные и похоронные причитания одной женщиной (в соседней русской деревне Кебе свадебные исполняются хором). Умение причитывать приносит исполнительнице популярность среди жителей своей и соседних деревень. Таковы известные плакальщицы А. К. Артемьева 52 лет, П. А. Коровина 59 лет из д. Муфтюга, Ю. А. Пантелеева, 57 лет, из с. Ертом.

Исполнительницы уверяют, что плачут по-русски. Но едва ли можно считать причитания русскими, хотя в них и прослеживается русская основа — в образности, в лексике, но большинство слов принимает специфическую коми-окраску: перемещаются ударения, соответственно меняется интонация, в текст проникает большое количество коми-лексики; в результате перед нами возникает очень своеобразное явление. Интересно отметить, что напевы этих причитаний также своеобразны и совершенно не похожи на напевы северных русских плачей.

Русские песни на Вашке очень любят, относятся к ним бережно, не терпят искажения текста и мелодии. Этим, видимо, объясняется хорошая, в большинстве случаев, сохранность текстов песен. Подчас если бы не присутствие некоторых постоянных признаков, то невозможно было бы определить, что песня записана от людей, почти не владеющих русским языком[1].

Так национальность исполнителей выдает замена отсутствующих в коми языке звуков «х» и «ф» звуками «к» и «п» (корошо, пранцуз).

В коми языке нет родового различия и потому песня звучит так:

Наш-то молодец корош родился,
Да(й) корош да несчастливая,
Распригож да несталанливая.

Постоянно наблюдается присутствие звука С:

«Чужемужняя жена — (с) полынь горькая трава»
(из песни «Полно Машенька»).
«У Дунюши-то Дуньки (с) горя много,
Да весть (с) печальной от его»
(в одноименной песне).
«Сполюбил парень девчонку»[2].

В песни проникают названия местных деревень — (явление, характерное не только для коми). Так, парень веселится в кабачке в Усть-Вашке

«Мальчик в городе родился,
Жить в Вашку переселился».

В плясовой песне «Ой гулянье-игранье мое» поется о том, что

«Кострома — город привольный сторона,
Да в Кослане приемка высока».

Случай, о котором повествуется в одной из песен, происходит всегда

«Как во нашей во деревне,
Во веселой... (Муфтюге, Кирике, Коптюге, Ертоме)»

[1] Это в меньшей степени относится к песням плясовым, как уже отмечалось выше.

[2] Такое наблюдается и в русских песнях на Печоре, но в Удорском районе оно проводится с обязательной последовательностью.

и далее: парень отправляется, чтобы покончить с собой:

Пойдя я в Остров, Остров недалеко» —

Остров — название соседней деревни.

Иногда в текст проникают отдельные коми слова:

«Чужой-то ли жены купил тюпник на гульбу,
Да своей-то женушке купил лапку на назем»
(из песни «Красная девушка»)[1].

В содержании песен можно отметить некоторые факты подновления текста. Так, в песне «И поля вы поля» вместо прежних строк «На грудях у его да крест золотной (или серебряной) лежит» повсеместно поется «...орден Ленина» или «орден да красной» лежит. В песне «Уж ты сад, ты мой сад» молодец прослужил

«...служба советская да пролетарская».

Но это явление чаще случайное, чем закономерное. Так, в двух вариантах песни «Ты миляшка», записанных в д. Муфтюга, один раз говорится:

И же тебя в солдаты отдают,
Служба вольная, воля беспокойная,
В красну армию служить...,
миляшку отдают

В другой:

Во солдатское житье
Ой да во невольное житье.

Исполняются русские песни на праздниках, свадьбах, гуляньях обычно старыми и среднего возраста людьми. Молодые иногда подтягивают старикам, но песен не перенимают. Последние объясняют это тем, что многое в старых песнях молодым непонятно, да и мотив часто слишком трудный. Песня собирает своих приверженцев в досужее время, объединяет в коллективы. Обычно в каждой деревне имеется свой, иногда маленький, иногда довольно солидный хор. Маленькие, домашние коллективы есть в каждой деревне. Чупровский, Ертомский и особенно Важгортский хоры более смелы — они выступают по праздникам со сцен клуба как своего села, так и соседних деревень. Репертуар составляется самими исполнительницами и состоит обычно из популярных в районе протяжных и плясовых песен, иногда включаются романсы (так, в репертуар ертомского коллектива включены романсы «Кругом, кругом обсиротела», «Сама я розочку садила» и довольно большое количество плясовых песен).

Важгортцы, обладающие замечательными голосами, склонны заполнять репертуар протяжными песнями. Вообще Важгорт — очень песенное село. Уже издавна оно славилось по всей Мезе-

[1] Тюпник — нарядная обувь, «лапку на назем» — лапти для вывоза навоза.

ни не только своими ярмарками, но и песенниками. С особой гордостью старики рассказывают, что именно у них в 1912 году были записаны для Ф. И. Шаляпина песни «Прощай жизнь» и «Экой Ваня».

По всей Вашке очень много знатоков и любителей русской песни. В каждой деревне непосвященному могут назвать несколько имен с самыми яркими характеристиками. В д. Муфтюге много отличных песенниц. Среди них в своеобразном соперничестве находятся А. К. Артемьева, 52 лет, и П. А. Коровина, 57 лет. Они одинаково владеют песенным репертуаром, обе умеют причитать. Однако более драматичное, прочувственное исполнение А. К. Артемьевой высоко поднимает ее в глазах окружающих над П. А. Коровиной, в манере исполнения которой совершенно отсутствует лиризм, хотя бы тень собственного отношения к тому, о чем поется в песне.

Умением понять песню, выразить с ее помощью свои чувства отличается Клавдия Егоровна Ивкина, 56 лет. Она с 17 лет оглохла, кроме того, в последние годы ее мучает нервное заболевание — икота, снискавшее ей в глазах некоторых суеверных односельчан «славу» одержимой, в которую поселился дьявол. Будучи совершенно одинокой, К. Е. Ивкина единственное утешение находит в песне: поет она постоянно, и ее исполнение неповторимо по искренности, одухотворенности. С 17 лет, потеряв слух, она сохранила напевы всех протяжных песен с такой точностью, что служит своеобразным «консультантом» для своих односельчан.

В репертуаре К. Е. Ивкиной много частушек; она уверяет, что сочиняет их сама. Большинство частушек ее репертуара — грустные. Поет она их за работой, потихоньку, медленно:

Чужедальная дороженька
Не младом налита,
Ня на сахаром засыпана,
Слезою залита.

Очень интересной песенницей является Ю. А. Пантелеева, 75 лет — признанный «руководитель» и запевала ертомского песенного коллектива. Неуемный темперамент, энергичность склоняют ее к выбору «веселых» песен: во многом благодаря ей в репертуаре ертомского хора преобладают плясовые песни и романсы. Романс влечет ее как песня «городская», «книжная». К протяжным песням у нее отношение особое: сама она их очень любит, великолепно исполняет, но жалуется на женщин, которые путаются в тексте песен, искажают слова, и в какой-то мере действует она на них подавляюще — те боятся при ней ошибиться и отказываются петь.

Отличными запевалами важгортского хора являются Е. А. Юдина, 46 лет и Е. Н. Скоморокова, 55 лет. Обладая сильными, высокими голосами, они задают «тон» всему коллек-

туву». Вообще важгортский хор в какой-то степени принадлежит уже к «организованным» коллективам благодаря работе с большим любителем и организатором художественной самодеятельности С. И. Пятиевым, часто приезжающим в Важгорт.

Итак, уже первоначальные наблюдения показывают, что русская песня занимает огромное место в фольклорном репертуаре района. Здесь находят свое продолжение мезенская и печорская песенные традиции, и не только тексты, но и мелодии не претерпели сколько-нибудь заметных изменений. Этот вывод подтверждается материалами многочисленных экспедиций, побывавших на Печоре и Мезени, а также материалами, записанными в 1961 г. в русской деревне Кеба, пограничной с обследованными коми деревнями. Эти наблюдения подтверждают тот вывод, что произведения русского народного творчества вошли органической частью в национальную коми культуру как следствие многовекового соседства этих народов, обеспечившего большую культурную и духовную общность.

Вопрос о причинах и времени проникновения русской песни требует специального исследования на более широком материале, чем материал одного района.

Данную статью следует рассматривать лишь как попытку поставить вопрос, на который можно дать ответ при полном учете реальных фактов взаимодействия двух культур — русской и коми.

Г. Г. БАРАКСАНОВ.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ И ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ КОМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В понятие литературного (письменного) языка входят три момента: графика, орфография и языковая норма. Под языковой нормой понимаются фонетические, морфологические, лексические и другие особенности, отличающие литературный язык от нелитературных диалектов. В качестве основы языковой нормы коми литературного языка взят присыктывкарский говор.

«Литературный язык — это общий язык для всего населения данного языкового коллектива, наддиалектный язык, это обработанный язык со строго очерченными языковыми и орфографическими нормами, зафиксированными в нормативных грамматиках и словарях»[1].

Термины, графика и орфография отражают две принципиально разные стороны письма.

«Графика — это совокупность средств, которыми обладает данный язык для изображения фонем и их сочетаний, т. е. звучания слов. Орфография же является сводом правил, определяющих, какое из этих средств должно быть избрано при написании данного слова или данной морфемы»[2].

С точки зрения графических норм, установленных для данного языка, правильным будет всякое написание, которое обеспечивает однозначное чтение данного слова, соответствующее его произношению. Например, слово сотчыны (произносится соч'ч'ыны)[1] 'гореть' средствами современной коми графики можно изобразить следующими способами: сотчыны, соччыны, сотьчыны. Конечный звук основы т в любом из приведенных здесь

[1] Современный коми язык, ч. 1 под ред. проф. В. И. Лыткина, Сыктывкар, 1955, стр. 69.

[2] Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 307.

случаев будет звучать как ч согласно правилам чтения коми языка. Орфография, исходя из того или иного принципа, выбирает один вариант написания, который и считается правильным (в данном случае «сотчыны»).

Система графики должна учитывать следующие общие положения:

1) Оттенки одной фонемы на письме специальными буквами или какими-нибудь другими средствами не обозначаются.

2) Отдельная буква алфавита при фонетическом письме должна, как правило, изображать одну фонему. Однако в комбинации с другими буквами она может передавать разные фонемы, например, в коми языке для палатальных фонем нет отдельных букв, они, как и в русском языке, передаются на письме сочетанием букв для соответствующих им непалатальных фонем особыми буквами для гласных (я, ю, е, ё) или с помощью особого знака мягкости (ь).

3) Возможно обозначение одной фонемы разными буквами, например, в коми графике существование двух букв для фонемы «и» (и, і) обусловлено необходимостью различения на письме палатальных и непалатальных парных согласных перед и: сісь (сис')[1] 'гнилой'— сись (с'ис') 'свеча'; колі (коли) 'нужно было' — коли (кол'и) 'я оставил' и т. д.

4) Допускается обозначение сочетания фонем одной буквой, если оно всегда обозначается данной буквой, таковы, например, буквы я, ю, е, ё, являющиеся в коми графике, как и в русской, единственным средством обозначения сочетаний йа, йу, йэ, йо.

5) Изображение аффрикат сочетанием двух или нескольких букв усложняет графику, наличие специальных букв для этих фонем делает графику более совершенной.

Орфография строит свои правила, опираясь на принципы графики данного языка. Но поскольку графика часто дает несколько вариантов написания одного и того же слова или морфемы, орфография вырабатывает свои принципы. Звуковая сторона языка находится в теснейшей связи с его словарным составом и грамматическим строем, поэтому фонетическое (или буквенное) письмо должно отражать не только звуковую сторону, но и все лексические и грамматические связи, существующие в языке. Соответственно этому орфография следует не одному, а нескольким различным принципам. В коми языке господствующим является фонетический принцип, сущность которого заключается в том, что на письме звуки (фонемы) передаются так, как они слышатся в речи. Согласно морфологическому принципу, который занимает в коми орфографии незначительное место,

[1] Здесь и дальше везде примеры даются на основе современного алфавита и орфографии коми языка, употребляется транскрипция, применяемая в учебнике «Современный коми язык» под ред. В. И. Лыткина, Сыктывкар, 1955.

живые чередования фонем в пределах одной морфемы не учитываются, поскольку правила графики в каждом случае обеспечивают правильное чтение написанного, например, в словах вотöс 'ягода' и вотчыны (воч'ч'ыны) 'собирать ягоды' пишется т, хотя во втором случае произносится ч (ч').

Буквенное или алфавитное письмо появилось у коми во 2-й половине XIV века. Возникновение его связано с деятельностью миссионера, а затем епископа Стефана Пермского. Около 1375 года Стефан составил древнепермскую азбуку из 24 букв [1].

Проф. В. И. Лыткин предполагает, что азбука была составлена по образцу греческих и славянорусских букв; хотя не исключена возможность, что на ее оформление оказали известное влияние знаки (пасы) или, может быть, графемы, бытовавшие у коми ранее. На основе этой азбуки Стефан начал создавать церковную литературу на древнепермском языке (переводы молитв и песнопений), организовал богослужение на родном языке пермян (древних коми), учил их пермской грамоте и т. д.

Просуществовав до XVII века, пермская письменность с точки зрения графики претерпела большие изменения под влиянием принципов русской графики; были введены новые буквы ю, я, х, ф, ь, ъ в том значении, в каком они употреблялись в русской графике; вместо сочетаний иа, иу стали частично употреблять буквы я, ю; буква э, обозначавшая только фонему э, стала употребляться одинаково с русской буквой е (обозначая и сочетание иэ); мягкость согласных постепенно стала обозначаться последующей йотованной гласной буквой или буквой ь, т. е. стал применяться один из основных принципов русской графики, и т. д.

Таким образом, древнепермская письменность постепенно была подготовлена в своем развитии к переходу на русский алфавит; изменились основные принципы графики в пользу русской, оставалось только заменить древнепермские буквы русскими, что и было сделано переписчиками пермских текстов к концу XVII века.

Об орфографии древнепермских памятников письменности судить сейчас трудно.

С начала 19 века начинает появляться в печати кое-какая литература на коми языке и о коми языке; имеет хождение также некоторая рукописная литература, по преимуществу религиозная.

В этот период и в начале 20 века (до революции) появляются несколько систем графики разных авторов, разработанных ими в своих трудах по коми языку или в сборниках текстов на коми языке. Свои системы графики создали П. И. Савваитов, И. А. Куратов, Г. С. Лыткин, А. А. Цембер и другие. Общим

[1] См. В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957, стр. 42.

для этих систем было то, что все они имели в основе русскую графику, но одни (Савваитов, Куратов, Лыткин) брали лишь русские буквы, частично или совсем отвергая принципы русской графики, другие (Цембер) применяли не только русские буквы, но и основные принципы русской графики.

В составе алфавита Савваитова было 30 букв, Лыткина — 26, Цембера — 30. Мягкость согласных Савваитов передавал частично с помощью гласных (и, е), а в основном посредством латинской буквы j (эта же буква обозначала и фонему й); Г. С. Лыткин был в этом отношении более последовательным и обозначал мягкость согласных посредством диакритического знака над буквами для соответствующих непалатальных согласных; Цембер полностью придерживался принципа русской графики. Специфические аффрикаты коми языка Савваитов и Лыткин обозначали специальными буквами, Цембер же изображал их сочетанием букв, как и в графике современного коми языка, и т. д.

Таким образом, до Октябрьской революции не было создано единой системы графики коми языка.

Орфография печатных работ, вышедших до революции, также не была единой. Объясняется это прежде всего тем, что их авторы опирались на разные диалекты, т. е. не было единых языковых норм. Куратов писал на базе родного ему среднесысольского диалекта, Лыткин брал за основу вычегодско-сысольские говоры с применением «л» вместо «в» в конце и середине слов перед согласными, как более архаичного явления. Савваитов и Цембер опирались на сыктывкарско-вычегодский диалект. Были работы и на основе ижемского диалекта. Отсутствие единой системы орфографии объяснялось и тем, что эти исследователи коми языка не были связаны друг с другом, между ними почти не было преемственности.

В правописании сложных слов и морфем (Куратов писал некоторые из них отдельно, остальные — вместе), послелогов со знаменательными словами, частиц и т. д., в употреблении суффиксальных ӧ — э, ы — и, двойных согласных и т. д. не было единства не только в общем, но даже в работах каждого исследователя в отдельности. Даже у Г. С. Лыткина, который более или менее последовательно применяет разработанные им правила орфографии, встречаются написания двоякого рода, например, послелоги иногда пишутся вместе, иногда отдельно (посводзулас 'под его сенями' и пу вылӧ 'на дерево'). В орфографии А. А. Цембера вообще очень трудно разобраться.

Таким образом, все попытки создания коми литературного языка, в частности, создания единых графических и орфографических норм его, до Октябрьской революции оказались безуспешными. Да иначе и не могло быть в условиях царской руссификаторской политики.

В первые же годы установления советской власти в школах начинают обучать на родном языке, в связи с этим ведется большая работа по подготовке учебников и учебных пособий на родном языке; коми язык начинает появляться также на страницах газет. Поэтому вполне естественно, что с первых же дней революции встал вопрос об алфавите и системе графики и орфографии коми языка.

В процессе формирования графических норм в советскую эпоху можно наметить следующие периоды:

1. Период формирования единых графических норм и развитие письменности на основе фонематического молодцовского алфавита (1918—1930 гг.).

В августе 1918 г. на Устьвымском совещании учителей Усть-Сысольского и Яренского уездов был принят алфавит В. А. Молодцова, который содержал первоначально 33 буквы, т. е. ровно столько, сколько фонем в коми языке. В состав алфавита вошли без изменения начертаний следующие буквы русского алфавита: а, б, в, г, е, ж, з, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, щ, ш, ы (всего 21). Буква і, введенная Молодцовым для фонемы «и», в русской графике после революции уже не употреблялась. Из латинского алфавита были взяты буквы, обозначающие фонемы д, й. Буква ӧ была введена в алфавит по традиции. Остальные буквы (для обозначения палатальных фонем) отличались от русских по своим начертаниям.

Система графики, основанная на молодцовской азбуке, характеризовалась следующими особенностями:

1) Каждая буква обозначала только одну фонему, лишь в некоторых случаях регрессивной ассимиляции в угоду морфологическому принципу орфографии некоторые буквы обозначали разные фонемы в словах типа ыджыдджык (произн. ызыzzык) 'больше', косджык (произн. кожzык) 'суше' и т. д.

2) Палатальные согласные обозначались специальными буквами; шесть букв (для фонем д', л', н', з', с', т') по своим начертаниям исходили из букв, обозначавших соответствующие непалатальные согласные (введен был крючок с правой стороны буквы). Остальные пары (для фонем z—z', ч—ч') по начертаниям не соответствовали друг другу.

3) При обозначении специфических фонем коми языка z и z' Молодцов исходил соответственно из букв ж и з, прибавив к ним хвост. Непалатализованная переднеязычная какуминальная глухая аффриката «ч» передавалась на письме русской буквой щ.

4) Буква е, в отличие от русского языка, обозначала только фонему э.

5) Специфическая буква ӧ обозначала гласную фонему среднего подъёма, среднего ряда, отсутствующую в русском языке.

6) Сочетания букв для изображения одной какой-либо фонемы не употреблялись, если не считать, что в первое время

русская фонема «ц» передавалась сочетанием «тс», но она именно так и выговаривалась, как сочетание «тс», а не как единая фонема.

Таким образом, В. А. Молодцову удалось создать довольно стройную систему графики для коми языка, не укладывается в систему лишь изображение палатальных аффрикат, поскольку здесь Молодцов исходил из других принципов, чем в отношении других палатальных фонем коми языка. Система графики достаточно точно передавала фонетический строй коми языка. В этом ее несомненное достоинство.

Графике, основанной на алфавите В. А. Молодцова, были присущи недостатки не системного характера, а другого порядка:

1) Алфавит этот применялся только в коми языке, состав и начертания букв сильно отличались от русского алфавита и алфавитов других народов, поэтому пришлось излишне израсходовать многие тонны дорогого полиграфического материала для отлития шрифта, изготовить специальные наборные машины и т. д. С этой стороны молодцовский алфавит справедливо характеризовали как узконационалистический.

2) Отличие принципов коми графики от русских (передача мягкости согласных, сочетаний «й» с гласными и т. д.) приводило к трудностям при изучении русского языка в коми школе. Учащиеся зачастую путали принципы коми и русской графики, что вело к возникновению многочисленных орфографических ошибок.

В силу этих причин молодцовский алфавит подвергался критике с самого его принятия. О шрифте шла дискуссия на страницах газет, журналов, на конференциях литераторов и языковедов, поднимался вопрос о замене молодцовского алфавита таким, который бы больше отвечал стремлению народа коми к возможно более легкому общению с другими народами СССР. Одни предлагали полностью перейти на русский алфавит, другие, их было большинство, по примеру тюркских и кавказских народов выступали за латинизацию коми алфавита. Однако система графики, основанная на молодцовском алфавите, просуществовала до конца 1933 года, лишь с начала 1934 г. был осуществлен полностью переход на латинизированный алфавит.

II. Период постепенного перехода на латинизированный алфавит, период ломки установившихся графических норм (1930—1935 гг.). Датировка этого периода несколько условная, поскольку переход на новый алфавит осуществлялся постепенно, латинизированный и молодцовский алфавиты существовали на равных правах около двух лет (конец 1931—1933 гг.).

Как уже указывалось выше, разговоры о необходимости перехода на латинизированный алфавит шли давно, однако

щее») для передачи фонемы «и» после шести твёрдых парных согласных (д, з, л, н, с, т). В русском языке эти согласные перед «и» всегда мягкие, в коми языке они могут быть и твёрдыми. Буква і как раз употребляется для обозначения твёрдого произношения вышеперечисленных согласных, например: син (с'ин) «глаз» и сім (сим) «ржавчина» и т. д.; в) обозначение специфических аффрикат коми языка сочетаниями букв тш (ч), дж (z), дз (z'); г) как мягкие, так и твёрдые согласные в коми языке могут стоять перед любым гласным звуком. Между тем русская система графики позволяет обозначать мягкость согласных посредством употребления особых йотированных букв (я, ю, е, ё) только перед гласными а, у, э, о; ввиду этого для обозначения тех мягких согласных (из парных), которые не имеют особой буквы, перед звуками ы, ӧ употребляется ь: сьывны (с'ывны) 'петь', ньӧв (н'ӧв) «стрела» и т. д.

Достоинствами современной системы коми графики можно считать следующие: 1) она сближает коми народ с русской культурой и с культурой других братских народов; 2) коми графика, являясь тождественной с русской, значительно облегчает обучение грамоте в школе; 3) современная коми графика расширяет полиграфические возможности: коми литературу можно печатать в любой типографии СССР, пользуясь всем разнообразием шрифтов и другими достижениями советской полиграфической техники.

Недостатки коми графики заключаются в следующем:

1) Смешение разных принципов графики: а) мягкость согласных перед а, у, э, о передается специальными буквами я, ю, е, ё, а перед ӧ, ы — с помощью ь; б) сочетания йа, йу, йэ, йо обозначаются буквами я, ю, е, ё, а для сочетания йи, йы, йӧ нет специальных букв; было бы последовательнее, если создать специальные буквы и для этих сочетаний; в) принцип обозначения мягких согласных не соблюдается в отношении аффрикат ч—ч', z—z', хотя в коми языке они являются парными; следовало бы обозначать эти пары фонем так же, как и другие парные, т. е. одной буквой;

2) Обозначение аффрикат ч, z, z' буквосочетаниями тш, дж, дз; следовало бы придумать специальные буквы для пары ч—ч' и z—z'.

Развитие орфографических норм также можно условно подразделить на три периода:

1. Период разработки основных принципов коми орфографии, период, когда не было полного свода единых орфографических правил, существовали разногласия по некоторым проблемам орфографии (1918—1929 гг.)

Как уже указывалось выше, до Октябрьской революции единые орфографические нормы коми языка не были выработаны. Более или менее цельная система орфографических правил

впервые была дана В. А. Молодцовым в первом учебнике по коми грамматике для коми школ, вышедшем в 1921 году (см. В. А. Молодцов, «Коми грамматика туй письӧдысь», Сыктывкар, 1921).

Поскольку диалектной основой литературного языка был признан присыктывкарский говор, то орфография Молодцова целиком опиралась на произношение этого говора.

1) Ведущим принципом коми орфографии был признан фонетический, морфологический принцип применялся лишь частично: в случаях регрессивной ассимиляции, например: пӧдны 'задохнуться' — пӧдтыны (пӧттыны) 'задушить', видзӧдны 'смотреть' — видзӧдчыны (viz'ӧч'ч'ыны) 'смотреться' и т. д. По аналогии с такими написаниями писались остальные слова с сочетаниями тч, дч, дт, дзч, ддз, хотя в современном языке их прежняя основа уже не проглядывается: четчыны (ч'эч'ч'ыны) 'встать'; кольтчыны (кол'ч'ч'ыны) 'остаться' и т. д.

2) В отношении чередования л — в отступлений от говора не было («л» перед гласными в середине слова и «в» — на конце слов и в середине перед согласными).

3) Не было единства написаний начальный г—дь и к—ть перед переднеязычными: гид 'хлев', гез 'веревка', но дерт 'конечно'; керка 'дом', ки 'рука', но тепысь 'рукавица' и т. д.

4) В суффиксальных слогах после твердых и палатальных согласных писалось «ӧ, ы,» а не «э, и,» хотя в говоре употреблялись оба варианта.

5) Мягкость согласных обозначалась, в отличие от современной орфографии, и в середине слов перед мягкими (додьдясьны 'запрягать', кольльӧдны 'проводить' и т. д.).

6) В написании сложных слов применялся в основном тот же принцип, что и сейчас: слитное написание слов, компоненты которого отдельно не употребляются или употребляются, но в сумме дают новое значение, и через дефис — повторяющиеся слова и слова с собирательным значением.

7) Словообразовательные и словоизменительные суффиксы писались слитно.

8) Послелоги с пространственным значением писались отдельно: пызан вылын 'на столе', керка дорын 'около дома' и т. д., остальные через дефис: кык-мында 'вдвое', дыш-пырысь 'с неохотой' и т. д.

9) Частицы кӧ 'если' и не с местоимениями писались слитно, в других случаях, как и все остальные — через дефис: кодкӧ 'кто-то', муно-кӧ 'идет если', неыджыд 'небольшой', тайӧ-жӧ 'этот же' и т. д.

10) Союзы писались отдельно.

11) Русские заимствования (прилагательные) имели окончания-ӧй (боковӧй 'чужой') и-ей (больнэй 'больной'). Специфические фонемы русского языка на письме передавались

в коми произношении: революtсiя вм. революция, яштшик (йашчик) вм. ящик и т. д.

Как мы видим, некоторые принципы и правила орфографии, разработанные Молодцовым, остаются в силе и до сих пор (см. пункты 2, 4, 6, 7, 10, частично 1, 3, 8). Многие из них восходят к дореволюционной письменности. Эти принципы были приняты и проводились на страницах газет, журналов и книг. Однако в 1926 году В. А. Молодцов выпустил книгу «Некоторые принципы зырянского правописания», в которой ввел обильное употребление дефисов. По существу все разнообразие синтаксических связей между словами в предложении Молодцов предлагал обозначать на письме сложной системой дефисов с разными цифровыми индексами, отвергая такие приемы, как знаки препинания, порядок слов в предложении и т. д. Система дефисов была очень сложна, хотя ей нельзя было отказать в последовательности. По этому поводу в печати развернулась оживленная дискуссия. Почти все выступившие в дискуссии осудили попытки Молодцова усложнить систему правописания коми языка. Дискуссия была необходимой потому, что к этому времени наметились определенные расхождения в употреблении дефисов. В Центриздате выпускались книги с обильным употреблением дефисов, а Коми издательство придерживалось принципа умеренного их использования.

Дискуссия завершилась на Коми лингвистической конференции Главнауки в июле 1929 года. Конференция отвергла принципы Молодцова и постановила употреблять дефисы в тех пределах, в каких они применялись в первые годы Советской власти. Конференция признала также необходимым расширить некоторые нормы литературного языка в целях сближения диалектов, например, в отношении употребления г—дь и к—ть в начале слов перед переднерядными было рекомендовано г и к, а также употребление более последовательно представленных в других диалектах йт, йд вместо чередующихся ть — йт, дь — йд (в литературном диалекте употреблялось йт и дь: додь 'сани', но няйт 'грязь', в диалектах же дойд, няйт). Однако эти рекомендации в коми орфографии не привились.

Было признано также необходимым ввести в алфавит буквы х, ф, ц для правильной передачи новых русских заимствований.

Конференция разработала основные принципы правописания сложных слов (они за исключением некоторых частных случаев применяются и в настоящее время), новых и старых русских заимствований (новые заимствования стали передаваться в орфографии оригинала) и т. д. По существу, на конференции были заложены основы современной орфографии.

II. Период разработки и систематизации полного свода орфографических правил, выпуск первого орфографического словаря (1930—1939 гг.).

На основе решений конференции Главнауки в 1930—31 гг. были выпущены учебники И. И. Разманова по коми языку для средних школ: в 1930 году «Коми кыв (Ыджыд школаясын велӧдан отсӧг)» и в 1931 г. «Коми синтаксис», Москва, Центриздат. В эти же годы вышел «Коми орфографический словарь» («Коми орфография кывӧктӧд», Сыктывкар, 1930) И. И. Разманова. Словарь был несовершенен, поскольку представлял из себя первый опыт такого рода, и в связи с переходом на латинизированный алфавит вскоре потерял практическое значение.

Областной Комитет Нового Алфавита при Президиуме Коми Облисполкома организовал с 29 августа по 2 сентября 1934 г. Первую объединенную коми (зырянскую) и коми (пермяцкую) термино-орфографическую конференцию. Тезисы докладов к конференции были опубликованы заранее для обсуждения. На конференции был поставлен доклад А. С. Сидорова «Очередные вопросы коми орфографии» и содоклад А. Н. Зубова на эту же тему. В резолюции конференции (см. «Резолюции Первой объединенной коми (зырянской) и коми (пермяцкой) термино-орфографической конференции», Сыктывкар, 1935, стр. 21—36) отмечалось важное место орфографии в вопросах языкового строительства; устанавливались факторы, определяющие орфографические нормы: 1) принципы построения литературного языка, 2) принципы построения алфавита, 3) строй языка. Было отмечено, что в основном решен вопрос изображения отдельных фонем, вопросы основных междиалектных чередований, например: г — дь, к — ть перед и, е (имеются лишь частные случаи, которые могут быть разрешены в порядке составления орфографического словаря: герт или дерт 'конечно' и т. д.); в отношении йт — ть и йд — дь конференция сочла возможным допустить написание согласно произношения в литературном диалекте (няйт 'грязь', но додь 'сани'), но рекомендовала более последовательно проведенное чередование в форме йт, йд; в употреблении суффиксальных ы — и, ӧ — э конференция оставила в силе прежний принцип Молодцова.

Конференция сочла существующие правила коми орфографии недостаточно разработанными и предложила довольно детальный свод правил орфографии: принципы разграничения сложных слов и определительных словосочетаний получили более детальную разработку (существительные с послелогами в именительном падеже были отнесены в разряд сложных слов и стали писаться слитно: пызанвыв 'верх стола', керкадор 'пространство около дома' и т. д.); при регрессивной ассимиляции вместо исторического принципа стал применяться фонетический принцип: чеччыны 'вставать' вм. четчыны, виччысьны 'ждать' вм. витчысьны (морфологический принцип с точки зрения современного языка здесь неприменим); подробно были разработаны правила написания заимствованных слов (принцип раз-

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Д. Иванов. Аграрные преобразования в Усть-Сысольском уезде в 1918—1920 гг. 3

Л. С. Шабалова. К вопросу об экономической основе военно-политического союза коми народа с другими народами страны в годы гражданской войны 18

В. С. Дегтев. Развитие лесозаготовительной промышленности в Коми АССР в годы 4-й пятилетки (1946—1950 гг.) 32

Л. Н. Жеребцов. Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX — начале XX вв 47

Ю. В. Гагарин. О деятельности «Свидетелей Иеговы» в Коми АССР 60

В. И. Канивец. Археологические исследования путешественника Владимира Русанова 74

Г. М. Буров. Новые данные о могильниках XII—XIV вв. у села Гам на нижней Вычегде 81

Э. А. Савельева. Первый Веслянский памятник 87

В. Е. Лузгин. Археологические находки на побережье Чешской губы и полуострова Канин 99

В. А. Латышева. Пьеса «Шонділань!» (из архивов В. А. Савина) 103

П. И. Чисталев. Из истории развития музыкальной культуры Коми АССР (1918—1932 гг.) 115

Ф. В. Плесовский. Коми-пермяцкие песни 130

Е. С. Гуляев. Этимологические заметки 143

А. Е. Ванеев. Ритмико-интонационная структура коми стиха . . . 150

Т. И. Орнатская. Русская песня на Вашке 161

Г. Г. Бараксанов. Формирование графических и орфографических норм коми литературного языка 174

Редактор *М. Соловьева.*

Техн. редактор *А. Жилина.*

Сдано в набор 22/VII-1963 г. Подписано к печати 22/I-1964 г. Формат 60×92 1/16 = 6,25 бум. л. 12,5 печ. лист. (Уч.-изд. лист. 11,76). Тираж 500 экз. Заказ № 3168. Ц00807 Коми книжное издательство. Дом печати. Цена 92 коп.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Управления печати

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
49	18 сверху	простота	пестрота
52	ссылка 1	М. об. 138 — 139	Лл. 138 — 139 об.
53	ссылка 1	до 155, 1,	ф. 155, оп. 1,
58	11 сверху	нуньялöм	тунъялöм
95	ссылка 5	В. А. Городцов. Подболотьевский могильник. „Древности". т. XXIV, СПб, 1911; Историч. музей, отдел III, инв. 56480	В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. „Древности", т. XXIV, М., 1914; Исторический музей, отдел III, инв. № 56480
183	20 сверху	начальный	начальных
"	2 снизу	' чужöй '	' чужой '
186	4 сверху	кöйим	пöйим